
Русские
народные
сказки
Государственное
Издательство
Художественной
Литературы
Москва
1958

В настоящее издание русских народных сказок включены фантастические, богатырские, бытовые, сатирические сказки. Значительная часть их взята из широко известного сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки». Ряд сказок дан в обработке писателей — А. Толстого, К. Ушинского, Ю. Соколова, И. Карнауховой, А. Нечаева, Н. Булатова.

Художник Т. Маврина

СКАЗКА О ВАСИЛИСЕ ПРЕМУДРОЙ

Посеял мужик рожь, и уродил ему господь на диво: едва мог с поля собрать! Вот перевез он снопы домой, смолотил и насыпал зерном полнехонек амбар; насыпал и думает: «Теперь-то стану жить, не тужить!» И повадились к мужику в амбар мышь да воробей; каждый божий день раз по пяти слазают, наедятся — и назад: мышь юркнет в свою норку, а воробей улетит в свое гнездо. Жили они вдвоем так-то дружно целые три года; все зерно приели, остается в закроме самая малость, с четверик — не больше. Видит мышь, что запас к концу подходит, и ну ухитряться, как бы воробья обмануть да всем остальным добром одной завладáть. И таки ухитрилась; собралась темною ночью, прогрызла в полу большущую дыру и спустила в подполье всю рожь до единого зернышка.

Поутру прилетает воробей в амбар, захотелось ему позавтракать; глянул — нет ничего! Вылетел бедняжка голодный и думает про себя: «Обидела, проклятая! Полечу-ка я, добрый мóлодец, к их нему царю, ко льву, стану просить на мышь — пусть он нас рассудит по правде». Снялся и полетел ко льву: «Лев, царь звериный! — бьет ему челом воробей.— Жил я с твоим зверем, мышью зубастою; целые три года кормились из одного закрома, и не было промеж нас никакой ссоры. А как стал запас к концу подходить, пошла она на хитрости: прогрызла в закроме дыру, спустила все зерно в подполье к себе, а меня, бедного, голодать оставила. Рассуди нас по правде; не рассудишь — полечу искать суда-расправы у своего царя, орла».— «Ну и лети с богом!» — сказал лев. Воробей бросился с челобитьем к орлу, рассказал ему всю свою обиду, как мышь своро-

вала, а лев ей потатчик. Сильно разгневался в те́ поры царь орел и сейчас же отправил ко льву легкого гонца: приходи завтра с своим-де звериным воинством на такое-то поле, а я соберу всех птиц и дам тебе сражение.

Нечего делать, послал царь лев клич кликать, на войну зверей созывать. Собралось их видимо-невидимо, и только пришли на чистое поле — летит на них орел со всем своим крылатым воинством, словно туча небесная. Началась битва великая. Бились они три часа и три минуточки; победил царь орел, завалил все поле трупами звериными и распустил птиц по домам, а сам полетел в дремучий лес, уселся на высокий дуб — избит, изранен, и стал думать думу крепкую, как бы назад воротить свою силу прежнюю.

Давно это было, а жил-был тогда купец с купчихою один-одинехоньки, не было у них ни единого детища. Встал купец поутру и говорит жене: «Нехорош мне сон привиделся: навязалась будто к нам большая птица, жрет зараз по целому быку, выпивает по полному ушату; а нельзя отбыть, нельзя птицы не кормить! Пойду-ка я в лес, авось поразгуляюся». Захватил ружье и пошел в лес. Долго ли, коротко ли бродил он по́ лесу, подошел, наконец, к дубу, увидел орла и хочет стрелять по нем. «Не бей меня, добрый мо́лодец! — провещал ему орел человеческим голосом.— Убьешь — мало будет прибыли. Возьми лучше меня к себе в дом да прокорми три года, три месяца и три дня; я у тебя поправлюся, отращу свои крылья, соберуся с силами и тебе добром заплачу».— «Какой заплаты от орла ожидать?» — думает купец и прицелился в другой раз. Орел провещал то же самое. Прицелился купец в третий раз, и опять орел просит: «Не бей меня, добрый мо́лодец; прокорми меня три года, три месяца и три дня; как поправлюся, отращу свои крылья да соберуся с силами — все тебе добром заплачу!»

Сжалился купец, взял птицу орла и понес домой. Тотчас убил быка и налил полный ушат медовой сыты; надолго, думает, хватит орлу корму; а орел все зараз приел и выпил. Плохо пришлось купцу от незваного гостя, совсем разорился; видит орел, что купец-то обеднял, и говорит ему: «Послушай, хозяин! Поезжай в чистое поле; много там разных зверей побитых, пораненных. Сними с них дорогие меха и вези продавать в го-

род; на те деньги и меня и себя прокормишь, еще про запас останется». Поехал купец в чистое поле, видит: много на поле лежит зверей побитых, пораненных: поснимал с них самые дорогие меха, повез продавать в город и продал за большие деньги.

Прошел год; велит орел хозяину везти его на то место, где высокие дубы стоят. Заложил купец повозку и привез его на то место. Орел взвился за тучи и с разлету ударил грудью в одно дерево: дуб раскололся надвое. «Ну, купец, добрый молодец,— говорит орел,— не собрался я с прежнею силою, корми меня еще круглый год». Прошел и другой год; опять взвился орел за темные тучи, разлетелся сверху и ударил грудью дерево: раскололся дуб на мелкие части. «Приходится тебе, купец, добрый молодец, еще целый год меня кормить; не собрался я с прежнею силою».

Вот как прошло три года, три месяца и три дня, говорит орел купцу: «Вези меня опять на то же место, к высоким дубам». Привез его купец к высоким дубам. Взвился орел повыше прежнего, сильным вихрем ударил сверху в самый большой дуб, расшиб его в щепки с верхушки до кореня, ажно лес кругом зашатался. «Спасибо тебе, купец, добрый молодец! — сказал орел.— Теперь вся моя старая сила со мною. Бросай-ка лошадь да садись ко мне на крылья; я понесу тебя на свою сторону и расплачусь с тобою за все добро».

Сел купец орлу на крылья; понесся орел на синее море и поднялся высоко-высоко. «Посмотри, говорит, на синее море, велико ли?» — «С колесо!» — отвечает купец. Орел встряхнул крыльями и сбросил купца вниз, дал ему спознать смертный страх и подхватил, не допустя до воды. Подхватил и поднялся с ним еще выше. «Посмотри на синее море, велико ли?» — «С куриное яйцо!» Встряхнул орел крыльями, сбросил купца вниз и, опять не допустя до воды, подхватил его и поднялся вверх, повыше прежнего. «Посмотри на синее море, велико ли?» — «С маковое зернышко!» И в третий раз встряхнул орел крыльями и сбросил купца с поднебесья, да опять-таки не допустил его до воды, подхватил на крылья и спрашивает: «Что, купец, добрый молодец, спознал, каков смертный страх?» — «Спознал,— говорит купец,— я думал, совсем пропаду!» — «Да ведь и я тоже думал, как ты в меня ружьем целил».

Полетел орел с купцом за́ море, прямо к медному царству. «Вот здесь живет моя старшая сестра; как будем у ней в гостях и станет она дары подносить, ты ничего не бери, а проси себе медный ларчик». Сказал так-то орел, ударился о сырую землю и оборотился добрым молодцем. Идут они широким двором. Увидала сестра и обрадовалась: «Ах, братец родимый! Как тебя бог принес? Ведь боле трех лет тебя не видала; думала — совсем пропал! Ну чем же тебя угощать, чем потчевать?» — «Не меня проси, не меня угощай, родимая сестрица! Я свой человек; проси-угощай вот этого доброго мо́лодца: он меня три года поил-кормил, с голоду не уморил».

Посадила она их за столы дубовые, за скатерти браные, угостила-употчевала; повела потом в кладовые, показывает богатства несметные и говорит купцу, доброму молодцу: «Вот злато, и се́ребро, и каменья самоцветные; бери себе что душа желает!» Отвечает купец, добрый молодец: «Не надобно мне ни злата, ни се́ребра, ни каменья самоцветного; подари медный ларчик».— «Как бы не так! Не то́т ты сапог не на ту ногу надеваешь!» Осердился брат на такие речи сестрины, оборотился орлом, птицей быстрою, подхватил купца и полетел прочь. «Братец родимый, воротися! — кричит сестра.— Не постою и за ларчик!» — «Опоздала, сестра!»

Летит орел по поднебесью. «Посмотри, купец, добрый молодец, что назади и что впереди деется?» Посмотрел купец и сказывает: «Назади пожар виднеется, впереди цветы цветут!» — «То медное царство горит, а цветы цветут в серебряном царстве у моей середней сестры. Как будем у ней в гостях и станет она дары дарить, ты ничего не бери, а проси серебряный ларчик». Прилетел орел, ударился о сырую землю и оборотился добрым молодцем. «Ах, братец родимый! — говорит ему сестра.— Отколь взялся? Где пропадал? Что так долго в гостях не бывал? Чем же тебя, друга, потчевать?» — «Не меня проси, не меня угощай, родимая сестрица! Я свой человек; проси-угощай вот доброго мо́лодца, что меня три года и поил и кормил, с голоду не уморил».

Посадила она их за столы дубовые, за скатерти браные, угостила-употчевала и повела в кладовые: «Вот злато, и се́ребро, и каменья самоцветные; бери, купец, что душа пожелает!» — «Не надобно мне ни злата, ни

се́ребра, ни каменья самоцветного; подари один серебряный ларчик».— «Нет, добрый молодец, не тот кусок хватаешь! Не ровен час — подавишься!» Осердился брат орел, оборотился птицею, подхватил купца и полетел прочь. «Братец родимый, воротися! Не постою и за ларчик!» — «Опоздала, сестра!»

Опять летит орел по поднебесью. «Посмотри, купец, добрый молодец, что назади и что впереди?» — «Назади пожар горит, впереди цветы цветут».— «То горит серебряное царство, а цветы цветут — в золотом, у моей меньшой сестры. Как будем у ней в гостях и станет она дары дарить, ты ничего не бери, а проси золотой ларчик». Прилетел орел к золотому царству и оборотился добрым молодцем. «Ах, братец родненький! — говорит сестра.— Отколь взялся? Где пропадал? Что так долго в гостях не бывал? Ну, чем же велишь себя потчевать?» — «Не меня проси, не меня угощай, я свой человек; проси-угощай вот этого купца, доброго молодца: он меня три года поил и кормил, с голоду не уморил».

Посадила она их за столы дубовые, за скатерти браные, угостила-употчевала; повела купца в кладовые, дарит его златом, и се́ребром, и камнями самоцветными. «Ничего мне не надобно; только подари золотой ларчик».— «Бери себе на счастье! Ведь ты моего брата три года поил и кормил, с голоду не уморил; а ради брата ничего мне не жалко!» Вот пожил, попировал купец в золотом царстве; пришло время расставаться, в путь-дорогу отправляться. «Прощай,— говорит ему орел,— не поминай лихом, да смотри — не отмыкай ларчика, пока домой не воротишься».

Пошел купец домой; долго ли, коротко ли шел он, приустал, и захотелось ему отдохнуть. Остановился на чужом лугу, на земле царя Некрещеного Лба, смотрел, смотрел на золотой ларчик, не вытерпел и отомкнул. Только отпер — откуда ни возьмись, раскинулся перед ним большой дворец, весь изукрашенный, появились слуги многие: «Что угодно? Чего надобно?» Купец, добрый молодец, наелся, напился и спать повалился.

Увидал царь Некрещеный Лоб, что стоит на его земле большой дворец, и посылает послов: «Подите, разузнайте: что за невежа такой проявился, без спросу на моей земле дворец выстроил? Чтоб сейчас убирался вон подобру-поздорову!» Как пришло к купцу такое

грозное слово, стал он думать да гадать, как бы собрать дворец в ларчик по-прежнему; думал, думал — нет, ничего не поделаешь! «Рад бы убираться,— говорит он послам,— да как? И сам не придумаю». Послы воротились и донесли про все царю Некрещеному Лбу. «Пусть отдаст мне то, чего дома не ведает; соберу ему дворец в золотой ларчик». Делать нечего, пообещал купец с клятвою отдать то, чего дома не ведает: а царь Некрещеный Лоб тотчас собрал дворец в золотой ларчик. Взял купец золотой ларчик и пустился в дорогу.

Долго ли, коротко ли, приходит домой; встречает его купчиха: «Здравствуй, свет! Где был-пропадал?» — «Ну, где был — там теперь меня нету!» — «А нам господь без тебя сынка даровал».— «Вот я чего дома не ведал»,— думает купец и крепко приуныл, пригорюнился. «Что с тобой? Али дому не рад?» — пристает купчиха. «Не то!» — говорит купец и тут же рассказал ей про все, что с ним было. Погоревали они, поплакали; да не век же и плакать! Раскрыл купец свой золотой ларчик, и раскинулся перед ним большой дворец, хитро изукрашенный, и стал он с женою и сыном жить в нем, поживать, добра наживать.

Прошло лет с десяток и побольше того; вырос купеческий сын, поумнел, похорошел и стал молодец молодцом. Раз поутру встал он невесело и говорит отцу: «Батюшка! Снился мне нынешней ночью царь Некрещеный Лоб, приказывал к себе приходить: давно-де жду, пора и честь знать!» Прослезились отец с матерью, дали ему свое родительское благословение и отпустили на чужую сторону.

Идет он дорогою, идет широкою, идет полями чистыми, степями раздольными и приходит в дремучий лес. Пусто кругом, не видать души человеческой; только стоит небольшая избушка одна-одинехонька, к лесу передом, к Ивану гостиному сыну задом. «Избушка, избушка! — говорит он.— Повернись к лесу задом, а ко мне передом». Избушка послушалась и повернулась к лесу задом, к нему передом. Вошел в избушку Иван гостиный сын, а там лежит баба-яга, костяная нога. Увидала его баба-яга и говорит: «Доселева русского духа слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне русский дух воочью проявляется! Отколь идешь, добрый

мо́лодец, и куда путь держишь?» — «Эх ты, старая ведьма! Не накормила, не напоила прохожего человека, да уж вестей спрашиваешь».

Баба-яга поставила на стол напитки и наедки разные, накормила его, попоила и спать уложила, а поутру ранехонько будит и давай расспрашивать. Иван гостиный сын рассказал ей всю подноготную и просит: «Научи, бабушка, как до царя Некрещеного Лба дойти».— «Ну, хорошо, что ты ко мне зашел, а то не бывать бы тебе живому: царь Некрещеный Лоб крепко на тебя сердит, что долго к нему не являлся. Послушай же, ступай по этой тропинке и дойдешь до пруда; спрячься за дерево и выжидай время: прилетят туда три голубицы — красные девицы, дочери царские; отвяжут свои крылышки, поснимают платья и станут в пруду плескаться. У одной крылышки будут пестренькие; вот ты улучи минуточку и захвати их к себе и до тех пор не отдавай, пока не согласится она пойти за тебя замуж. Тогда все хорошо будет!» Попрощался Иван гостиный сын с бабою-ягою и пошел по указанной тропинке.

Шел, шел, увидал пруд и спрятался за густое дерево. Немного спустя прилетели три голубицы, одна с пестрыми крылышками, ударились оземь и обернулись красными девицами; сняли свои крылышки, сняли свое платье и начали купаться. А Иван гостиный сын держит ухо востро, подполз потихоньку и утащил пестрые крылышки. Смотрит: что-то будет? Выкупались красные девицы, вышли из воды; две тотчас же нарядились, прицепили свои крылышки, обернулись голубицами и улетели; а третья осталась пропажи искать.

Ищет, сама приговаривает: «Скажись, отзовись, кто взял мои крылышки; если старый старичок — будь мне батюшкой, если средних лет — милым дядюшкой, если ж добрый мо́лодец — пойду за него замуж». Иван гостиный сын вышел из-за дерева: «Вот твои крылышки!» — «Ну скажи теперь, добрый мо́лодец, нареченный муж, какого ты роду-племени и куда путь держишь?» — «Я Иван гостиный сын, а путь держу к твоему батюшке, царю Некрещеному Лбу».— «А меня зовут Василиса Премудрая». А была Василиса Премудрая любимая дочь у царя: и умом и красой взяла! Указала она жениху своему дорогу к царю Некрещеному Лбу, вспорхнула голубицею и полетела вслед за сестрами.

Пришел Иван гостиный сын к царю Некрещеному Лбу; заставил его царь на кухне служить, дрова рубить, воду таскать. Невзлюбил его повар Чумичка, стал на него царю наговаривать: «Ваше царское величество! Иван гостиный сын похваляется, что может он за единую ночь вырубить большой дремучий лес, бревна в кучи складать, кореньи повыкопать, а землю вспахать и засеять пшеницею; ту пшеницу сжать, смолотить и в муку смолоть; из той муки пирогов напечь, вашему величеству на завтрак поднесть».— «Хорошо,— говорит царь,— позвать его ко мне!» Явился Иван гостиный сын. «Что ты там похваляешься, что за единую ночь можешь вырубить дремучий лес, землю вспахать — словно поле чистое, и засеять пшеницею; ту пшеницу сжать, смолотить и в муку обратить; из той муки пирогов напечь, мне на завтрак поднесть? Смотри же, чтоб к утру все было готово; не то — мой меч, твоя голова с плеч!»

Сколько ни отпирался Иван гостиный сын, ничего не помогло; приказ дан — надо исполнять. Идет он от царя и буйную голову свою повесил с горя. Увидала его царская дочь Василиса Премудрая и спрашивает: «Что так пригорюнился?» — «Что тебе и говорить! Ведь ты моему горю не пособишь?» — «Почем знать, может и пособлю!» Рассказал ей Иван гостиный сын, какую службу приказал ему царь Некрещеный Лоб. «Ну, это что за служба! Это — службишка, служба будет впереди! Ступай, богу молись да спать ложись; утро вечера мудренее, к утру все будет сделано».

Ровно в полночь вышла Василиса Премудрая на красное крыльцо, закричала зычным голосом — и в минуту сбежались со всех сторон работники: видимо-невидимо их! Кто деревья валит, кто коренья копает, а кто землю пашет; в одном месте сеют, а в другом уж жнут и молотят! Пошла пыль столбом; а к рассвету уж зерно смолото и пироги напечены. Понес Иван гостиный сын пироги на завтрак царю Некрещеному Лбу. «Молодец!» — сказал царь и велел наградить его из своей царской казны.

Повар Чумичка пуще прежнего озлобился на Ивана гостиного сына; стал опять наговаривать: «Ваше царское величество! Иван гостиный сын похваляется, что может за единую ночь сделать такой корабль, что будет летать по поднебесью».— «Хорошо, позвать его сюда!»

Позвали Ивана гостиного сына. «Что ты слугам моим похваляешься, что можешь за единую ночь сделать чудесный корабль и тот корабль будет летать по поднебесью, а мне ничего не сказываешь? Смотри же у меня, чтоб к утру все поспело; не то — мой меч, твоя голова с плеч!»

Иван гостиный сын повесил с горя свою буйную голову ниже могучих плеч, идет от царя сам не свой. Увидала его Василиса Премудрая: «О чем пригорюнился, о чем запечалился?» — «Как мне не печалиться? Приказал царь Некрещеный Лоб построить за единую ночь корабль-самолет».— «Это что за служба! Это — службишка, служба будет впереди. Ступай, богу молись да спать ложись; утро вечера мудренее, к утру все будет сделано». В полночь вышла Василиса Премудрая на красное крыльцо, закричала зычным голосом — и в минуту сбежались со всех сторон плотники. Принялись топорами постукивать; живо работа кипит! К утру совсем готова! «Молодец! — сказал царь Ивану гостиному сыну.— Поедем теперь кататься».

Сели они вдвоем да третьего прихватили с собой повара Чумичку и полетели по поднебесью. Пролетают они над звериным двором; нагнулся повар вниз посмотреть, а Иван гостиный сын тем временем взял и столкнул его с корабля. Лютые звери тотчас разорвали его на мелкие части. «Ах,— кричит Иван гостиный сын,— Чумичка свалился!» — «Черт с ним! — сказал царь Некрещеный Лоб.— Собаке собачья и смерть!» Воротились во дворец. «Хитёр ты, Иван гостиный сын! — говорит царь.— Вот тебе третья задача: объезди мне неезжалого жеребца, чтоб мог под верхом ходить. Объездишь жеребца — отдам за тебя замуж дочь мою, а не то — мой меч, твоя голова с плеч!» — «Ну, это работа легкая!» — думает Иван гостиный сын; идет от царя, сам усмехается.

Увидала его Василиса Премудрая, расспросила про все и говорит: «Не умен ты, Иван гостиный сын! Теперь задана тебе служба трудная, работа нелегкая: ведь жеребцом-то будет сам царь Некрещеный Лоб, понесет он тебя по поднебесью выше лесу стоячего, ниже облака ходячего и размычет все твои косточки по чистому полю. Ступай поскорей к кузнецам, закажи, чтоб сделали тебе железный молот пуда в три; а как сядешь на жеребца,

покрепче держись да железным молотом по голове осаживай».

На другой день вывели конюхи жеребца неезжалого: еле держат его! Храпит, рвется, на дыбы становится! Только сел на него Иван гостиный сын, поднялся жеребец выше лесу стоячего, ниже облака ходячего и полетел по поднебесью быстрей сильного ветра. А ездок крепко держится да все молотом по голове его осаживает. Выбился жеребец из сил и опустился на сырую землю; Иван гостиный сын отдал жеребца конюхам, а сам отдохнул и пошел во дворец. Встречает его царь Некрещеный Лоб с завязанной головою. «Объездил коня, ваше величество!» — «Хорошо; приходи завтра невесту выбирать, а нынче у меня голова болит».

Поутру говорит Ивану гостиному сыну Василиса Премудрая: «Нас у батюшки три сестры; обернет он нас кобылицами и заставит тебя выбирать невесту. Смотри-примечай: на моей уздечке одна блесточка потускнеет. Потом выпустит нас голубицами; сестры будут тихохонько гречиху клевать, а я нет-нет да взмахну крылышком. В третий раз выведет нас девицами — одна в одну и лицом, и ростом, и волосом; я нарочно платочком махну, по тому меня узнавай!»

Как сказано, вывел царь Некрещеный Лоб трех кобылиц — одна в одну, и поставил в ряд. «Выбирай за себя любую!» Иван гостиный сын зорко оглянул; видит, на одной уздечке блесточка потускнела, схватил за ту уздечку и говорит: «Вот моя невеста!» — «Дурную берешь! Можно и получше выбрать».— «Ничего, мне и эта хороша!» — «Выбирай в другой раз». Выпустил царь трех голубиц — перо в перо, и насыпал им гречихи; Иван гостиный сын заприметил, что одна все крылышком потряхивает, схватил ее за крыло: «Вот моя невеста!» — «Не тот кус хватаешь; скоро подавишься! Выбирай в третий раз». Вывел царь трех девиц — одна в одну и лицом, и ростом, и волосом. Иван гостиный сын увидал, что одна платочком махнула, схватил ее за руку: «Вот моя невеста!» Делать было нечего, отдал за него царь Некрещеный Лоб Василису Премудрую, и сыграли свадьбу веселую.

Ни мало, ни много прошло времени, задумал Иван гостиный сын бежать с Василисою Премудрою в свою землю. Оседлали они коней и уехали темною ночью.

Поутру хватился царь Некрещеный Лоб и послал за ними погоню. «Припади к сырой земле,— говорит Василиса Премудрая мужу,— не услышишь ли чего?» Он припал к сырой земле, послушал и отвечает: «Слышу конское ржание!» Василиса Премудрая сделала его огородом, а себя кочном капусты. Воротилась погоня к царю с пустыми руками: «Ваше царское величество! Не видать ничего в чистом поле, только и видели один огород, а в том огороде кочан капусты».— «Поезжайте, привезите мне тот кочан капусты; ведь это они умудряются!»

Опять поскакала погоня, опять Иван гостиный сын припал к сырой земле. «Слышу, говорит, конское ржание!» Василиса Премудрая сделалась колодцем, а его оборотила ясным соколом; сидит сокол на срубе да пьет воду. Приехала погоня к колодцу — нет дальше дороги! — и поворотила назад. «Ваше царское величество! Не видать ничего в чистом поле; только и видели один колодец, из того колодца ясный сокол воду пьет». Поскакал догонять сам царь Некрещеный Лоб. «Припадика к сырой земле, не услышишь ли чего?» — говорит Василиса Премудрая своему мужу. «Ох, стучит-гремит пуще прежнего!» — «То отец за нами гонится! Не знаю, не придумаю, что делать!» — «Я и подавно не ведаю!»

Были у Василисы Премудрой три вещицы: щетка, гребенка и полотенце; вспомнила про них и говорит: «Еще бог милостив! Есть у меня оборона от царя Некрещеного Лба!» Махнула назад щеткою — и сделался большой дремучий лес: руки не просунешь, а кругом в три года не обойдешь! Вот царь Некрещеный Лоб грыз, грыз дремучий лес, проложил себе тропочку, пробился и опять в погонь. Близко нагоняет, только рукой схватить; Василиса Премудрая махнула назад гребенкою — и сделалась большая-большая гора: не пройти, не проехати! Царь Некрещеный Лоб копал, копал гору, проложил тропочку и опять погнался за ними. Тут Василиса Премудрая махнула назад полотенцем — и сделалось великое-великое море. Царь прискакал к морю, видит, что дорога заставлена, и поворотил домой.

Стал подходить Иван гостиный сын с Василисою Премудрою к своей земле и сказывает ей: «Я вперед пойду, извещу о тебе отца с матерью, а ты меня здесь подожди».— «Смотри же,— говорит ему Василиса Пре-

мудрая,— как придёшь домой, со всеми целуйся, не целуйся только с своей крестной матерью, а то меня позабудешь!» Иван гостиный сын воротился домой, всех перецеловал на радостях, поцеловал и крестную мать, да и забыл про Василису Премудрую. Стоит она, бедная, на дороге, дожидается; ждала, ждала — не идет за ней Иван гостиный сын; пошла в город и нанялась в работницы к одной старушке. А Иван гостиный сын задумал жениться, сосватал себе невесту и затеял пир на весь мир.

Василиса Премудрая узнала про то, нарядилась нищенкой и пошла на купеческий двор просить милостыньку. «Погоди,— говорит купчиха,— я тебе маленький пирожок испеку; от большого резать не стану».— «И за то спасибо, матушка!» Только большой пирог пригорел, а маленький хорош вышел. Купчиха отдала ей горелый пирог, а маленький на стол подала. Разрезали тот пирожок — и тотчас вылетели из него два голубя. «Поцелуй меня»,— говорит голубь голубке. «Нет, ты меня позабудешь, как забыл Иван гостиный сын Василису Премудрую!» И в другой и в третий раз говорит голубь голубке: «Поцелуй меня!» — «Нет, ты меня позабудешь, как забыл Иван гостиный сын Василису Премудрую». Опомнился Иван гостиный сын, узнал, кто такая нищенка, и говорит отцу, матери и гостям: «Вот моя жена!» — «Ну, коли у тебя есть жена, так и живи с нею!» Новую невесту богато одарили и домой отпустили; а Иван гостиный сын с Василисою Премудрою стали жить-поживать да добра наживать, лиха избывать.

МАРЬЯ МОРЕВНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отец и мать у них померли; умирая, они сыну наказывали: «Кто первый за твоих сестер станет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго!» Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами во зеленый сад погулять. Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная. «Пойдемте, сестрицы, домой!» — говорит Иван-царевич. Только пришли во дворец — как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол о́б пол, сделался добрым молодцем и говорит: «Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать».— «Коли люб ты сестрице, я ее не унимаю — пусть с богом идет!» Марья-царевна согласилась; сокол женился и унес ее в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало; пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией. «Пойдемте, сестрицы, домой!» — говорит царевич. Только пришли во дворец — как ударил гром, распалася крыша, раздвоился потолок, и влетел орел; ударился о́б пол и сделался добрым молодцем: «Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом». И посватал Ольгу-царевну. Отвечает Иван-царевич: «Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идет; я с нее воли не снимаю». Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж; орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел еще один год; говорит Иван-царевич своей младшей сестрице: «Пойдем во зеленом саду погуляем!» Погуляли немножко; опять встает туча с вихрем, с молнией. «Вернемся, сестрица, домой!» Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раздвоился потолок и влетел ворон; ударился ворон о́б пол и сделался добрым молодцем: прежние были хороши собой, а этот еще лучше. «Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом: отдай за меня Анну-царевну».— «Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя». Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство.

Остался Иван-царевич один; целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно. «Пойду, говорит, искать сестриц». Собрался в дорогу, шел, шел и видит — лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич: «Коли есть тут жив человек — отзовися! Кто побил это войско великое?» Отозвался ему жив человек: «Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королевна». Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королевна: «Здравствуй, царевич, куда тебя бог несет — по воле аль по неволе?» Отвечал ей Иван-царевич: «Добрые мо́лодцы по неволе не ездят!» — «Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах». Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королевна, взяла его с собой в свое государство; пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает: «Везде ходи, за всем присматривай; только в этот чулан не моги заглядывать!» Он не вытерпел, как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован. Просит Кощей у Ивана-царевича: «Сжалься надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло!» Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил: «Мне одним ведром не залить жажды; дай еще!» Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро — взял свою прежнюю силу, тряхнул це-

пями и сразу все двенадцать порвал. «Спасибо, Иван-царевич! — сказал Кощей Бессмертный.— Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих!» — и страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королевну, подхватил ее и унес к себе. А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу: «Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!»

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал: «Ах, шурин мой любезный! Как тебя господь милует?» Выбежала Марья-царевна, встрела Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит: «Не могу у вас гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну».— «Трудно тебе сыскать ее,— отвечает сокол.— Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать». Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого, возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит. Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал: «Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идет». Ольга-царевна тотчас прибежала навстречу, стала его целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит: «Дольше гостить мне некогда; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну». Отвечает орел: «Трудно тебе сыскать ее; оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать». Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух, возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал: «Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идет». Выбежала Анна-царевна, встрела его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рас-

сказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит: «Прощайте! Пойду жену искать — Марью Моревну, прекрасную королевну». Отвечает ворон: «Трудно тебе сыскать ее; оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать». Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, а на третий добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила: «Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался — посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?» — «Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше поедем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного; авось не догонит!» Собрались и уехали. А Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» Отвечает конь: «Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез». — «А можно ли их догнать?» — «Можно пшеницы насеять, дождаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть, да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!» Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича: «Ну, говорит, первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоил; и в другой раз прощу, а в третий берегись — на куски изрублю!» Отнял у него Марью Моревну и увез; а Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною; Кощея Бессмертного дома не случилося. «Поедем, Марья Моревна!» — «Ах, Иван-царевич! Он нас догонит».— «Пускай догонит; мы хоть часок-другой проведем вместе». Собрались и уехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» — «Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял».— «А можно ли догнать их?» — «Можно ячменю насеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выспаться да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!» Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича: «Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!» Отнял ее и увез к себе.

Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною; на ту пору Кощея дома не случилося. «Поедем, Марья Моревна!» — «Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит».— «Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу». Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» — «Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял». Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и поклал в смоленую бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело. «Ах,— говорят они,— видно, беда приключилася!» Орел бросился на сине море, схватил и вытащил бочку на́ берег, сокол полетел за живой водою, а ворон за мертвою. Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склали как надобно. Ворон брызнул мертвой водою — тело срослось, съединилося; сокол брызнул живой водою — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит: «Ах, как я долго спал!» — «Еще бы дольше проспал, если б не мы! — отвечали зятья.— Пойдем теперь к нам в гости».— «Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну».

Приходит к ней и просит: «Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня». Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выспрашивать. Кощей сказал: «За тридевять земель в тридесятом царстве, за огненной рекою живет баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у ней и других славных кобылиц; я у ней три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то баба-яга дала мне одного жеребеночка».— «Как же ты через огненную реку переправился?» — «А у меня есть такой платок — как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет!» Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к бабе-яге. Долго шел он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками.

Иван-царевич говорит: «Съем-ка я одного цыпленочка».— «Не ешь, Иван-царевич! — просит заморская птица.— В некоторое время я пригожусь тебе». Пошел он дальше; видит в лесу улей пчел. «Возьму-ка я, говорит, сколько-нибудь медку». Пчелиная матка отзывается: «Не тронь моего меду, Иван-царевич! В некоторое время я тебе пригожусь». Он не тронул и пошел дальше; попадает ему навстречу львица со львенком. «Съем я хоть этого львенка; есть так хочется, а́жно тошно стало!» — «Не тронь, Иван-царевич,— просит львица.— В некоторое время я тебе пригожусь».— «Хорошо, пусть будет по-твоему!»

Побрел голодный, шел, шел — стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечьей голове, только один незанятый. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, Иван-царевич! Почто пришел — по своей доброй воле аль по нужде?» — «Пришел заслужить у тебя богатырского коня».— «Изволь, царевич! У меня ведь не год служить, а всего-то три дня; если упасешь моих кобылиц — дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся — торчать твоей голове на последнем шесте». Иван-царевич согласился; баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься. Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул. Солнышко уже на закате, прилетела заморская птица и будит его: «Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома». Царевич встал, воротился домой; а баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц: «Зачем вы домой воротились?» — Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего света, чуть нам глаз не выклевали».— «Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыпьтесь по дремучим лесам».

Переспал ночь Иван-царевич; наутро баба-яга ему говорит: «Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте!» Погнал он кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал-плакал, да и уснул. Солнышко село за лес; прибежала львица: «Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны». Иван-царевич встал и пошел домой; баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на

своих кобылиц: «Зачем домой воротились?» — «Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали».— «Ну, вы завтра забегите в сине море».

Опять переспал ночь Иван-царевич; наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти: «Если не упасешь — быть твоей буйной головушке на шесте». Он погнал кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел иа камень, заплакал и уснул. Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит: «Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротишься домой, бабе-яге на глаза не показывайся, пойди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребенок — в навозе валяется; ты украдь его и в глухую полночь уходи из дому».

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улегся за яслями; баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц: «Зачем воротились?» — «Как же нам было не воротиться? Налетело пчел видимо-невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!»

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич украл у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону — и вдруг, откуда ин взялся, повис через реку высокий, славный мост. Царевич переехал по̀ мосту и махнул платком на левую сторону только два раза — остался через реку мост тоненький-тоненький! Поутру пробудилась баба-яга — паршивого жеребенка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след заметает. Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост!» Поехала по̀ мосту, только добралась до средины — мост обломился, и баба-яга чубурах в реку; тут ей и лютая смерть приключилась! Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах; стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне; она выбежала, бросилась к нему на шею: «Как тебя бог воскресил?» — «Так и так, говорит. Поедем со мной».— «Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену».— «Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит». Сели они на коня и поехали. Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним

конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» — «Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез».— «А можно ли их догнать?» — «Бог знает! Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня».— «Нет, не утерплю,— говорит Кощей Бессмертный,— поеду в погоню». Долго ли, коротко ли — нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблею; в тé поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и размозжил ему голову, а царевич доконал его палицей. После того наклал царевич груду дров, развел огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью: «Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать — другой не найти!» Погостили они, попировали и поехали в свое царство; приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

ПОДИ ТУДА—НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО—НЕ ЗНАЮ ЧТО

В некотором государстве жил-был царь, холост — не женат. Был у него на службе стрелок, по имени Андрей.

Пошел раз Андрей-стрелок на охоту. Ходил, ходил целый день по лесу — не посчастливилось, не мог на дичь напасть. Время было к вечеру, идет он обратно — кручинится. Видит — сидит на дереве горлица.

«Дай, думает, стрельну хоть эту».

Стрельнул и ранил ее,— свалилась горлица с дерева на сырую землю. Поднял ее Андрей, хотел свернуть ей голову, положить в сумку.

А горлица говорит ему человеческим голосом:

— Не губи меня, Андрей-стрелок, не руби моей головы, возьми меня живую, принеси домой, посади на окошко. Да смотри — как найдет на меня дремота, в ту пору бей меня правой рукой наотмашь: добудешь себе великое счастье.

Удивился Андрей-стрелок: что такое? С виду совсем птица, а говорит человеческим голосом. Принес он горлицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит, дожидается.

Прошло немного времени, горлица положила головку под крылышко и задремала. Андрей вспомнил, что она ему наказывала,— ударил ее правой рукой наотмашь. Упала горлица наземь и обернулась девицей, Марьей-царевной, да такой прекрасной, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.

Говорит Марья-царевна стрелку:

— Сумел меня взять, умей и удержать — неспешным пирком да за свадебку. Буду тебе честной да веселой женой.

На том они и поладили. Женился Андрей-стрелок на Марье-царевне и живет с молодой женой — потешается. А службы не забывает: каждое утро ни свет ни заря идет в лес, настреляет дичи и несет на царскую кухню.

Пожили они так недолго, Марья-царевна говорит:

— Бедно живешь ты, Андрей.

— Да как сама видишь.

— Добудь-ка рублей сотню, купи на эти деньги разного шелку, я все дело поправлю.

Послушался Андрей, пошел к товарищам, у кого рубль, у кого два занял, накупил разного шелку и принес жене. Марья-царевна взяла шелк и говорит:

— Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Марья-царевна села ткать. Всю ночь ткала и выткала ковер, какого в целом мире не видывали: на нем все царство расписано, с городами и деревнями, с лесами и нивами, и птицы в небе, и звери на горах, и рыбы в морях; кругом луна и солнце ходят...

Наутро Марья-царевна отдает ковер мужу:

— Понеси на гостиный двор, продай купцам, да смотри — своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери.

Андрей взял ковер, повесил на руку и пошел по гостиным рядам.

Подбегает к нему один купец:

— Послушай, почтенный, сколько спрашиваешь?

— Ты торговый человек, ты и цену давай!

Вот купец думал, думал — не может оценить ковра. Подскочил другой, за ним — еще. Собралась купцов толпа великая, смотрят на ковер, дивуются, а оценить не могут.

В то время проезжал мимо рядов царский советник, и захотелось ему узнать, про что толкует купечество. Вышел из кареты, насилу протолкался через великую толпу и спрашивает:

— Здравствуйте, купцы, заморские гости! О чем речь у вас?

— Так и так, ковра оценить не можем.

Царский советник посмотрел на ковер и сам дался диву:

— Скажи, стрелок, скажи по правде истинной: откуда добыл такой славный ковер?

— Так и так, моя жена вышила.

— Сколько же тебе дать за него?

— А я сам не знаю. Жена наказала не торговаться: сколько дадут, то и наше.

— Ну, вот тебе, стрелок, десять тысяч.

Андрей взял деньги, отдал ковер и пошел домой. А царский советник поехал к царю и показывает ему ковер.

Царь взглянул — на ковре все его царство как на ладони. Он так и ахнул:

— Ну, что хочешь, а ковра я тебе не отдам.

Вынул царь двадцать тысяч рублей и отдает советнику из рук в руки. Советник деньги взял и думает: «Ничего, я себе другой, еще лучше, закажу».

Сел опять в карету и поскакал в слободу. Разыскал избушку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворяет ему. Царский советник одну ногу через порог занес, а другую не переносит, замолчал и про свое дело забыл: стоит перед ним такая красавица, век бы глаз от нее не отвел, все бы смотрел да смотрел.

Марья-царевна ждала, ждала ответа, да повернула царского советника за плечи и дверь закрыла. Насилу он опомнился, нехотя поплелся домой. И с той поры и ест — не наест и пьет — не напьет: все ему представляется стрелкова жена.

Заметил это царь и стал выспрашивать, что за кручина у него такая.

Советник говорит царю:

— Ах, видел я у одного стрелка жену, все о ней думаю! И не запить это, ни заесть, никаким зельем не заворожить.

Пришла царю охота самому посмотреть стрелкову жену. Оделся он в простое платье, поехал в слободу, нашел избенку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворила ему. Царь одну ногу через порог занес, другую и не может, совсем онемел: стоит перед ним несказанная красота.

Марья-царевна ждала, ждала ответа, повернула царя за плечи и дверь закрыла.

Защемила царя сердечная зазноба. «Чего, думает, хожу холост, не женат. Вот бы жениться на этой красавице. Не стрельчихой ей быть, на роду ей написано быть царицей».

Воротился царь во дворец и задумал думу нехоро-

шую — отбить жену от живого мужа. Призывает он советника и говорит:

— Надумай, как извести Андрея-стрелка. Хочу на его жене жениться. Придумаешь — награжу городами и деревнями, и золотой казной, не придумаешь — сниму голову с плеч.

Закручинился царский советник, пошел и нос повесил. Как извести стрелка, не придумает. Да с горя и завернул в кабак винца испить.

Подбегает к нему кабацкая теребень[1] в рваном кафтанишке:

— О чем, царский советник, пригорюнился, зачем нос повесил?

— Поди прочь, кабацкая теребень!

— А ты не гони меня, лучше стаканчик винца поднеси, я тебя на ум наведу.

Поднес ему царский советник стаканчик винца и рассказал про свое горе. Кабацкая теребень и говорит ему:

— Извести Андрея-стрелка дело нехитрое,— сам-то он прост,— да жена у него больно хитра. Ну, да мы загадаем загадку такую, что ей не справиться. Воротись к царю и скажи: пускай он пошлет Андрея-стрелка на тот свет узнать, как поживает покойный царь-батюшка. Андрей уйдет и назад не вернется.

Царский советник поблагодарил кабацкую теребень и бегом к царю:

— Так и так, можно стрелка извести.

И рассказал, куда нужно его послать и за чем. Царь обрадовался, велел позвать Андрея-стрелка.

— Ну, Андрей, служил ты мне верой-правдой, сослужи еще службу: сходи на тот свет, узнай, как поживает мой батюшка. Не то мой меч — твоя голова с плеч...

Андрей воротился домой, сел на лавку и голову повесил. Марья-царевна его спрашивает:

— Что не весел? Или невзгода какая?

Рассказал ей Андрей, какую царь задал ему службу. Марья-царевна говорит:

— Есть о чем горевать! Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

---

[1] Кабацкая теребень — постоянный посетитель кабака. *(Прим. А. Н. Толстого.)*

Утром рано, только проснулся Андрей, Марья-царевна дает ему мешок сухарей и золотое колечко.

— Поди к царю и спроси себе в товарищи царского советника, а то, скажи, тебе не поверят, что был ты на том свете. А как выйдешь с товарищем в путь-дорогу, брось перед собой колечко, оно тебя доведет.

Андрей взял мешок сухарей и колечко, попрощался с женой и пошел к царю просить себе дорожного товарища. Делать нечего, царь согласился, велел советнику идти с Андреем на тот свет.

Вот они вдвоем и вышли в путь-дорогу. Андрей бросил колечко — оно катится. Андрей идет за ним полями чистыми, мхами-болотами, реками-озерами, а за Андреем царский советник тащится.

Устанут идти, поедят сухарей — и опять в путь.

Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, пришли они в густой дремучий лес, спустились в глубокий овраг, и тут колечко остановилось.

Андрей и царский советник сели поесть сухарей. Глядь, мимо них на старом-престаром царе два черта дрова везут — большущий воз — и погоняют царя дубинками, один с правого бока, другой с левого.

Андрей говорит:

— Смотри, никак, это наш покойный царь-батюшка?

— Твоя правда, это он самый дрова везет.

Андрей и закричал чертям:

— Эй, господа черти! Освободите мне этого покойничка хоть на малое время, мне нужно кой о чем его расспросить.

Черти отвечают:

— Есть нам время дожидаться! Сами, что ли, дрова повезем?

— А вы возьмите у меня свежего человека на смену.

Ну, черти отпрягли старого царя, на его место впрягли в воз царского советника и давай его с обеих сторон погонять дубинками; тот гнется, а везет.

Андрей стал спрашивать старого царя про его житье-бытье.

— Ах, Андрей-стрелок,— отвечает царь,— плохое мое житье на том свете. Поклонись от меня сыну да скажи, что я накрепко ему заказываю людей не обижать, а то и с ним то же станется.

Только успели они поговорить, черти уж назад едут

с порожней телегой. Андрей попрощался со старым царем, взял у чертей царского советника, и пошли они в обратный путь.

Приходят в свое царство, являются во дворец. Царь увидал стрелка и в сердцах накинулся на него:

— Как ты смел назад воротиться?

Андрей-стрелок отвечает:

— Так и так, был я на том свете у вашего покойного родителя. Живет он плохо, велел вам кланяться да накрепко наказывал людей не обижать.

— А чем докажешь, что ходил на тот свет и моего родителя видел?

— А тем я докажу, что у вашего советника на спине и теперь еще знаки видны, как его черти дубинками погоняли.

Тут царь уверился, делать нечего — отпустил Андрея домой. А сам говорит советнику:

— Вздумай, как извести стрелка, не то мой меч — твоя голова с плеч!

Пошел царский советник, еще ниже нос повесил. Заходит в кабак, сел за стол, спросил вина. Подбегает к нему кабацкая теребень:

— Что, царский советник, пригорюнился? Поднеси-ка мне стаканчик, я тебя на ум наведу.

Советник поднес ему стаканчик вина и рассказал про свое горе. Кабацкая теребень ему говорит:

— Воротись назад и скажи царю, чтобы задал он стрелку вот какую службу — ее не то что выполнить, трудно и выдумать: послал бы его за тридевять земель, в тридесятое царство добыть кота-баюна...

Царский советник побежал к царю и рассказал, какую службу задать стрелку, чтобы он назад не вернулся. Царь посылает за Андреем.

— Ну, Андрей, сослужил ты мне службу, сослужи другую: ступай в тридесятое царство и добудь мне кота-баюна. Не то мой меч — твоя голова с плеч!

Пошел Андрей домой, ниже плеч голову повесил и рассказывает жене, какую царь задал ему службу.

— Есть о чем кручиниться! — говорит Марья-царевна.— Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Марья-царевна пошла на кузницу и велела кузнецам сковать три колпака железных, желез-

ные клещи и три прута: один железный, другой медный, третий оловянный.

Утром рано Марья-царевна разбудила Андрея:

— Вот тебе три колпака да клещи и три прута, ступай за тридевять земель, в тридесятое царство. Трех верст не дойдешь, станет одолевать тебя сильный сон — кот-баюн на тебя дремоту напустит. Ты не спи, руку за руку закидывай, ногу за ногу волочи, а где и катком катись. А если уснешь, кот-баюн убьет тебя.

И тут Марья-царевна научила его, как и что делать, и отпустила в дорогу.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Пришел Андрей-стрелок в тридесятое царство. За три версты стал его одолевать сон. Надевает Андрей на голову три колпака железных, руку за руку закидывает, ногу за ногу волочит — идет, а где и катком катится.

Кое-как выдержал дремоту и очутился у высокого столба.

Кот-баюн увидел Андрея, заворчал, зауркал да со столба прыг ему на голову — один колпак разбил и другой разбил, взялся было за третий. Тут Андрей-стрелок ухватил кота клещами, сволок наземь и давай оглаживать прутьями. Наперво сек железным прутом, изломал железный, принялся угощать медным, и этот изломал и принялся бить оловянным.

Оловянный прут гнется, не ломается, вокруг хребта обвивается. Андрей бьет, а кот-баюн начал сказки рассказывать: про попов, про дьяков, про поповых дочерей. Андрей его не слушает, знай охаживает прутом.

Невмоготу стало коту, видит, что заговорить нельзя, он и взмолился:

— Покинь меня, добрый человек! Что надо, все тебе сделаю!

— А пойдешь со мной?

— Куда хочешь пойду.

Андрей пошел в обратный путь и кота за собою повел. Добрался до своего царства, приходит с котом во дворец и говорит царю:

— Так и так, службу выполнил, добыл вам котабаюна.

Царь удивился и говорит:

— А ну, кот-баюн, покажи большую страсть!

Тут кот свои когти точит, на царя их ладит, хочет у

него белую грудь раздирать, из живого сердце вынимать.

Царь испугался:

— Андрей-стрелок, уйми, пожалуйста, кота-баюна!

Андрей кота унял и в клетку запер, а сам пошел домой, к Марье-царевне. Живет-поживает, тешится с молодой женой. А царя еще пуще знобит зазноба сердечная. Опять призвал он советника:

— Что хочешь придумай, изведи Андрея-стрелка, не то мой меч — твоя голова с плеч!

Царский советник идет прямо в кабак, нашел там кабацкую теребень в рваном кафтанишке и просит его выручить, на ум навести. Кабацкая теребень стаканчик вина выпил, усы вытер.

— Ступай,— говорит,— к царю и скажи: пусть пошлет Андрея-стрелка туда — не знаю куда, принести то — не знаю что. Этой задачи Андрей во веки веков не выполнит и назад не вернется.

Советник побежал к царю и все ему доложил. Царь посылает за Андреем.

— Сослужил ты мне две службы, сослужи третью: сходи туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. Сослужишь — награжу по-царски, а не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пришел Андрей домой, сел на лавку и заплакал. Марья-царевна его спрашивает:

— Что, милый, не весел? Или еще невзгода какая?

— Эх,— говорит,— через твою красу все напасти несу. Велел мне царь идти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что.

— Вот это служба! Ну, ничего, ложись спать, утро вечера мудренее!

Марья-царевна дождалась ночи, развернула волшебную книгу, читала, читала, читала, бросила книгу и за голову схватилась: про цареву загадку в книге ничего не сказано. Марья-царевна вышла на крыльцо, вынула платочек и махнула. Налетели всякие птицы, набежали всякие звери.

Марья-царевна их спрашивает:

— Звери лесные, птицы поднебесные, вы, звери, всюду рыскаете, вы, птицы, всюду летаете — не слыхали ли, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

Звери и птицы ответили:

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхивали.

Марья-царевна махнула платочком — звери и птицы пропали, как не бывали. Махнула в другой раз — появились перед ней два великана:

— Что угодно? Что надобно?

— Слуги мои верные, отнесите меня на середину океан-моря.

Подхватили великаны Марью-царевну, отнесли на океан-море и стали на середине, на самой пучине,— сами стоят, как столбы, а ее на руках держат. Марья-царевна махнула платочком, и приплыли к ней все гады и рыбы морские.

— Вы, гады и рыбы морские, вы везде плаваете, на всех островах бываете: не слыхали ли, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхали.

Закручинилась Марья-царевна и велела отнести себя домой. Великаны подхватили ее, принесли на Андреев двор, поставили у крыльца.

Утром рано Марья-царевна собрала Андрея в дорогу и дала ему клубок ниток и вышитую ширинку[1].

— Брось клубок перед собой, куда он покатится, туда и ты иди. Да смотри, куда бы ни пришел, будешь умываться, чужой ширинкой не утирайся, а утирайся моей.

Андрей попрощался с Марьей-царевной, поклонился на четыре стороны и пошел за заставу. Бросил клубок перед собой, клубок покатился — катится да катится. Андрей и идет за ним следом.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Много царств и земель прошел Андрей. Клубок катится, нитка от него тянется: стал клубок маленький, с куриную головочку; вот уж до чего стал маленький, не видно и на дороге... Дошел Андрей до леса, видит — стоит избушка на курьих ножках.

— Избушка, избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом!

Избушка повернулась. Андрей вошел и видит — на лавке сидит седая старуха, прядет кудель.

— Фу, фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел. Вот изжарю тебя в печи да съем и на косточках покатаюсь.

---

[1] Ширинка — полотенце. *(Прим. А. Н. Толстого.)*

Андрей отвечает старухе:

— Что ты, старая баба-яга, станешь есть дорожного человека? Дорожный человек костоват и черен, ты наперед баньку истопи, меня вымой, выпари, тогда и ешь.

Баба-яга истопила баньку. Андрей выпарился, вымылся, достал женину ширинку и стал ею утираться.

Баба-яга спрашивает:

— Откуда у тебя ширинка? Ее моя дочь вышивала.

— Твоя дочь мне жена, мне и ширинку дала.

— Ах, зять возлюбленный, чем же мне тебя потчевать?

Тут баба-яга собрала ужин, наставила всяких кушаньев, вин и медов. Андрей не чванится — сел за стол, давай уплетать. Баба-яга села рядом — он ест, она выспрашивает: как он на Марье-царевне женился да живут ли они хорошо. Андрей все рассказал: как женился и как царь послал его туда — не знаю куда, добыть то — не знаю что.

— Вот бы ты помогла мне, бабушка!

— Ах, зятюшка, ведь про это диво дивное даже я не слыхала. Знает про это одна старая лягушка, живет она в болоте триста лет... Ну, ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а баба-яга взяла два голика [1], полетела на болото и стала звать:

— Бабушка, лягушка-скакушка, жива ли?

— Жива.

— Выдь ко мне из болота!

Старая лягушка вышла из болота, баба-яга ее спрашивает:

— Знаешь ли, где то — не знаю что?

— Знаю.

— Скажи, сделай милость. Зятю моему дана служба: пойти туда — не знаю куда, взять то — не знаю что.

Лягушка отвечает:

— Я б его проводила, да больно стара, мне туда не допрыгать. Донесет твой зять меня в парном молоке до огненной реки, тогда скажу.

Баба-яга взяла лягушку-скакушку, полетела домой,

---

[1] Голик — березовый веник без листьев, голый. *(Прим. А. Н. Толстого.)*

надоила молока в горшок, посадила туда лягушку и утром рано разбудила Андрея.

— Ну, зять дорогой, одевайся, возьми горшок с парным молоком, в молоке — лягушка, да садись на моего коня, он тебя довезет до огненной реки. Там коня брось и вынимай из горшка лягушку, она тебе скажет.

Андрей оделся, взял горшок, сел на коня бабы-яги. Долго ли, коротко ли, конь домчал его до огненной реки. Через нее ни зверь не перескочит, ни птица не перелетит.

Андрей слез с коня, лягушка ему говорит:

— Вынь меня, добрый молодец, из горшка, надо нам через реку переправиться.

Андрей вынул лягушку из горшка и пустил наземь.

— Ну, добрый молодец, теперь садись мне на спину.

— Что ты, бабушка, эка маленькая, чай я тебя задавлю!

— Не бойся, не задавишь! Садись да держись крепче.

Андрей сел на лягушку-скакушку. Начала она дуться. Дулась, дулась — сделалась словно копна сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять лягушка дулась — сделалась еще больше, словно стог сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять она дулась, дулась — стала выше темного леса, да как скакнет — и перепрыгнула через огненную реку; перенесла Андрея на тот берег и сделалась опять маленькой.

— Иди, добрый молодец, по этой тропинке, увидишь терем — не терем, избу — не избу, сарай — не сарай, заходи туда и становись за печью. Там найдешь то — не знаю что.

Андрей пошел по тропинке, видит: старая изба — не изба, тыном обнесена, без окон, без крыльца. Он туда вошел и спрятался за печью.

Вот немного погодя застучало, загремело по лесу; и входит в избу мужичок с ноготок, борода с локоток да как крикнет:

— Эй, сват Наум, есть хочу!

Только крикнул — откуда ни возьмись, появляется стол накрытый, на нем бочонок пива да бык печеный, в боку нож точеный. Мужичок с ноготок, борода с локо-

ток, сел возле быка, вынул нож точеный, начал мясо порезывать, в чеснок помакивать, покушивать да похваливать.

Обработал быка до последней косточки, выпил целый бочонок пива.

— Эй, сват Наум, убери объедки!

И вдруг стол пропал, как и не было,— ни костей, ни бочонка... Андрей дождался, когда уйдет мужичок с ноготок, вышел из-за печки, набрался смелости и позвал:

— Сват Наум, покорми меня...

Только позвал — откуда ни возьмись, появился стол, на нем разные кушанья, закуски и заедки, вина и меды.

Андрей сел за стол и говорит:

— Сват Наум, садись, брат, со мной, станем есть-пить вместе.

Отвечает ему невидимый голос:

— Спасибо тебе, добрый человек. Столько лет я здесь служу, горелой корки не видывал, а ты меня за стол посадил.

Смотрит Андрей и удивляется: никого не видно, а кушанья со стола словно кто метелкой сметает, вина и меды сами в рюмку наливаются — рюмка скок, скок да скок.

Андрей просит:

— Сват Наум, покажись мне.

— Нет, меня никто не может видеть, я то — не знаю что.

— Сват Наум, хочешь у меня служить?

— Отчего не хотеть? Ты, я вижу, человек добрый.

Вот они поели. Андрей и говорит:

— Ну, прибирай все да пойдем со мной.

Пошел Андрей из избенки, оглянулся:

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Дошел Андрей до огненной реки, там его дожидается лягушка.

— Добрый молодец, нашел то — не знаю что?

— Нашел, бабушка.

— Садись на меня.

Андрей опять сел на нее, лягушка начала раздуваться, раздулась, скакнула и перенесла его через огненную реку.

Тут он лягушку-квакушку поблагодарил и пошел путем-дорогой в свое царство. Идет, идет — обернется.

— Сват Наум, ты здесь?
— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.
Шел, шел Андрей, дорога далека — прибились его резвые ноги, опустились его белые руки.
— Эх,— говорит,— до чего же я уморился!
А сват Наум ему:
— Что же ты мне давно не сказал? Я бы тебя живо на место доставил.
Подхватил Андрея буйный вихрь и понес — горы и леса, города и деревни так внизу и мелькают. Летит Андрей над глубоким морем, и стало ему страшно.
— Сват Наум, передохнуть бы.
Сразу ветер ослаб, и Андрей стал спускаться на море. Глядит — где шумели одни синие волны, появился островок, на островке стоит дворец с золотой крышей, кругом сад прекрасный... Сват Наум говорит Андрею:
— Отдыхай, ешь, пей да на море поглядывай. Будут плыть мимо три купеческих корабля. Ты купцов зазови да угости, употчевай хорошенько — у них есть три диковинки. Ты меня променяй на эти диковинки. Не бойся, я к тебе назад вернусь.
Долго ли, коротко ли, с западной стороны плывут три корабля. Корабельщики увидели остров, на нем дворец с золотой крышей и кругом сад прекрасный.
— Что за чудо? — говорят.— Сколько раз мы тут плавали, ничего, кроме синего моря, не видели. Давай пристанем.
Три корабля бросили якори, три купца-корабельщика сели на легкую лодочку, поплыли к острову. А уж Андрей-стрелок их встречает:
— Пожалуйте, дорогие гости.
Купцы-корабельщики идут, дивуются: на тереме крыша как жар горит, на деревах птицы поют, по дорожкам чудные звери прыгают.
— Скажи, добрый человек, кто здесь выстроил это чудо чудное?
— Мой слуга, сват Наум, в одну ночь построил.
Андрей повел гостей в терем:
— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить, поесть!
Откуда ни возьмись, явился накрытый стол, на нем — вина и кушанья, чего душа захочет. Купцы-корабельщики только ахают.
— Давай,— говорят,— добрый человек, меняться;

уступи нам своего слугу, свата Наума, возьми у нае за него любую диковинку.

— Отчего же не поменяться. А каковы будут ваши диковинки?

Один купец вынимает из-за пазухи диковинку. Ей только скажи: «Ну-ка, дубинка, обломай бока этому человеку»,— дубинка сама начнет колотить, какому хочешь силачу обломает бока.

Другой купец вынимает из-под полы топор, повернул его обухом кверху — топор начал сам тяпать; тяп да ляп — вышел корабль; тяп-ляп — еще корабль. С парусами, с пушками, с храбрыми моряками. Корабли плывут, пушки палят, храбрые моряки приказа спрашивают.

Повернул топор обухом вниз — сразу корабли пропали, словно их и не было.

Третий купец вынул из кармана дудку, задудел — войско появилось: и конница и пехота, с ружьями, с пушками. Войска идут, музыка гремит, знамена развеваются, всадники скачут, приказа спрашивают.

Купец задудел с другого конца в дудку — и нет ничего, все пропало.

Андрей-стрелок говорит:

— Хороши ваши диковинки, да моя стоит дороже. Хотите меняться — отдавайте мне за моего слугу, свата Наума, все три диковинки.

— Не много ли будет?

— Как знаете, иначе меняться не стану.

Купцы думали, думали: «На что нам дубинка, топор да дудка? Лучше поменяться, со сватом Наумом будем безо всякой заботы день и ночь сыты и пьяны».

Отдали купцы-корабельщики Андрею дубинку, топор и дудку и кричат:

— Эй, сват Наум, мы тебя берем с собой. Будешь нам служить верой-правдой?

Отвечает им невидимый голос:

— Отчего не служить? Мне все равно, у кого ни жить.

Купцы-корабельщики вернулись на свои корабли и давай пировать — пьют, едят, знай прикрикивают:

— Сват Наум, поворачивайся, давай того, давай этого!

Перепились все допьяна, где сидели, там и спать повалились.

А стрелок сидит один в тереме, пригорюнился.

«Эх, думает, где-то теперь мой верный слуга, сват Наум?»

— Я здесь. Чего надобно?

Андрей обрадовался:

— Сват Наум, не пора ли нам на родную сторонушку, к молодой жене? Отнеси меня домой.

Опять подхватил Андрея вихрь и понес в его царство, на родную сторону.

А купцы проснулись, и захотелось им опохмелиться:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить-поесть, живо поворачивайся!

Сколько ни звали, ни кричали, все нет толку. Глядят, и острова нет: на месте его шумят одни синие волны.

Погоревали купцы-корабельщики: «Эх, надул нас недобрый человек!» — да делать нечего, подняли паруса и поплыли, куда им было надобно.

А Андрей-стрелок прилетел на родимую сторону, опустился возле своего домишка, смотрит — вместо домишка обгорелая труба торчит.

Повесил он голову ниже плеч и пошел из города на синее море, на пустое место. Сел и сидит. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетает сизая горлица, ударилась об землю и оборотилась его молодой женой, Марьей-царевной.

Обнялись они, поздоровались, стали друг друга расспрашивать, друг другу рассказывать.

Марья-царевна рассказала:

— С той поры как ты из дому ушел, я сизой горлицей летаю по лесам да по рощам. Царь три раза за мной посылал, да меня не нашли и домишко сожгли.

Андрей говорит:

— Сват Наум, нельзя ли нам на пустом месте у синего моря дворец поставить?

— Отчего нельзя? Сейчас будет исполнено.

Не успели оглянуться — и дворец поспел, да такой славный, лучше царского; кругом — зеленый сад, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери скачут.

Взошли Андрей-стрелок с Марьей-царевной во дворец, сели у окошка и разговаривают, друг на друга любуются. Живут — горя не знают — и день, и другой, и третий.

А царь в это время поехал на охоту, на синее море,

и видит — на том месте, где ничего не было, стоит дворец.

— Какой это невежа без спросу вздумал на моей земле строиться?

Побежали гонцы, все разведали и докладывают царю, что тот дворец поставлен Андреем-стрелком и живет он в нем с молодой женой, Марьей-царевной.

Еще пуще разгневался царь, посылает узнать, ходил ли Андрей туда — не знаю куда, принес ли то — не знаю что.

Побежали гонцы, разведали и докладывают:

— Андрей-стрелок ходил туда — не знаю куда и добыл то — не знаю что.

Тут царь и совсем осерчал, приказал собрать войско, идти на взморье, тот дворец разорить дотла, а самого Андрея-стрелка и Марью-царевну предать лютой смерти.

Увидал Андрей, что идет на него сильное войско, скорее схватил топор, повернул его обухом кверху. Топор тяп да ляп — стоит на море корабль, опять тяп да ляп — стоит другой корабль. Сто раз тяпнул, сто кораблей поплыло по синему морю.

Андрей вынул дудку, задудел — появилось войско: и конница и пехота, с пушками, со знаменами.

Начальники скачут, приказа ждут. Андрей приказал начинать сражение. Музыка заиграла, барабаны ударили, полки двинулись. Пехота ломит царских солдат, конница скачет, в плен забирает. А со ста кораблей пушки так и бьют по столичному городу.

Царь видит — войско его бежит, кинулся сам к войску — останавливать. Тут Андрей вынул дубинку:

— Ну-ка, дубинка, обломай бока этому царю!

Дубинка сама пошла колесом, с конца на конец перекидывается по чистому полю; нагнала царя и ударила его в лоб, убила до смерти.

Тут и сражению конец пришел. Повалил из города народ и стал просить Андрея-стрелка, чтоб взял он в свои руки все государство.

Андрей спорить не стал. Устроил пир на весь мир и вместе с Марьей-царевной правил он этим царством до глубокой старости.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК

Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный; росла в том саду яблоня с золотыми яблоками.

Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало свой сад. Посылает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить похитника.

Царь перестал и пить и есть, затосковал.

Сыновья отца утешают:

— Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

— Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад от похитника.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил с вечеру, никого не уследил, припал на мягкую траву и уснул.

Утром царь его спрашивает:

— Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитника?

— Нет, родимый батюшка, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

На другую ночь пошел средний сын караулить и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитника.

Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошел Иван-царевич стеречь отцов сад, и даже присесть боится, не то что прилечь. Как его сон задолит, он росой с травы умоется, сон и прочь с глаз.

Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Он видит — на яблоню села Жар-птица и клюет золотые яблоки.

Иваи-царевич тнхонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птнца встрепеиулась и улетела, осталось у иего в руке одно перо от ее хвоста.

Наутро приходит Иваи-царевнч к отцу.

— Ну что, дорогой мой Ваия, не вндал ли ты похнтиика?

— Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот от похнтиика память вам прниес. Это, батюшка, Жар-птнца.

Царь взял это перо и с той поры стал пить, н есть, н печали ие знать. Вот в одио прекрасное время ему и раздумалось об этой об Жар-птице.

Позвал он сыиовей н говорит нм:

— Дорогие мои детн, оседлали бы вы добрых коией, поезднлн бы по белу свету, места познавалн, ие иапалн бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклоиились, оседлалн добрых коией н отправились в путь-дорогу; старший — в одиу стороиу, средний — в другую, а Иваи-царевич — в третью сторону.

Ехал Иван-царевнч долго лн, коротко ли. День был летний. Прнустал Иван-царевнч, слез с коия, спутал его, а сам свалнлся спать.

Много ли, мало лн временн прошло, пробудился Иваицаревнч, видит — коня иет. Пошел его искать, ходил, ходнл н нашел своего коня — один кости обглоданные.

Запечалился Иваи-царевнч: куда без коня ндтн в такую даль?

«Ну что же, думает, взялся — делать иечего».

И пошел пешнй. Шел, шел, устал до смерточки. Сел иа мягкую траву н прнгорюиился, сиднт. Откуда ни возьмнсь, бежит к нему Серый волк:

— Что, Иван-царевнч, сидншь пригорюиился, голову повесил?

— Как же мне не печалнться, Серый волк? Остался я без доброго коня.

— Это я, Иван-царевнч, твоего коня съел... Жалко мне тебя. Расскажн, зачем вдаль поехал, куда путь держншь?

— Послал меня батюшка поезднть по белу свету, найти Жар-птицу.

— Фу, фу, тебе иа своем добром коие в три года ие доехать до Жар-птицы. Я однн знаю, где она жнвет. Так

и быть — коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче.

Сел Иван-царевич на него верхом, Серый волк и поскакал — синие леса мимо глаз пропускает, озера хвостом заметает. Долго ли, коротко ли, добегают они до высокой крепости. Серый волк и говорит:

— Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся — час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри — клетки не трогай!

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем — на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица. Он птицу взял, за пазуху положил, да засмотрелся на клетку. Сердце его и разгорелось: «Ах, какая — золотая, драгоценная! Как такую не взять!» — И забыл, что волк ему наказывал. Только дотронулся до клетки, пошел по крепости звук: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону.

Царь Афрон разгневался и спрашивает:

— Чей ты, откуда?

— Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

— Ай, срам какой! Царский сын да пошел воровать!

— А что же, когда ваша птица летала, наш сад разоряла?

— А ты бы пришел ко мне, по совести попросил, я бы ее так отдал из уважения к твоему родителю, царю Берендею. А теперь по всем городам пущу нехорошую славу про вас... Ну, да ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Загорюнился Иван-царевич, идет к Серому волку. А волк ему:

— Я же тебе говорил, не шевели клетку. Почему не слушал мой наказ?

— Ну, прости же ты меня, прости, Серый волк.

— То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Опять поскакал Серый волк с Иваном-царевичем. Долго ли, коротко ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

— Полезай, Иван-царевич, через стену, сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри — уздечку не трогай!

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спали, зашел на конюшню, поймал коня златогривого, да позарился на уздечку — она золотом, дорогими камнями убрана; в ней златогривому коню только и гулять.

Иван-царевич дотронулся до уздечки,— пошел звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману.

— Чей ты, откуда?

— Я Иван-царевич.

— Эка, за какие глупости взялся — коня воровать! На это простой мужик не согласится. Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевнч, если сослужншь мне службу. У царя Далмата есть дочь Елена Прекрасная. Похить ее, привези ко мне, подарю тебе златогрнвого коня с уздечкой.

Еще пуще прнгорюнился Иван-царевич, пошел к Серому волку.

— Говорил я тебе, Иван-царевич, не трогай уздечку! Не послушал ты моего наказа.

— Ну, простн же меня, прости, Серый волк.

— То-то, прости... Да уж ладно, садись мне на спину.

Опять поскакал Серый волк с Иваном-царевичем. Добегают онн до царя Далмата. У него в крепости в саду гуляет Елена Прекрасная с мамушками, нянюшками. Серый волк говорит:

— В этот раз я тебя не пущу, сам пойду. А ты ступай обратно путем-дорогой, я тебя скоро нагоню.

Иван-царевич пошел обратно путем-дорогой, а Серый волк перемахнул через стену — да в сад. Засел за куст и глядит: Елена Прекрасная вышла со своими мамушкамн, нянюшками. Гуляла, гуляла и только приотстала от мамушек и нянюшек, Серый волк ухватил Елену Прекрасную, перекннул через спину — и наутек.

Иван-царевич идет путем-дорогой, вдруг настигает его Серый волк, на нем сидит Елена Прекрасная. Обрадовался Иван-царевич, а Серый волк ему:

— Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался Серый волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой — синие леса мимо глаз

пропускает, реки, озера хвостом заметает. Долго ли, коротко лн, добегают оии до царя Кусмана. Серый волк спрашнвает:

— Что, Иван-царевнч, приумолк, прнгорюнился?

— Да как же мне, Серый волк, не печалнться! Как расстанусь с такой красотой? Как Елеиу Прекрасную на коня буду менять?

Серый волк отвечает:

— Не разлучу я тебя с такой красотой — спрячем ее где-иибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и веди меня к царю.

Тут онн Елену Прекрасиую спрятални в лесиой нзбушке. Серый волк перевернулся через голову н сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повел его Иван-царевнч к царю Кусмаиу. Царь обрадовался, стал его благодарнть:

— Спаснбо тебе, Иван-царевнч, что достал мне невесту. Получай златогрнвого коня с уздечкой.

Иван-царевнч сел на этого коня и поехал за Еленой Прекрасной. Взял ее, посадил на коня, н едут они путем-дорогой.

А царь Кусмаи устронл свадьбу, пнровал весь день до вечера, а как иадо было спать ложиться, повел он Елену Прекрасную в спальню, да только лег с ней иа кровать, глядит — волчья морда вместо молодой жены! Царь со страху свалился с кроватн, а волк удрал прочь.

Нагоняет Серый волк Иваиа-царевнча н спрашивает:

— О чем задумался, Иван-царевнч?

— Как же мне не думать? Жалко расставаться с такнм сокровнщем — конем златогрнвым, менять его на Жар-птнцу.

— Не печалься, я тебе помогу.

Вот доезжают онн до царя Афрона. Волк н говорнт:

— Этого коня н Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конем златогрнвым, ты меня и веди к царю Афрону.

Спряталн онн Елену Прекрасную н златогривого коня в лесу. Серый волк перекннулся через спниу, обернулся златогрнвым конем. Иван-царевнч повел его к царю Афрону. Царь обрадовался н отдал ему Жар-птицу с золотой клеткой.

Иван-царевнч вернулся пешнй в лес, посаднл Елену Прекрасную на златогрнвого коня, взял золотую клет-

ку с Жар-птицей и поехал путем-дорогой в родную сторону.

А царь Афрон велел подвести к себе дареного коня и только хотел сесть на него — конь обернулся Серым волком. Царь со страху, где стоял, там и упал, а Серый волк пустился наутек и скоро догнал Ивана-царевича.

— Теперь прощай, мне дальше идти нельзя.

Иван-царевич слез с коня и три раза поклонился до земли, с уважением отблагодарил Серого волка. А тот и говорит:

— Не навек прощайся со мной, я еще тебе пригожусь.

Иван-царевич думает: «Куда же ты еще пригодишься? Все желанья мои исполнены». Сел на златогривого коня, и опять поехали они с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей. Доехал он до своих краев, вздумалось ему пополдневать. Было у него с собой немного хлебушка. Ну, они поели, ключевой воды попили и легли отдыхать.

Только Иван-царевич заснул, наезжают на него его братья. Ездили они по другим землям, искали Жар-птицу, вернулись с пустыми руками. Наехали и видят — у Ивана-царевича все добыто. Вот они и сговорились:

— Давай убьем брата, добыча вся будет наша.

Решились и убили Ивана-царевича. Сели на златогривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устрашили ее:

— Дома не сказывай ничего!

Лежит Иван-царевич мертвый, над ним уж вороны летают. Откуда ни возьмись, прибежал Серый волк и схватил ворона с вороненком.

— Ты лети-ка, ворон, за живой и мертвой водой. Принесешь мне живой и мертвой воды, тогда отпущу твоего вороненка.

Ворон, делать нечего, полетел, а волк держит его вороненка. Долго ли ворон летал, коротко ли, принес он живой и мертвой воды. Серый волк спрыснул мертвой водой раны Ивану-царевичу, раны зажили; спрыснул его живой водой — Иван-царевич ожил.

— Ох, крепко же я спал!..

— Крепко ты спал,— говорит Серый волк.— Кабы не я, совсем бы не проснулся. Родные братья тебя убили и всю добычу твою увезли. Садись на меня скорей.

Поскакали они в погоню и настигли обоих братьев. Тут их Серый волк растерзал и клочки по полю разметал.

Иван-царевич поклонился Серому волку и простился с ним навечно.

Вернулся Иван-царевич домой на коне златогривом, привез отцу своему Жар-птицу, а себе — невесту, Елену Прекрасную.

Царь Берендей обрадовался, стал сына спрашивать. Стал Иван-царевич рассказывать, как помог ему Серый волк достать добычу, да как братья убили его сонного, да как Серый волк их растерзал.

Погоревал царь Берендей и скоро утешился. А Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, и стали они жить, поживать да горя не знать.

ИВАН МЕНЬШОЙ—РАЗУМОМ БОЛЬШОЙ

Жили-были старик со старухой. Старик птицу да зверя промышлял — тем и кормились. Много годов они прожили, а добра не нажили. Тужит старуха, сетует:

— Век свой промаялись, сладко не едали, не пивали, цветного платья не нашивали и детей у нас нету, кто нашу старость покоить станет?

— Не горюй, старуха,— утешал старик,— пока руки гнутся да ноги носят, сыты будем, а вперед не станем загадывать.

С тем старик и ушел на охоту.

Ходил, ходил старик по лесу с утра до вечера, не привелось ему заполевать ни птицы, ни зверя. Не хотелось без добычи домой идти, да что станешь делать? Солнышко на закате, надо домой возвращаться.

Только тронулся, как вдруг совсем рядом захлопала крыльями и поднялась из-под куста большая птица невиданной красоты.

Пока старик ружье прилаживал, улетела птица.

— Видно, и та не моя была.

Заглянул под куст, откуда птица поднялась, а там в гнезде тридцать три яйца.

— Попользуюсь хоть этим добром.

Подтянул кушак, уложил все тридцать три яйца за пазуху и пошел домой.

Шел да шел, стал у него кушак слабнуть. И стали яйца из-за пазухи одно за другим выпадать.

Как яйцо выпадет, так молодец выскочит. Как яйцо выпадет, так молодец выскочит. Тридцать два яйца выпали, тридцать два молодца выскочили.

В то время старик кушак подтянул, и осталось тридцать третье яйцо за пазухой. Сам оглянулся — и глазам

не верит: идут следом тридцать два молодца. Все в одно лицо, рост в рост, волос в волос. И заговорили все в один голос:

— Коли сумел нас найти — ты теперь нам отец, а мы твои дети, веди нас домой.

«Не было у нас со старухой никого,— думает старик,— а тут сразу тридцать два сына».

Пришли домой, старик говорит:

— Все ты, старуха, горевала да плакала, что детей нету. Вот тебе тридцать два сына, тридцать два молодца. Собирай на стол да корми ребят.

И рассказал ей, как детей нашел.

Старуха стоит, слова вымолвить не может. Постояла, постояла, руками всплеснула и кинулась стол накрывать. А старик кушак распоясал, стал кафтан снимать, выпало из-за пазухи тридцать третье яйцо, выскочил тридцать третий молодец.

— Ты откуда взялся?

— Я тоже твой сын, Иван меньшой.

Вспомнил старик:

— А и правда, ведь было в гнезде тридцать три яйца. Садись, Иван меньшой, ужинать.

Не успели тридцать три молодца за стол сесть, как все старухины запасы съели и вышли из-за стола ни сыты, ни голодны.

Ночь переночевали. Поутру говорит Иван меньшой:

— Сумел ты, отец, нас найти, сумей и работу дать.

— Да какую я, ребятушки, работу дам? Мы со старухой не сеем, не пашем, ни сохи, ни лошади — никакого обзаведения у нас нету.

— Ну, на нет и суда нет,— отвечает Иван меньшой,— пойдем в люди работу искать. Ты, отец, в кузницу поди, закажи тридцать три косы.

Покуда старик в кузнице был, косы ковал, Иван меньшой с братьями сделали тридцать три окосья да тридцать три граблей.

Отец воротился из кузницы. Иван меньшой роздал братьям косы да грабли.

— Пойдем на работу наниматься. Денег заработаем, станем свое хозяйство заводить да отца с матерью покоить.

Простились братья с родителями и отправились в путь-дорогу. Шли они близко ли, далеко ли, долго ли,

коротко ли, показался впереди большой город. Едет из того города царский дворецкий. Поравнялся с ними и спрашивает:

— Эй, молодцы, с работы вы или на работу? Коли на работу, пойдем со мной, дело дам.

— Что у тебя за дело? — спрашивает Иван меньшой.

— Дело нехитрое,— отвечает дворецкий,— надо траву на царских заповедных лугах выкосить, высушить, в копны сгрести да в стога сметать. Кто тут у вас за старшего?

Все молчат. Вышел Иван меньшой:

— Веди, показывай работу.

Привел их дворецкий на царские заповедные луга.

— Управитесь ли в три недели?

Ответил Иван меньшой:

— Вёдро постоит, и в три дня справимся.

Обрадовался дворецкий.

— Приступайте, молодцы, к делу! Платой не обижу, а харчи, какие надо, такие и стану давать.

Иван меньшой говорит:

— Изжарь нам только тридцать три быка, вина поставь тридцать три ведра да хлеба дай по калачику на брата, и больше нам ничего не надо.

Царский дворецкий уехал. Братья косы наточили и так принялись помахивать, только свист стоит. Пошло дело споро: к вечеру всю траву скосили. Тем временем из царской поварни привезли тридцать три быка жареных, тридцать три калачика хлеба да тридцать три ведра зелена вина. Братья по полведра вина выпили, по полкалачика да по полбыка съели и повалились отдыхать.

На другой день, как только солнышко обогрело, стали траву сушить да в копны сгребать, а к вечеру все сено в стога посметали. Опять по полведра вина выпили, по полкалачика да по полбыка съели. Послал Иван меньшой одного брата на царский двор:

— Скажи, пусть идут работу принимать.

Воротился брат, за ним дворецкий идет, а вслед и сам царь приехал на заповедные луга. Стога царь пересчитал, по лугам походил — нигде стоячей травинки не нашел и говорит:

— Ну, ребятушки, сумели вы скоро и хорошо мои заповедные луга выкосить, траву высушить да сено в

стога сметать, за это хвалю и сверх всего жалую сто рублей денег да бочку сороковку вина. А теперь сумейте сено устеречь. Повадился кто-то каждый год на этих лугах сено поедать, и никак того вора уследить не можем.

Иван меньшой говорит:

— Отпусти, царское величество, моих братьев домой, а сено я один стану караулить.

Царь перечить не стал. Братья пошли на царский двор, деньги получили, выпили винца, поужинали и отправились домой.

Иван меньшой воротился на царские заповедные луга. По ночам не спит, сено караулит, а днем на царскую поварню пить, есть ходит, там и отдыхает.

Осень пришла, стали ночи долгие да темные. Иван меньшой с вечера на стог забрался, в сено зарылся, лежит, не спит. В самую полночь вдруг все кругом осветилось, будто солнышко засияло. Вскинул Иван меньшой глаза и видит: выскочила из моря кобылица-златогривица и кинулась прямо к стогу. Кобылица бежит, под ней земля дрожит, золотая грива развевается, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит.

Прибежала и стала сено поедать. Караульный изловчился, вскочил ей на спину. Кинулась кобылица-златогривица прочь от сена и понеслась по царским заповедным лугам. Сидит Иван меньшой, левой рукой за гриву держится, а в правой ременная плеть у него. Той плетью кобылицу-златогривицу бьет и правит во мхи да в болота.

Носилась, носилась она по мхам, по болотам, по брюхо в топи увязла и остановилась, заговорила:

— Ну, Иван меньшой, умел ты меня поймать, умел на мне усидеть да умел и укротить. Не бей меня, не мучь больше, стану тебе верно служить.

Привел ее Иван меньшой на царский двор, запер в конюшню, а сам пошел на поварню, спать повалился. На другой день говорит царю:

— Ваше царское величество, я узнал, кто на твоих заповедных лугах сено поедал и вора изловил. Пойдем, погляди.

Увидал царь кобылицу-златогривицу, обрадовался:

— Ну, Иван, хоть ты и меньшой, да разумом большой. А за верную службу жалую тебя старшим конюхом.

С той поры и прозвали молодца: Иван меньшой — разумом большой.

Заступил он на царскую конюшню. Ночей не спит — коней холит. Стали царские кони тельные, гладкие, шерсть как шелк блестит, гривы да хвосты расчесанные, пушистые: любо-дорого посмотреть.

Царь за то хвалит не нахвалится.

— Молодец, Иван меньшой — разумом большой, эдакого конюха у меня век не бывало.

А старым конюхам завидно:

— Поставили над нами мужика — деревенщину. Ему ли на царской конюшне старшим быть?

И стали худое замышлять. А Иван меньшой — разумом большой свое дело правит, беды над собой не чует.

В ту пору забрел на царский двор старый ярыга[1], кабацкий дух, просит конюхов:

— Поднесите, ребятушки, опохмелиться, со вчерашнего голова болит. Я за это вас на ум наставлю, научу, как старшего конюха извести.

Конюхи с радостью поднесли стаканчик винца. Опохмелился ярыга и заговорил:

— Нашему царю до смерти охота достать гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна. Много добрых молодцев ездило волей, а больше того — неволей, те диковины добывать, да никто назад не воротился. Вот и скажите царю: хвалился-де Иван меньшой — разумом большой, будто это дело ему нипочем сделать. Царь его пошлет, а назад он не воротится.

Конюхи ярыгу поблагодарили, поднесли ему еще стаканчик винца и пошли к царскому красному крыльцу, стоят под окнами, переговариваются. Царь их увидал, вышел из покоев и спрашивает:

— О чем, молодцы, разговариваете, чего вам надо?

— Да вот, царь-государь, старший конюх Иван меньшой — разумом большой похваляется: «Знаю я, как достать гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна». Мы тут и спорим: кто скажет — достанет, а кто говорит, что он пустым хвалится.

Как услыхал царь такие речи, весь с лица сменился. Руки, ноги дрожат, сам думает: «Как бы мне эти ред-

---

[1] Ярыга — низший полицейский служитель. (*Прим. А. Нечаева.*)

кости заполучить, все бы цари стали мне завидовать. Сколько народу посылал, никто назад не воротился».

И в ту же минуту приказал старшего конюха кликнуть. Увидал его и сразу кричит:

— Не мешкай, поезжай, привези гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна!

Отвечает Иван меньшой — разумом большой:

— Да что ты, ваше царское величество, я про них и слыхом не слыхал! Куда я поеду?

Царь рассердился, ногой топнул:

— Ты что тут вздумал разговоры разговаривать, моему царскому слову супротивиться! Коли достанешь, награжу, а не достанешь, на себя пеняй: голова твоя с плеч.

Пошел Иван меньшой — разумом большой от царя невесел, буйную голову повесил. Стал седлать кобылицу-златогривицу. Она спрашивает:

— Что, хозяин, не весел, печальный, или беда приключилась?

— Как же мне веселому быть? Царь велел добыть гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна, а я про них и слыхом не слыхал.

— Ну, то небольшая беда,— говорит кобылица-златогривица,— садись да поедем к яге-ягишной, узнаем, где добывать те диковины.

Иван меньшой — разумом большой в путь-дорогу собрался. Только и видели, как он на кобылицу-златогривицу садился. Никто не видал, как добрый молодец со двора укатился.

Ехал он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, заехал в глухой лес, такой темный — свету белого не видать. Кобылица-златогривица отощала, и сам притомился. Выехал на поляну и видит: стоит избушка на курьей лапке, на веретенной пятке, с востока на запад поворачивается. Подъехал ближе и заговорил:

— Избушка-избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом. Мне не век вековать, одну ночку переночевать.

Избушка повернулась к нему передом. Привязал кобылицу-златогривицу, на крыльцо вбежал, дверь напяту распахнул.

Сидит в избушке баба-яга, костяная нога, нос у ней в потолок врос, возле ступа да пест стоят.

Увидала яга-ягишна гостя и говорит:

— Давно русского духу не слыхала, а тут русский дух сам ко мне пожаловал. Сказывай, молодец, зачем приехал?

— Что ты, бабушка, неласково гостя встречаешь, выспрашиваешь у холодного да у голодного? У нас на Руси дорожного человека сперва накормят, напоят, в бане выпарят да спать уложат, а потом станут выспрашивать.

Тут баба-яга спохватилась.

— Ой, добрый молодец, не взыщи, у нас не у вас, прости меня, старуху! Все дело справим, как надобно.

И принялась хлопотать. На стол собрала, накормила, напоила гостя, потом баньку вытопила. Напарился, намылся Иван меньшой — разумом большой. Баба-яга постель постелила, уложила его спать, а сама села к изголовью, стала спрашивать:

— Скажи, добрый молодец, по доброй воле сюда заехал или неволя тебя пригнала и куда ты путь держишь?

Отвечает гость:

— Велел мне царь достать гусли-самогры, гусака-плясуна да кота-игруна. Кабы ты мне, бабушка, сказала, где их найти, век бы твое добро помнить стал.

— Ох ты, дитятко, знаю я, где те диковины, да взять их трудно. Много туда добрых молодцев езживало, да назад ни один не воротился.

— Ну, бабушка, чему быть, того не миновать, а ты пособи моему горю, расскажи, куда мне ехать.

— Жалко мне тебя, дитя, да делать нечего, надо тебе пособить. Ты свою кобылицу-златогривицу у меня оставь, будет она в сохранности. И вот тебе клубочек. Завтра, как выйдешь, кинь его наземь,— куда клубочек покатится, туда и ты ступай. Приведет он тебя к моей средней сестре. Ты клубочек покажи, и она тебе все расскажет, переправит к старшей сестре и всем, чем может, пособит.

На другой день разбудила гостя ни свет, ни заря, накормила, напоила, на двор проводила. Иван меньшой — разумом большой поблагодарил бабу-ягу, распростился и отправился в путь-дорогу. Сказка скоро сказывается, да не так скоро дело делается, а клубок все вперед да вперед катится, вслед за ним молодец подвигается.

Шел день и другой, на третий день подкатился клубок к избушке на воробьиной лапке, на веретенной пятке и тут остановился.

— Повернись, избушка, ко мне передом, а к лесу задом.

Избушка повернулась, и поднялся молодец на крыльцо. Дверь отворил, встретила его хозяйка неласково:

— Давно я русского духу не слыхала, человечьего мяса не едала, а тут человек ко мне сам пришел. Чего тебе надо, говори!

Подал ей Иван меньшой — разумом большой клубок. Баба-яга взглянула на клубок, руками всплеснула:

— Ох, да ты не чужой, а гость дорогой, тебя моя меньшая сестра ко мне отправила! Так бы ты и сказал.

И забегала, захлопотала. Стол накрыла, всяких кушаньев да вин наставила, стала гостя потчевать:

— Пей, ешь досыта да повались отдохни, а потом и о деле станем толковать.

Иван меньшой — разумом большой напился, наелся, повалился отдыхать, а баба-яга, средняя сестра, села к изголовью, стала выспрашивать. Рассказал ей гость, кто он да откуда и по какому делу идет путем-дорогой. Баба-яга говорит:

— Недальний тебе путь лежит, да не знаю, как ты жив останешься. Гусли-самоигры, гусак-плясун да кот-игрун у нашего племянника Змея Горыныча. Много туда добрых молодцев прошло, а назад никто не воротился, всех погубил Змей Горыныч. Он сын нашей старшей сестры. Надо попросить, чтобы она тебе помогла, а то не быть тебе живому. Пошлю к ней сегодня ворона — птицу вещую, пусть сестру упредит. А ты покуда спи, отдыхай, завтра рано разбужу.

Ночь добрый молодец проспал, поутру раненько встал, умылся. Покормила его баба-яга и дала красный шерстяной клубочек. Вывела на тропинку, и тут они распрощались. Клубок покатился, Иван меньшой — разумом большой вслед пошел.

Вот он идет и идет — от утренней зари до вечерней, от вечерней до утренней. Притомится, возьмет клубок в руки, посидит, съест сухарик, воды ключевой напьется и продолжает путь-дорогу.

На третий день к вечеру остановился клубок у большого дома. Стоит тот дом на двенадцати столбах, на двенадцати камнях. Вокруг дома высокий частокол.

Пес залаял, и выбежала на крыльцо баба-яга, старшая сестра, пса уняла, сама говорит:

— Знаю, все знаю про тебя, добрый молодец, прилетал ко мне от средней сестры ворон — птица вещая. Как-нибудь твоему горю-нужде помогу. Проходи в горницу да садись с дороги попить-поесть.

Накормила гостя, напоила.

— Теперь тебе надо ухорониться. Скоро мой сынок, Змей Горыныч, прилетит, голодный да сердитый. Как бы он не сглонул тебя.

Отворила погребицу.

— Полезай в подполье, сиди там, покуда не позову.

Только успела подполье закрыть, как все кругом зашумело, загремело. Двери размахнулись, и влетел Змей Горыныч — весь дом ходуном заходил.

— Чую, русским духом пахнет!

— Что ты, сынок, где тут русскому духу быть, как уж сколько годов серый волк не прорыскивал, ясный сокол не пролетывал. Ты сам по свету летал, там русского духу и набрался.

А сама хлопочет, на стол собирает. Вытянула из печки жареного быка-трехлетка, поставила ведро вина. Выпил Змей Горыныч вино, быком закусил, стало ему повеселее.

— Эх, мать, с кем бы мне позабавиться, хоть бы в карты в дурака сыграть?

— Нашла бы я, сынок, с кем тебе позабавиться, в дурака сыграть, да боюсь, как бы ты чего худого не сделал.

— Зови, мать, не бойся, никому вреда не сделаю. До смерти охота мне потешиться, поиграть.

— Ну, помни, сынок, свое обещанье,— молвила баба-яга и отворила погребицу.

— Подымись, Иван меньшой — разумом большой, уважь хозяина, поиграй в карты.

Сели за стол. Говорит Змей Горыныч:

— Станем играть так: кто кого обыграет, тот того и съест.

Всю ночь играли. Баба-яга гостю помогала, и к у́тру, к свету, Иван меньшой — разумом большой обыграл Змея Горыныча, оставил в дураках.

Стал тот просить:

— Погости, молодец, у нас, вечером, как вернусь домой, еще поиграем, хочу я отыграться.

Змей Горыныч улетел, а Иван меньшой — разумом

большой выспался вволю. Баба-яга накормила его, напоила.

Вечером Змей Горыныч воротился, съел трехлетка-быка жареного, выпил вина полтора ведра и говорит:

— Ну, теперь сядем играть, стану отыгрываться.

Сидят, играют, а Змей Горыныч ту ночь не спал да день по свету летал, притомился, нашла на него дремота. Иван меньшой — разумом большой да баба-яга опять его обыграли, оставили другой раз в дураках. Говорит Змей Горыныч:

— Надо мне сейчас лететь, свои дела справлять, а вечером в третий раз сыграем.

Иван меньшой — разумом большой отдохнул, выспался, а Змей Горыныч две ночи не спал да весь белый свет облетел, усталый воротился. Съел жареного быка, выпил два ведра вина, зовет гостя:

— Садись, молодец, стану отыгрываться.

А сам маятный сидит, дремлет. И скоро его добрый молодец третий раз обыграл, в дураках оставил.

Перепугался Змей Горыныч, пал на колени, взмолился:

— Ох, добрый молодец, не губи, не ешь меня! Я тебе какую хочешь службу сослужу!

И матери в ноги повалился:

— Мать, уговори гостя меня в живых оставить!

А Ивану меньшому — разумом большому только того и надо.

— Ладно, Змей Горыныч, обыграл я тебя три раза, и коли отдашь мне три диковинки: гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна, на том мы и поладим.

Змей Горыныч засмеялся, кинулся обнимать гостя да бабу-ягу.

— С радостью отдам все три диковины, я себе еще лучше вперед достану.

Задал пир на весь мир. На том пиру доброго молодца потчевал, братом называл. Потом сам вызвался:

— Чем тебе, гостенек, пешим добираться да гусли-самоигры, гусака-плясуна и кота-игруна нести, я тебя в одночасье, куда надо, представлю.

— Вот, сынок, хорошо! — говорит баба-яга.— Отнеси гостя к моей младшей сестре, твоей тетке, а на обратном пути среднюю сестру проведай, давно ты у них не бывал.

Пир отпировали. Взял Иван меньшой — разумом большой свои диковинки, с бабой-ягой простился. Подхватил его Змей Горыныч и взвился под облака. Часу не прошло, как спустился Змей Горыныч возле избушки младшей бабы-яги. Хозяйка на крыльцо выбежала, с радостью гостей встретила.

Иван меньшой — разумом большой мешкать не стал. Оседлал свою кобылицу-златогривицу, с бабой-ягой, младшей сестрой, да со Змеем Горынычем распрощался и отправился в свое государство.

Привез все диковинки в целости-сохранности, а у царя в ту пору сидели в гостях три царя с царевичами, три короля иноземных с королевичами да министры с боярами.

Добрый молодец зашел в горницу и подал царю гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна. Обрадовался царь.

— Ну, Иван меньшой — разумом большой, сумел ты мне эдакую службу сослужить! Я хвалю за то и жалую. Был ты старшим конюхом, а теперь тебе быть моим царским советником.

Бояре да министры поморщились, промеж себя перемолвились:

— Сидеть рядом с конюхом — нашей чести великая поруха. Эко царь выдумал!

Тут гусли-самоигры заиграли, кот-игрун стал тоненько стеререньkивать, а гусак-плясун приплясывать. И такое пошло веселье,— на месте усидеть нельзя. Все именитые гости ударились в пляс.

Время идет, а все пляшут и пляшут. У царей да у королей короны сбились набекрень, царевичи да королевичи каруселью в присядке носятся. Министры да бояре потом обливаются, поойкивают, а остановиться никто не может. Царь рукой машет:

— Ох, Иван меньшой — разумом большой, останови забаву: совсем упарились.

Добрый молодец все три диковины в мешок склал, и сразу все стихло.

Гости кто куда повалились, отдуваются:

— Ну, и потеха, ну, и забава, эдакой век не видано!

Иноземные гости завидуют. Царь рад-радехонек:

— Теперь все цари да короли узнают и от зависти изведутся. Ни у кого таких редкостей нету!

А бояре с министрами переговариваются:

— Эдак скоро простой мужик-деревенщина станет первым человеком в царстве и всю свою мужицкую родню на должности поставит, а нас, именитую знать, со света сживет, коли мы от него не избавимся.

На другой день собрались министры с боярами, сидят, думают, как нового царского советника извести. Один старый князь присоветовал:

— Позовите ярыгу-пьяницу, он на эти дела мастер.

Пришел ярыга-пьяница, поклонился:

— Знаю, господа министры да бояре, зачем я вам понадобился. Коли полведра вина поставите, научу, как от нового царского советника избавиться.

— Сказывай, за полведром дело не станет.

Поднесли для начала чарочку. Выпил ярыга и говорит:

— Сорок годов прошло с тех пор, как наш царь овдовел. И с той поры много раз сватал Алену, прекрасную царевну, да высватать не мог. Три раза войной ходил на то царство, сколько войска погубил и силой не взял. Пусть пошлет Ивана меньшого — разумом большого Алену, прекрасную царевну, добывать. Туда уедет, назад не воротится.

Бояре да министры повеселели. Наутро пошли к царю.

— С умом ты, царь государь, нового царского советника сыскал. Эдакие диковины сумел достать и теперь похваляется, что может Алену, прекрасную царевну, похитить да сюда привезти.

Как услышал царь про Алену, прекрасную царевну, не мог на месте усидеть, с трона соскочил.

— А и правда, совсем из головы выскочило! Вот кого надо послать Алену, прекрасную царевну, доставать.

Позвал нового своего советника и говорит:

— Поезжай за тридевять земель, в тридесятое царство, привези мне невесту Алену, прекрасную царевну.

Иван меньшой — разумом большой отвечает:

— Ваше царское величество, Алена, прекрасная царевна,— не гусли-самогуды, не гусак-плясун и не кот-игрун: царевну в мешок не сунешь. Да, может, она и ехать не захочет сюда.

Царь ногами затопал, руками замахал, бородой затряс.

— Не перечь мне! Я знать ничего не знаю, как умеешь, так и доставай. Привезешь невесту Алену, прекрасную царевну, дам тебе город с пригородком и министром поставлю, а не привезешь, велю голову отрубить.

Вышел Иван меньшой — разумом большой от царя в печали, в большом раздумье. Стал кобылицу-златогривицу седлать, а она спрашивает:

— Чего, хозяин, задумался, какая беда-невзгода над тобой?

— Беды большой нету, да и радоваться нечему. Посылает царь невесту Алену, прекрасную царевну, доставать. Сам три года сватался, не высватал, три раза войной ходил, достать не мог, а меня одного посылает.

— Ну, тут беды большой нет,— молвила кобылица-златогривица,— я помогу, и как-нибудь дело справится.

Иван меньшой — разумом большой недолго снаряжался, а скорее того в дорогу отправлялся. Только и видели, как в седло садился, а никто не видал, как со двора молодец укатился.

Ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли и приехал в тридесятое царство. Стоит на пути высокая ограда. Кобылица-златогривица легко через ограду перескочила, и очутился молодец в царском заповедном саду. Говорит кобылица-златогривица:

— Я обернусь яблоней с золотыми яблоками, а ты возле меня схоронись. Завтра выйдет Алена, прекрасная царевна, в сад погулять, и захочется ей золотое яблочко сорвать. Подойдет близко, ты не зевай, хватай царевну, а я буду наготове. Ни минуты не мешкай, садись с царевной на меня. Коли оплошаешь, ни тебе, ни мне в живых не быть.

На другой день утром вышла Алена, прекрасная царевна, в заповедный сад погулять. Увидала яблоню с золотыми яблоками и крикнула своим мамкам, нянькам да сенным девушкам:

— Ах, какая яблоня красивая! И яблоки золотые! Стойте тут, ждите меня, я сбегаю, хоть одно яблочко сорву.

Только подбежала, как откуда ни возьмись, выскочил Иван меньшой — разумом большой, ухватил Алену, прекрасную царевну, за руки. И в ту же минуту яблоня обернулась кобылицей-златогривицей. Бьет кобылица-златогривица копытами, торопит. Вскочил добрый моло-

дец в седло н Алену, прекрасную царевну, подхватнл — только их мамки, няньки да сенные девушки н вндели.

Поднялн онн крик. Сбежалнсь караульные, а Алены, прекрасной царевны, н след простыл. Царь узнал, нарядил погоню: во все стороны верховых послал. На другой день все воротнлнсь с пустымн рукамн, только коней загналн, а похитннка никто н в глаза не видал.

Иван меньшой — разумом большой той порой много земель проехал, много рек да озер позадн себя оставил.

Первое время Алена, прекрасная царевна, отбнвалась, потом затнхла, заплакала. Поплачет да на доброго молодца взглянет, поплачет да взглянет. На другой день заговорнла:

— Сказывай, кто ты есть? Из какой земли, нз какой орды? Чьих родов сын н как тебя звать-велнчать?

— Зовут меня Иваном меньшим, а прозывают разумом большнм. Сам я нз такого-то царства, крестьянскнй сын.

— Скажи, Иван меньшой — разумом большой, для себя лн ты похитнл меня нли по чьему приказу?

— Велел мне достать тебя наш царь.

Алена, прекрасная царевна, руки заломила и крнкнула:

— Да нн в жнзнь я за такого старого дурака замуж не пойду! Он трн года сватал, не высватал, три раза наше царство воевал, ннчего добиться не мог, только войско потерял. И теперь не видать ему меня, как своих ушей.

Доброму молодцу те речн по душе прншлнсь. Ничего ей не сказал, а про себя подумал: «Вот кабы мне такая жена досталась!»

И тут в скором времени показалась своя земля. Старый царь все днн от окна не отходнл, все на дорогу поглядывал, ждал, когда покажется Иван меньшой — разумом большой.

Добрый молодец еще к городу подъезжал, а царь уж на красном крыльце дожндался. И не успел на царский двор заехать, как сбежал царь с крыльца, Алену, прекрасную царевну, с седла снимал, за белые руки брал, сам говорит:

— Сколько годов я сватов засылал и сам свататься прнходил, все отказывалась, а теперь уж прндется со мной под венец идтн.

Усмехнулась Алена, прекрасная царевна:

— Ты бы, царское величество, мне с дороги хоть отдохнуть дал, а уж потом о свадьбе разговор завел.

Царь засуетился, захлопотал, позвал мамок, нянек да сенных девушек.

— Готов ли терем для дорогой гостьи?

— Все давно приготовлено.

— Ну, вот, принимайте свою будущую царицу. Все, что скажет, исполняйте, чтобы ни в чем ей отказу не было! — приказал царь.

Мамки, няньки да сенные девушки увели Алену, прекрасную царевну, в терем. А царь Ивану меньшому — разумом большому говорит:

— Молодец, Ваня! За эдакую службу быть тебе моим главным министром и жалую тебе еще три города с пригородками.

День ли, два ли прошло, не терпится старому царю. Охота поскорее свадьбу сыграть. Спрашивает у Алены, прекрасной царевны:

— На какой день станем гостей звать, когда поедем венчаться?

Отвечает царевна:

— Как я стану венчаться, коли нет моего обручального перстня да свадебной кареты?

— Ну, за этим дело не станет,— говорит царь.— Колец да карет в нашем царстве хоть отбавляй. Есть из чего выбрать, а уж коли ничего по нраву не найдешь, пошлем гонца в заморские страны, оттуда привезем.

— Нет, царское величество, ни в какой карете, кроме своей, под венец не поеду и никаким иным перстнем, кроме своего, обручаться не буду,— отвечала Алена, прекрасная царевна.

Царь опрашивает:

— А где твой перстень и твоя свадебная карета?

— Перстень в укладке, укладка в карете, а карета на дне моря-океана, близ острова Буяна. И покуда не достанешь, о свадьбе со мной не заговаривай.

Царь корону снял, в затылке почесал.

— Как же твою карету со дна моря-океана достать?

— Это забота не моя,— сказала царевна.— Как знаешь, так и доставай.

И ушла в свой терем.

Остался царь один.

Думал он, думал и вспомнил про Ивана меньшого — разумом большого.

— Вот кто мне перстень да карету достанет!

Позвал Ивана меньшого и говорит:

— Ну, мой верный слуга Иван меньшой — разумом большой, только ты один и мог сыскать гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна. Ты мне достал и невесту Алену, прекрасную царевну. Сослужи еще третью службу — привези обручальный перстень да карету. Перстень царевнин в укладке, укладка в карете, а карета на дне моря-океана, возле острова Буяна. Коли привезешь перстень да карету, я тебе треть царства отпишу.

Говорит Иван меньшой — разумом большой:

— Да что ты, ваше царское величество, ведь я не рыба-кит! Как я стану на дне морском перстень да карету искать?

Царь рассердился, ногами затопал, закричал:

— Знать ничего не знаю и ведать не ведаю. Мое царское дело приказывать, твое — слушаться. Привезешь перстень да карету — награжу по-царски, а не привезешь — голову на плахе отсеку.

Пошел добрый молодец на конюшню, стал кобылицу-златогривицу седлать. Спрашивает она:

— Куда, хозяин, собрался?

— И сам еще не знаю куда, а ехать надобно: велел царь обручальный перстень царевны да свадебную карету достать. Перстень в укладке, укладка в карете, а карета на дне моря-океана, возле острова Буяна. Вот и поедем доставать.

Кобылица-златогривица говорит:

— Эта служба потруднее всех будет. Хоть дорога и недальняя, да может статься — печальная. Знаю, где карета, а достать нелегко. Я спущусь на дно моря-океана, запрягусь и привезу карету на берег, если меня морские кони не увидят, а уж коли увидят морские кони, загрызут насмерть. Век тебе не видать ни меня, ни кареты.

Иван меньшой — разумом большой задумался.

Думал, думал и придумал. Пошел к царю:

— Дай мне, царское величество, двенадцать воловьих кож, дай двенадцать пудов просмоленной бечевы, двенадцать пудов смолы да котел.

— Этого добра бери сколько надо, да торопись службу исполнять.

Нагрузил кожи, бечеву да большой котел на телегу, запряг кобылицу-златогривицу и отправился в путь-дорогу.

Приехал на царские заповедные луга, на морской берег.

Стал молодец кобылицу-златогривицу кожами укрывать, бечевой просмоленной увязывать.

— Если кони морские увидят да накинутся, не скоро до тебя зубами доберутся.

Двенадцать кож умотал, двенадцать пудов бечевы просмоленной увязал. Потом стал смолу разогревать да той смолой заливать. Двенадцать пудов смолы на кожи да на бечеву вылил.

— Вот теперь мне кони морские не страшны,— говорит кобылица-златогривица.— Сиди на лугах и ожидай меня три дня, в гусли играй, а глаз не смыкай.

Тут она кинулась в море и скрылась под водой. Остался Иван меньшой — разумом большой один на морском берегу. День прошел, и другой прошел, не спит молодец, в гусельцы поигрывает, на море поглядывает. На третий день напала маета, стало ко сну клонить, и гусельцы его не развлекают. Крепился, крепился и не мог удержаться — задремал.

Много ли, мало ли времени подремал, услышал сквозь сон конский топот. Взглянул и видит: выскочила на берег кобылица-златогривица с каретой. Шесть морских коней златогривых висят по бокам.

Иван меньшой — разумом большой кинулся навстречу. Говорит кобылица-златогривица:

— Не укрыл бы ты меня воловьими кожами, не увязал бы бечевой да не залил смолой, век бы не дождался. Целым табуном напали на меня морские кони, девять кож воловьих начисто порвали да две крепко попортили, а эти шесть коней так увязли в смоле да в веревках зубами, оторваться не могли. Ну, да ладно, они тебе пригодятся.

Добрый молодец спутал ноги морским коням, схватил ременную плеть и стал их учить уму-разуму. Бьет да приговаривает:

— Будете слушаться, хозяином меня признавать? А не станете слушаться,— насмерть забью и волкам скормлю!

Пали кони на коленки, взмолились:

— Не мучь, не бей, добрый молодец, будем слушаться и станем тебе верно служить. Настигнет беда, выручим тебя.

Кинул плеть, запряг всех коней в карету и поехал домой.

Подкатил семериком к царскому красному крыльцу. Кобылицу-златогривицу да коней морских в конюшню поставил, а сам пошел к царю.

— Бери, царское величество, карету со всем приданым — у крыльца стоит.

Царь ему и спасибо не сказал. Скорым-скоро побежал, достал укладку и понес Алене, прекрасной царевне:

— Я тебя, Алена, прекрасная царевна, потешил: все твои желания исполнил, укладку и перстень достал, а свадебная карета у крыльца стоит. Сказывай, когда станем свадьбу играть, на какой день гостей звать?

Отвечает прекрасная царевна:

— Повенчаться-то я согласна, и свадьбу можно скоро сыграть. Да не хочется мне, чтобы ты такой старый да седатый со мной под венец шел. Станут люди судить-рядить, над тобой смеяться, скажут: «Старый да седатый молодую взял. А у старого да у седатого молодая жена — чужая корысть». На людской роток ведь не накинешь платок. Вот как бы ты помолодился перед свадьбой, все бы у нас ладно было.

Спрашивает царь:

— Научи, как из старого молодым стать? Помолодиться-то куда бы лучше, да у нас еще эдакого не слыхано.

Алена, прекрасная царевна, говорит:

— Надо найти три больших медных котла. В первый дополна цельного молока налить, в другой и в третий — студеной ключевой воды. Котел с молоком да один котел с водой нагреть. И как закипит ключом молоко да вода, кидайся сперва в молоко, потом в горячую воду, а уж потом в студеную. Как окунешься с головой во всех трех котлах, выйдешь молодым да пригожим, будто двадцати годов.

— А не обожгусь я? — спросил царь.

— У нас в царстве совсем стариков нету,— отвечает прекрасная царевна,— все так молодятся, и никто не обжигался.

Пошел царь и велел приготовить все так, как Алена, прекрасная царевна, научила.

А как закипели ключом молоко да вода, задумался. Боязно стало. Ходил, ходил вокруг котлов, хлопнул себя по лбу:

— Чего долго раздумывать? Пусть Иван меньшой — разумом большой сперва попробует искупаться, а я погляжу: коли хорошо, и сам выкупаюсь. А Иванко сгорит, плакать некому; кони мне достанутся, и треть царства посуленную отписывать не надо будет.

И велел кликнуть Ивана меньшого — разумом большого.

— Зачем, царское величество, звал меня? Ведь я еще с дороги отдохнуть не успел.

— Сейчас тебя отпущу,— говорит царь.— Выкупайся в этих трех котлах и поди отдыхай.

Поглядел молодец в котлы: молоко да вода ключом кипят, только в третьем — вода спокойная.

— Ты что, царское величество, задумал меня живьем сварить? За всю мою верную службу хочешь так наградить?

— Да нет, Ваня! Кто во всех трех котлах выкупается, тот из старого молодым станет да красивым.

— Я и так не старый, ваше царское величество, и мне незачем молодиться.

Царь сердиться стал:

— Что ты какой супротивный? Всегда мне перечишь! Добром не станешь купаться, силком заставлю, а то и на дыбу отправлю.

В ту пору Алена, прекрасная царевна, прибежала из своего терема. Улучила минуту и шепнула доброму молодцу незаметно от царя:

— Перед тем, как в котел нырнуть, дай знать кобылице-златогривице да морским коням и потом купайся безо всякой опаски.

А царю она говорит:

— Пришла узнать, все ли тебе приготовили, как я сказывала.

Обошла котлы кругом, поглядела и говорит:

— Все, как надобно быть. Ты, царское величество, купайся, а я побегу к свадьбе готовиться.

И ушла в свой терем. Иван меньшой — разумом большой поглядел на царя.

— Ладно, потешу тебя в последний раз, все равно двум смертям не бывать, а одной не миновать. Позволь только взглянуть еще раз на кобылицу-златогривицу. Много мы с ней странствовали, поди знай, может быть, больше и не увидать.

Позволил царь:

— Ступай да не мешкай там!

Пошел Иван меньшой — разумом большой на конюшню, кобылице-златогривице да морским коням все рассказал, а те ему говорят:

— Как услышишь, мы все вместе всхрапнем до трех раз, смело ныряй и ничего не бойся.

Воротился к царю.

— Ну, я теперь совсем справился, ваше величество, сейчас буду нырять.

И вот слышит — кони всхрапнули раз, другой и третий. Тут добрый молодец бултых в котел с молоком, вынырнул да из первого котла прямо в котел с кипятком кинулся, а потом в студеной ключевой воде окунулся и вышел из третьего котла таким пригожим да красивым, что нельзя описать, только в сказке рассказать.

Царь, глядя на него, больше раздумывать не стал, кое-как вскарабкался на помост, пал в котел с молоком, да там и сварился.

Тут Алена, прекрасная царевна, скорым-скоро с крутого крылечка сбегала, Ивана меньшого — разумом большого за белые руки брала, обручальный перстень ему на палец надела. Сама усмехнулась и промолвила:

— Похитил ты меня по царскому приказанию, а теперь нет царя в живых. Воля у тебя своя — хочешь назад вези, а хочешь у себя оставь.

Иван меньшой — разумом большой прекрасную царевну за руки взял, суженой назвал и надел ей на палец свое колечко.

Потом послал посыльных отца с матерью да братьев из деревни на свадебный пир звать.

В скором времени отец с матерью да тридцать два брата, тридцать два молодца, приехали на царский двор.

Свадьбу сыграли, пир отпировали. Иван меньшой — разумом большой со своей женой Аленой, прекрасной царевной, стали жить-поживать да отца с матерью покоить.

СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА, БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Жили-были себе царь и царица; у них были сын и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Аленушкой. Вот царь с царицею померли; остались дети одни и пошли странствовать по белу свету. Шли, шли, шли... идут и видят пруд, а около пруда пасется стадо коров. «Я хочу пить»,— говорит Иванушка. «Не пей, братец, а то будешь теленочком»,— говорит Аленушка. Он послушался, и пошли они дальше; шли, шли и видят реку, а около ходит табун лошадей. «Ах, сестрица, если б ты знала, как мне пить хочется».— «Не пей, братец, а то сделаешься жеребеночком». Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли, шли и видят озеро, а около него гуляет стадо овец. «Ах, сестрица, мне страшно пить хочется».— «Не пей, братец, а то будешь баранчиком». Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли, шли и видят ручей, а возле стерегут свиней. «Ах, сестрица, я напьюсь; мне ужасно пить хочется».— «Не пей, братец, а то будешь поросеночком». Иванушка опять послушался, и пошли они дальше; шли, шли и видят: пасется у воды стадо коз. «Ах, сестрица, я напьюся». — «Не пей, братец, а то будешь козленочком». Он не вытерпел и не послушался сестры, напился и стал козленочком, прыгает перед Аленушкой и кричит: «Ме-ке-ке! Ме-ке-ке!»

Аленушка обвязала его шелковым поясом и повела с собою, а сама-то плачет, горько плачет... Козленочек бегал, бегал и забежал раз в сад к одному царю. Люди увидали и тотчас доказывают царю: «У нас, ваше царское величество, в саду козленочек, и держит его на поясе девица, да такая из себя красавица». Царь прика-

зал спросить, кто она такая. Вот люди и спрашивают ее: откуда оиа и чьего роду-племеии? «Так и так,— говорит Алеиушка,— был царь и царица, да померли; остались мы, дети: я — царевиа, да вот братец мой, царевич; он ие утерпел, напился водицы и стал козленочком». Люди доложили все это царю. Царь позвал Алеиушку, расспросил обо всем; оиа ему пригляиулась, и царь захотел иа ией жениться. Скоро сделали свадьбу и стали жить себе, и козлеиочек с иими — гуляет себе по саду, а пьет и ест вместе с царем и царицею.

Вот поехал царь иа охоту. Тем времеием пришла колдуиья и навела иа царицу порчу: сделалась Алеиушка больиая, да такая худая да бледная. На царском дворе все приуиыло; цветы в саду стали вяиуть, деревья сохиуть, трава блекнуть. Царь воротился и спрашивает царицу: «Али ты чем нездорова?» — «Да, хвораю»,— говорит царица. На другой деиь царь опять поехал иа охоту. Алеиушка лежит больиая; приходит к ией колдуиья и говорит: «Хочешь, я тебя вылечу? Выходи к такому-то морю столько-то зорь и пей там воду». Царица послушалась и в сумерках пошла к морю, а колдуиья уж дожидается, схватила ее, иавязала ей на шею камеиь и бросила в море. Алеиушка пошла иа дио; козлеиочек прибежал и горько-горько заплакал. А колдуиья оборотилась царицею и пошла во дворец.

Царь приехал и обрадовался, что царица опять стала здорова. Собрали иа стол и сели обедать. «А где же козлеиочек?» — спрашивает царь. «Не надо его,— говорит колдуиья,— я не велела пускать; от иего так и иесет козлятииой!» На другой день, только царь уехал иа охоту, колдуиья козленочка била-била, колотила-колотила и грозит ему: «Вот воротится царь, я попрошу тебя зарезать». Приехал царь; колдуиья так и пристает к нему: «Прикажи да прикажи зарезать козлеиочка; он мне надоел, опротивел совсем!» Царю жалко было козленочка, да делать иечего — оиа так пристает, так упрашивает, что царь, иакоиец, согласился и позволил его зарезать. Видит козлеиочек: уж иачали точить иа иего ножи булатиые, заплакал ои, побежал к царю и просится: «Царь! Пусти меия иа море сходить водицы испить, кишочки всполоскать». Царь пустил его. Вот козленочек прибежал к морю, стал на берегу и жалобно закричал:

— Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бе́режек.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

— Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козленочек заплакал и воротился назад. Посеред дня опять просится он у царя: «Царь! Пусти меня на́ море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь пустил его. Вот козленочек прибежал к морю и жалобно закричал:

— Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бе́режек.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

— Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козленочек заплакал и воротился домой. Царь и думает: что бы это значило, козленочек все бегает на́ море? Вот попросился козленочек в третий раз: «Царь! Пусти меня на́ море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь отпустил его и сам пошел за ним следом; приходит к морю и слышит — козленочек вызывает сестрицу:

— Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бе́режек.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

— Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козленочек опять зачал вызывать сестрицу. Аленушка всплыла кверху и показалась над водой. Царь ухватил ее, сорвал с шеи камень и вытащил Аленушку на берег, да и спрашивает: как это сталося? Она ему все рассказала. Царь обрадовался, козленочек тоже — так и прыгает, в саду все зазеленело и зацвело. А колдунью приказал царь казнить: разложили на дворе костер дров и сожгли ее. После того царь с царицей и с козленочком стали жить да поживать да добра наживать и по-прежнему вместе и пили и ели.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В старые годы у одного царя было три сына. Вот когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

— Сынки мои любезные, покуда я еще не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

— Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

— Вот что, сынки, возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили.

У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла ее купеческая дочь.

А у младшего сына, Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела, сам не знает куда. Вот он шел, шел, дошел до болота, видит — сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

— Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу.

А лягушка ему отвечает:

— Возьми меня замуж!

— Что ты, как я возьму себе в жены лягушку?

— Бери, знать судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принес домой. Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего — на купеческой, а несчастного Ивана-царевича — на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

— Хочу посмотреть, которая из ваших жен лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтрему по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил. Лягушка по полу скачет, спрашивает его:

— Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

— Батюшка велел тебе к завтрему рубашку ему сшить.

Лягушка отвечает:

— Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лег спать, а лягушка прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушачью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка опять по полу скачет, а уж рубашка лежит на столе, завернута в полотенце. Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понес к отцу. Царь в это время принимал дары от бо̀льших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял ее и сказал:

— Эту рубашку в черной избе носить.

Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

— В ней только в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку, изукрашенную златом-серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул:

— Ну, вот это рубашка — в праздник ее надевать.

Пошли братья по домам — те двое — и судят между собой:

— Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитра [1].

Царь опять позвал сыновей.

— Пускай ваши жены испекут мне к завтрему хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

---

[1] Хитра — колдунья. *(Прим. А. Н. Толстого.)*

Иван-царевнч голову повесил, пришел домой. Лягушка его спрашивает:

— Что закручинился?

Ои отвечает:

— Надо к завтрему нспечь царю хлеб.

— Не тужи, Иваи-царевич, лучше ложнсь спать, утро вечера мудренее.

А те иевестки сперва-то смеялнсь иад лягушкой, а теперь послалн одну бабушку-задворенку посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

Лягушка хитра, оиа это смекиула. Замесила квашню, печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокниула. Бабушка-задвореика прнбежала к царским невесткам, все рассказала, и те так же сталн делать.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обериулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

— Мамки, нянькн, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего родиого батюшки ела.

Иваи-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разнымн хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завериул хлеб в ширинку, понес к отцу. А царь в то время принималхлебы от бо́льших сыиовей. Их жеиы-то поспускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала, и вышла у инх одна горелая грязь. Царь приияд хлеб от старшего сыиа, посмотрел и отослал в людскую. Принял от среднего сыиа и туда же отослал. А как подал Иваи-царевич, царь сказал:

— Вот это хлеб, только в празднпк его есть.

И приказал царь трем свонм сыновьям, чтобы завтра явились к иему на пир вместе с жеиамн.

Опять воротился Иван-царевнч домой невесел, ниже плеч голову повесил. Лягушка по полу скачет:

— Ква, ква, Иван-царевич, что закручиинлся? Или услыхал от батюшкн слово неприветлнвое?

— Лягушка, лягушка, как мне не горевать? Батюшка наказал, чтобы я пришел с тобой иа пир, а как я тебя людям покажу?

Лягушка отвечает:

— Не тужи, Иван-царевич, нди иа пир одии, а я

вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Иван-царевич и пошел один. Вот старшие братья приехали с женами, разодетыми, разубранными, нарумяненными, насурьмленными. Стоят да над Иваном-царевичем смеются:

— Что же ты без жены пришел? Хоть бы в платочке ее принес. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные — пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрясся. Гости напугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золоченая карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье — частые звезды, на голове — месяц ясный, такая красавица — ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Берет она Ивана-царевича за руку и ведет за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки за правый рукав бросила.

Жены бо́льших-то царевичей увидали ее хитрости и давай то же делать.

Попили, поели, настал черед плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала, вертелась, вертелась — всем на диво. Махнула левым рукавом — вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом — поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом — только гостей забрызгали; махнули другим — только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашел там лягушачью кожу и бросил ее в печь, сжег на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась — нет лягушачьей кожи. Села она на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:

— Ах, Иван-царевич, что же ты наделал? Если бы ты еще только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно. Иван-царевич поплакал, поплакал, поклонился на четыре стороны и пошел куда глаза глядят — искать жену, Василису Премудрую. Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истер, шапчонку дождик иссек. Попадается ему навстречу старый старичок.

— Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про свое несчастье. Старый старичок говорит ему:

— Эх, Иван-царевич, зачем ты лягушачью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе ее было снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на нее и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старого старичка и пошел за клубочком. Клубок катится, он за ним идет. В чистом поле попадается ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошел дальше. Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Он пожалел селезня и пошел дальше. Бежит косой заяц. Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

— Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь!

Пожалел он зайца, пошел дальше. Подходит к синему морю и видит — на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

— Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в море, пошел дальше берегом. Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу. Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

— Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич вошел в нее и видит — на печи, на девятом кирпиче, лежит бага-яга, костяная нога, зубы — на полке, а нос в потолок врос.

— Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? — говорит ему баба-яга.— Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Иван-царевич ей отвечает:

— Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде накормила, напоила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга в бане его выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

— Знаю, знаю,— говорит ему баба-яга,— твоя жена теперь у Кощея Бессмертного. Трудно ее будет достать, нелегко с Кощеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кощей Бессмертный как свой глаз бережет.

Иван-царевич у бабы-яги переночевал, и наутро она ему указала, где растет высокий дуб. Долго ли, коротко ли, дошел туда Иван-царевич, видит — стоит, шумит высокий дуб, на нем каменный сундук, а достать его трудно.

Вдруг откуда ни взялся, прибежал медведь и выворотил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскочил заяц — и наутек во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на нее селезень кинулся; как ударит ее — утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море...

Тут Иван-царевич залился горькими слезами — где же в море яйцо найти! Вдруг подплывает к берегу щука

и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у нее коиец ломать. Он ломает, а Кощей Бессмертиый бьется, мечется. Сколько ии бился, ии метался Кощей, сломал Иваи-царевич у иглы коиец, пришлось Кощею умереть.

Иваи-царевич пошел в Кощеевы палаты белокамеииые. Выбежала к иему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахариые уста. Иваи-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.

СКАЗКА ОБ ИВАНЕ-БОГАТЫРЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик да старуха. Детей у них не было. Сколько старик со старухой ни тужили, ни горевали, сколько разных знахарей ни звали — детей все нет и нет.

И вот приснился старухе сон: будто есть в глухом лесу тихое озеро, и водится в том озере рыба-золотое перо. Коли золотую рыбку съесть — сын народится.

Старуха пробудилась и посылает старика, торопит:

— Поди вот в такое-то место. Есть там озеро. Излови золотоперую рыбку. Страсть как охота свежей ухи похлебать.

Старик снарядился, взял сети и отправился в путь-дорогу. Ходил, ходил по дремучим лесам, разыскал озеро.

Первый раз сеть закинул, пришла сеть пустая. Другой раз закинул и опять ничего. На третий раз вытащил сеть, а в ней бьется рыба-золотое перо.

Старик сети собрал, прихватил добычу и воротился домой.

— На, старуха, вари!

Сварили. Едят да похваливают:

— Ох, и до чего уха хороша! Отродясь такой сладкой ухи не хлебали.

Уху выхлебали, рыбу съели, и в тот же день старуха понесла.

Родился у них сын, по имени Иван.

Старик с утра до вечера в поле работает, а старуха по хозяйству управляется да сына качает.

И растет парень не по дням, а по часам: будто тесто на опаре подымается.

По третьему году стал на улицу выбегать, стал в ребячьи игры поигрывать. И тут соседи с жалобой пришли:

— Уймите сыиа. Шутит ои с иашими ребятами шутки иехорошие: кого за руку схватит — у того рука прочь, кого за иогу схватит — иога прочь. Побьет, покалечит всех детей.

Пригорюиились старик со старухой, призадумались: «Что с парием делать?»

И говорит старик:

— Стаиу его с собой в поле водить, пусть там играет.

На том и согласились.

На другой деиь поехал старик иа пашню и сыиа с собой повез. Только старик за соху взялся, просит пареиь:

— Дай, я пахать стаиу!

— Ну, где тебе, сыиок, ты еще мал. Вырастешь, тогда иапашешься, а сейчас, ребячьим делом, побегай, поиграй, только далеко не отходи.

А сыи иеотступио просит:

— Нет, хочу пахать!

— Ну, ладно, попробуй,— говорит отец.

Пареиь так глубоко соху в землю вогиал, конь стал: тяиуть не может.

— Ты, сынок, глубоко берешь! Коиь ие тяиет, и соху поломаешь.

Тут Иван соху приподиял, стал коню пособлять, и спо́ро дело пошло. Столько до обеда иапахал — старику в день не управиться.

— Стой, сыиок, надо коия покормить! Видишь, весь в пеие, словио в мыле стал.

Коия отпрягли, пустили иа луг, а сами сели обедать.

Попили, поели, посылает отец:

— Сходи, сынок, за коием, пора за дело приииматься.

Пошел пареиь иа луг — иету коия. Оглянулся и видит: сидит за кустом волк — медиый лоб, облизывается, а от коня только кожа да кости остались. Увидал волк Иваиа, кинулся иа него:

— Коня съел и тебя съем!

— Погоди хвалиться раиьше времеии!

Схватил волка за ноги, размахнулся и так сильно бросил оземь, что только мокрое пятно осталось. Земля задрожала и гул пошел, будто гром грянул.

Воротился к отцу и говорит:

— Волк — медный лоб нашего коня съел.

— Экое горе! Хорошо, что хоть ты ему, сынок, на глаза не попал. Пойдем скорее домой, а то как бы и нас с тобой не съел.

Прошло с того много ли, мало ли времени, вырос Иван до полного возраста и стал таким молодцем пригожим: ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору потерялись у царя три дочери: похитил их Сам с ноготок, борода с локоток, Кощеев племянник. Сколько ни искали, никак найти не могли. Ездили и князья и бояре, да никто назад не воротился. Кликнул царь клич по всем волостям, по всем деревням.

— Коль найдется удалец и дочерей сыщет, тому при жизни полцарства отпишу, на любой из трех царевен женю!

Стал Иван проситься у отца с матерью:

— Благословите меня идти царских дочерей искать.

Родители отговаривают:

— Что тебе, сынок, за нужда неведомо куда идти да, может, там и свою буйную голову сложить? Лучше бы невесту приглядел да женился, чем шататься по чужой стороне.

А сын на своем стоит:

— Пришла пора мне на белый свет поглядеть. Чужая-дальняя сторона не убавит ума.

И стал в путь-дорогу собираться. Перво-наперво пошел в кузницу и говорит кузнецам:

— Скуйте мне палицу в триста пудов, да такую, чтобы не ломалась, не гнулась, не плющилась.

— Сковать-то мы не прочь,— отвечают кузнецы,— сковать можно, да только нам не совладать с таким поковом.

— Берите железо да сваривайте, а я пособлю!

Принялись за работу. День куют и другой куют, Иван железо поворачивает да в горно носит. На третий день палицу изготовили.

— Испытай, годится ли тебе?

Взял Иван палицу за концы да попробовал через колено — в дугу согнул.

— Нет, это не палица. Куйте другую!

Через три дня сковали другую палицу, крепко закалили. Попробовал гнуть — не гнется, бросил о камень — сломалась.

— И эта не годится!

Сковали и третью палицу. Попробовал согнуть — не гнется, бросил о камень — не плющится. Кинул палицу кверху, скрылась она из глаз, а через три часа с шумом, с гулом обратно летит. Упала на камень, и камень на сажень в землю ушел, а палица не погнулась, не треснула.

— Ну, спасибо, теперь по мне палицу сковали.

На другое утро встал добрый молодец ранёнько, умылся белёнько, в тонко-льняное полотенце утерся и стал с родителями прощаться:

— Не горюйте, не печалуйтесь, царевен найду, тогда свидимся.

Сунул за пазуху три пирожка, взял в руки палицу. Отец с матерью вышли провожать сына за околицу. Тут и распрощались. Дошел Иван до поворота и там последний раз шапочку снял, родителям поклонился. Они ему белым платком помахали и воротились домой.

А Иван шел день до вечера, красного солнышка до заката, никто ему не повстречался: ни зверь не прорыснул, ни птица не пролетела.

На другой день увидал человека. В каждой руке у молодца по матерому дубу. Стоит да дуб о дуб поколачивает.

— Здравствуй, богатырь Дубыня!

— Ну, какой я богатырь? Вот есть на свете богатырь Иван. Когда ему было три года, он волка — медного лба убил. Вся земля задрожала. Вот тот богатырь! Да уж не ты ли и есть Иван-богатырь?

— Зовут меня Иваном. Волка — медного лба я убил, а силой еще по-настоящему ни с кем не мерялся.

Стал Дубыня проситься:

— Возьми меня с собой!

— Пойдем.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли шли Иван-богатырь с Дубыней, пришли к двум большим горам.

Стоит между теми горами человек и гору о гору поколачивает, только гул идет.

— Здравствуй, богатырь Горыня!

— Разве я богатырь? Вот, слышно, есть на Руси богатырь Иван. Он в ребячьи годы волка — медного лба голыми руками убил — вся земля дрожала и гор много осыпалось. Вот тот богатырь!

Дубыня на Ивана показывает и говорит:

— Вот кто волка — медного лба убил!

Тут Горыня поклонился и просится:

— Возьми, Иван-богатырь, меня с собой!

— Пойдем.

Стало их трое. Шли с утра день до вечера, красного солнышка до заката, никто им навстречу не попал: ни зверь, ни птица.

На другой день подошли к широкой реке. Лежит на берегу человек, на усах через реку людей переправляет.

— Здравствуй, богатырь Усыня!

— Здравствуйте, молодцы удáлые. Вот назвали вы меня богатырем, а того не знаете, что есть на Руси Иван-богатырь. Он ребячьим делом волка — медного лба убил. Вся земля тогда дрожала, река из берегов выходила, сколько места затопила. Вот тот богатырь!

Дубыня с Горыней на Ивана показывают:

— Вот он и есть Иван-богатырь.

Тут им Усыня поклонился и просится:

— Возьмите, брáтцы, меня с собой!

— Пойдем.

И стали четверо путь-дорогу продолжать.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, а добрые молодцы вперед подвигаются.

Шли, шли и увидели избу. Во дворе большое стадо быков, а в избе никого нет. Иван-богатырь говорит:

— Ну, коли хозяина нет, поживем в этой избе, покуда все кругом не обыщем. Сперва обойдем восточную сторону, потом летнюю да западную, а под конец и в северную сторону отправимся. Где-нибудь нападем на след похитника царских дочерей.

На том и согласились.

— Ты, Дубыня, останься, обед вари, а мы восточную сторону обойдем,— говорит Иван-богатырь.

Остался Дубыня, зарезал пять быков, сварил. Сидит, в окно поглядывает:

— Что это как долго названых братьев нет: обед простынет.

И вдруг, откуда ни возьмись, бежит Сам с ноготок, борода с локоток, сорок возов сена тянет. Сено притащил, воды из колодца достал. Накормил быков, напоил, стал считать. Считал, считал — пяти голов не хватает.

— Кто тут не кормит, не поит быков, а добром пользуется?

Оглянулся, увидал Дубыню. Схватил его и давай бить.

Бил, бил, приподнял избу с одного угла и сунул туда Дубыню.

— Пусть этот угол не гниет!

И убежал.

Вертелся, вертелся Дубыня и кое-как выбрался. Пришел в избу, влез на печь и лежит.

Названые братья воротились:

— Обед готов?

— Готов.

— А ты чего там лежишь? Вставай обедать!

— Не хочу: я сильно угорел, братцы.

Пообедали. Маловато показалось.

На другой день оставили Горыню обед варить.

И ушли.

Зарезал Горыня семь быков, сварил и стал названых братьев дожидаться. Сидит, в окно поглядывает:

— Чего долго нейдут?

Вдруг бежит Сам с ноготок, борода с локоток, сорок возов сена тянет. Прибежал, быков накормил, напоил, стал считать. Считал, считал — семи голов не хватает.

— Какой тут вор поселился? Не поит, не кормит, а добром пользуется!

Увидал Горыню, схватил и давай бить. Бил, бил, мял, мял, избу с одного угла приподнял и сунул туда Горыню.

— Лежи там!

И убежал.

Горыня вертелся, вертелся, кое-как выбрался из-под избы.

Дубыня, Усыня да Иван-богатырь пришли, а Горыня все на печи лежит, стонет.

— Чего, Горыня, лежишь? Вставай обедать!

— Обедайте, а я не хочу: голова болит, угорел.

— Что тут за угар такой? — говорит Иван-богатырь.
Горыня молчит и Дубыня молчит.

На третий день оставили Усыню обед варить. Остался Усыня один, зарезал девять быков. Обед сварил, попробовал: щи жирные и мясо уварилось. Сел под окошко, на улицу поглядывает.

Откуда ни возьмись, прибежал Сам с ноготок, борода с локоток, сорок возов сена приволок. Быков накормил, напоил, стал считать. Считал, считал, заругался:

— Да что тут творится? Сегодня девяти голов не хватает!

Схватил Усыню за усы, выволок из избы и давай бить. Бил, бил, таскал, таскал, приподнял избу с одного угла и сунул Усыню под угол.

— Будешь меня помнить!

И сам убежал.

Выбрался кое-как Усыня из-под избы, забрался на печь и лежит, поойкивает.

Воротилась дружина.

— Обед готов?

— Готов давно.

— Слезай обедать. Чего там лежишь?

— Нет, братцы, не могу: голова болит, угорел.

Наутро Иван-богатырь говорит:

— Обойдите сегодня северную сторону, коли там на след не попадем, пойдем прочь, не стоит больше в этом месте царевен искать. А обед сегодня я сварю. Мой черед угореть.

Названые братья ушли, а Иван-богатырь зарезал двенадцать быков, сварил. Сидит на лавке, в окошко поглядывает да песни поет.

Вдруг прибежал Сам с ноготок, борода с локоток, сорок возов сена приволок. Быков накормил, напоил, стал считать. Не хватает двенадцати голов. Услышал песню, оглянулся и кинулся на Ивана-богатыря.

— Вот тебя-то мне и надо, сейчас с тобой рассчитаюсь!

Бились они, бились, Иван-богатырь его смял, сломал и всю бороду оборвал да под лавку и кинул старика.

— Лежи там!

В эту пору названые братья пришли.

— Заждался вас с обедом! Нашли ли чего, след какой?

— Нет, ие иапали и сегодия иа след.

Сидят все четверо, обедают. Взгляиул Дубыия под лавку и говорит:

— Глядите-ко, угар-то иаш под лавкой лежит.

— Какой такой угар под лавкой? — спрашивает Иваи-богатырь.

— Да вот Сам с иоготок, борода с локоток. То и есть наш угар.

Иваи-богатырь усмехиулся:

— Чего вы мие раиьше ие сказали?

— Хотелось узиать, кто из иас всех сильиее. И вот теперь видим: ты, Иваи-богатырь, самый сильиый из нас.

А Сам с иоготок, борода с локоток в ту пору поотлежался, вскочил, встряхиулся и убежал.

Все четверо добрых молодцев кииулись вслед за ним. Сам с иоготок, борода с локоток добежал до глубокой пропасти и скрылся под землей.

Иваи-богатырь говорит:

— Ходили мы, ходили, сколько кругом места обошли, а этой пропасти ие видали. Надо туда спуститься, узиать: ие у этого ли колдуиа царевиы томятся?

Взяли воловьи кожи, иарезали ремией. Ремии связали.

— Ну, кто пойдет?

Все молчат. Иваи-богатырь говорит:

— Спускайте меия и ждите тут безотлучио. Как дериу за ремеиь, так и тяиите.

Взял Иваи-богатырь палицу и стал спускаться. Спустился, ремеиь отвязал и пошел по дорожке. Шел, шел, и вдруг стал свет брезжить. Скоро вышел иа свет и увидал Медиое царство. Большой медиый дворец стоит, а у ворот змеи прикованы иа медиых цепях. Змеи шипят, вход во дворец стерегут. Подле дворца колодец, а у колодца медиый ковшик иа медиой цепочке висит. Иваи-богатырь воды из колодца почерпиул, сам напился, и змеев иапоил. Присмирели змеи, притихли. Зашел в медиый дворец, а там иа медиой лавке девушка-красавица сидит, шьет. Как стежок стегиет, так солдат выскочит, как другой стежок стегиет — другой солдат выскочит.

— Здравствуй, девица-красавица! Что ты шьешь-пошиваешь, иа кого рать-силу сгоияешь?

— Здравствуй, добрый молодец. Я силу сгоняю на Ивана-богатыря.

— Кто эту силу поведет?

— Поведет рать-силу Сам с ноготок, борода с локоток.

— А кем тебе он, красавица, приходится?

— Мы три сестры: я, Анна-царевна, средняя сестра — Марфа-царевна, а меньшая — Татьяна-царевна — все мы дочери царя из такого-то царства. Похитил нас Сам с ноготок, борода с локоток и держит в неволе три года. А сам он родной племянник Кощея Бессмертного.

Тут Иван-богатырь говорит:

— Вас-то трех царевен, трех сестер я и ищу. Броська ты, красавица, шить-пошивать, рать-силу сгонять. Как я обратно пойду, тебя с собой возьму да на белый свет подыму, к отцу с матерью увезу.

Обрадовалась царевна, кинула шитье в печку. А тут и все солдаты исчезли, словно их и не было.

Царевна Ивана-богатыря накормила, напоила. Поотдохнул он в Медном царстве и пошел дальше.

Шел, близко ли, далеко ли, увидал Серебряное царство. Стоит дворец весь серебряный и все кругом из чистого серебра. У ворот большие змеи-сторожа на серебряных цепях прикованы, шипят, пасти разевают... Подле дворца колодец. У колодца серебряный ковшик на серебряной цепочке висит.

Иван-богатырь воды из колодца почерпнул, сам напился и змеев напоил. Улеглись змеи, присмирели.

Зашел в серебряный дворец, а там на серебряной лавке сидит девушка краше первой. Сидит средняя сестра Марфа-царевна, шьет: как стежок стегнет, так два солдата и выскочат.

— Что, красная девица, шьешь-пошиваешь? На кого рать-силу сгоняешь?

— Велено мне силу-рать сгонять на Ивана-богатыря.

— Кто поведет ту силу?

— Поведет силу Сам с ноготок, борода с локоток.

— А где он сейчас находится?

— Сам он в третьем царстве.

— Брось, прекрасная царевна, шить-пошивать, рать-силу сгонять на меня. Я обратно пойду, тебя с собой возьму, на белый свет подыму и к отцу с матерью увезу.

Царевна рада-радехонька. Кинула шитье в печку, и солдаты исчезли все вдруг.

Отдохнул в Серебряном царстве Иван-богатырь, попил, поел и отправился в путь-дорогу.

Идет, идет, а свет все ярче и ярче становится. И потом все кругом так засияло — глазам больно. Скоро раскинулось перед ним Золотое царство. Дворец стоит из чистого золота, как жар горит. Окна в том дворце хрустальные, наличники алмазами изукрашены. У крыльца змеи с золотой чешуей, на золотых цепях прикованы, шипят, пасти разевают, дворец стерегут. На дворе колодец, у колодца золотой ковшик на золотой цепочке висит.

Иван-богатырь почерпнул воды из золотого колодца, сам попил и змеев напоил. Притихли змеи, спать улеглись.

Добрый молодец на золотое крылечко ступил, золотую дверь отворил. Во дворце на золотой лавке сидит третья сестра — Татьяна-царевна, столь прекрасная, что ни в сказке рассказать, ни пером описать. Сидит, шьет: как стежок стегнет, так три солдата выскочат, как другой стежок стегнет, так опять три солдата выскочат.

— Здравствуй, Татьяна-царевна,— поздоровался Иван-богатырь,— что ты шьешь-пошиваешь, на кого рать-силу сгоняешь?

— Здравствуй, добрый молодец! Велено сгонять рать-силу на Ивана-богатыря. Шить — силу сгонять охоты нет и не шить нельзя: убьет Кощеев племянник, Сам с ноготок, борода с локоток.

— Послушайся меня, прекрасная царевна, брось шитье в печку, я тебя на белый свет подыму да к отцу с матерью увезу.

— Ох ты, молодец удалый, много сюда охотников хаживало от нашего батюшки, да никто назад не воротился: всех погубил Сам с ноготок, борода с локоток. Он-то силен, да есть еще у него помощник — трехглавый змей. Никто с ним справиться не может. Вот, слышно, народился на Руси Иван-богатырь. Сам с ноготок, борода с локоток да трехглавый змей одного только этого богатыря и побаиваются. Велели нам сгонять силу несметную. Собираются на Ивана-богатыря войной идти.

— Опоздали они на меня войной идти. Сам я сюда пришел с Кощеевым племянником силами померяться да вас трех сестер из неволи выручить.

Обрадовалась Татьяна-царевна.

— Вот ты какой есть, Иван-богатырь!

Кинула шитье в печку, и солдат как не бывало. Царевна принялась хлопотать. Скатертью стол накрыла, разных кушаньев да вин нанесла, стала гостя потчевать:

— Кушай, добрый молодец!

Напоила, накормила Ивана-богатыря и говорит:

— Трудно тебе с Кощеевым племянником да со змеем управиться. Ведь у них в саду под золотой яблоней два кувшина стоят: направо кувшин с живой водой, налево с мертвой. Перед боем пьют они живую воду и после того никакая сила их не берет, никакой меч не сечет.

— Спасибо, прекрасная царевна, за ласку да за угощенье. Скажи, где мне найти Кощеева племянника, Самого с ноготок, борода с локоток.

— Лежит он в бане, весь избитый, израненный, парится да поправляется, ждет, покуда войско мы сгоним.

Крепко полюбилась Ивану-богатырю Татьяна-царевна. Она и ростом вышла и дородством взяла. Золотая коса ниже пояса, брови черного соболя, глаза с поволокой, а идет, будто лебедь белая плывет.

И царевна взглянула на Ивана-богатыря, зарумянилась-зарделась, будто маковый цвет.

— Пойдешь ты биться,— говорит царевна,— ратиться, береги себя. Не бей Кощеева племянника другожды, а то он опять оживет.

От этих речей встрепенулось сердце у доброго молодца, и стало ему легко, хорошо.

Поднялся с места, взял в руки палицу и простился с красной девицей.

Вышел на крыльцо, спустился в заповедный сад. Отыскал золотую яблоню и переставил кувшины с живой и мертвой водой. Направо, где стояла живая вода, поставил кувшин с мертвой водой, а налево перенес живую воду. Потом пошел в баню. Размахнул двери на́пяту, а там на полке́ лежит Сам с ноготок, борода с локоток, парится, кричит:

— Дай жару! Дай жару!

Только Иван-богатырь через порог ступил, как он веник кинул и закричал:

— Что это русским духом пахнет?

Оглянулся и увидел Ивана-богатыря:

— А, Иван-богатырь сюда пришел смерти искать. От меня живым не уйдешь!

И в ту же минуту так свистнул, что семь потолочин вылетело, а прислужники повалились замертво. Соскочил с полка́, выбежал на улицу. В ту пору все кругом зашумело, свет померк: прилетел трехглавый змей, в лапах кувшин держит.

— Где он, Иван русский богатырь?

Взглянул и засмеялся:

— Ой, да какой же он маленький! Я его на лапу кладу, а другой прихлопну, и останется грязь да вода.

— Не хвались раньше времени, поганое чудовище,— отвечал Иван-богатырь.— Не по тебе ли станут панихиду петь?

А Сам с ноготок, борода с локоток торопит змея:

— Пей из кувшина да бей Ивана-богатыря, нечего тут разговоры разговаривать!

Выпил змей из кувшина воды глоток и сразу ослабел, худо на ногах держится.

Размахнулся Иван-богатырь вползамаху и убил змея.

Сам с ноготок, борода с локоток ногой топнул:

— Ох, вместо живой воды выпил змей мертвую воду!

И свистнул другой раз так сильно, что листья с деревьев осыпались, трава к земле приклонилась. Помешкал и закричал:

— Ах, девки подлянки, обманули: нету войска! Ну, ладно, и один с тобой справлюсь.

Кинулся на Ивана-богатыря и так крепко его ударил, что поколен в землю вогнал. А Иван-богатырь так ударил Самого с ноготок, борода с локоток, что тот повалился, будто овсяный сноп.

Прислужники Кощеева племянника закричали:

— Бей его еще раз!

Ивану-богатырю ведомо: коли другой раз ударить — оживет Сам с ноготок, борода с локоток. Отвечает он:

— Много чести вашему хозяину, чтобы русский богатырь его дважды бил. Довольно и одного раза.

Тут прислужники сами кинулись на доброго молодца. Иван-богатырь раскидал, разбросал их в разные стороны. Те, кто успел убежать, попрятались, а остальных всех порешил. И пошел в золотой дворец.

Татьяна-царевна в окошечко глядела. Увидала добра молодца издали. На крылечко выбежала, встретила Ивана-богатыря радостная.

— Храброму да удалому слава!

Сняла с пальца именной перстень, надела Ивану-богатырю, поклонилась.

— Как воротимся домой да буде люба тебе, добрый молодец, сватайся у батюшки, а мне ты сразу по сердцу пришел. Буду тебе верной женой.

Иван-богатырь радехонек. Татьяну-царевну за белые руки брал, своей невестой называл.

Стали они в обратный путь собираться. Вышли из золотого дворца. Подала ему царевна золотое яичко:

— Перебрось с руки на руку, увидишь, что будет.

Добрый молодец перекинул золотое яичко с руки на руку, не стало золотого дворца.

— Когда тебе понадобится,— говорит Татьяна-царевна,— где захочешь, там и поставишь золотой дворец, только перебрось яичко с руки на руку. А теперь пойдем к средней сестре.

Пришли в серебряный дворец.

— Собирайся, Марфа-царевна!

Средняя сестра обрадовалась, накормила, напоила меньшую сестру да Ивана-богатыря.

И только спустились с крыльца, перекинула серебряное яичко с руки на руку — не стало серебряного дворца. Подала яичко Ивану-богатырю.

— Где хочешь, там и ставь серебряный дворец.

И пошли к старшей сестре. Анна-царевна также перекинула с руки на руку медное яичко — и не стало медного дворца. Подала яичко Ивану-богатырю.

Повел царевен Иван-богатырь туда, где ремень висел.

Привязал к ремню дощечку:

— Садись, Анна-царевна.

Дернул за ремень, тащите, мол.

Вытащили названые братья царевну и не налюбуются:

— Ах, и до чего хороша девица!

Другой раз ремень опустили, вытащили среднюю сестру, краше первой. Опустили ремень в третий раз.

— Садись, Татьяна-царевна,— говорит Иван-богатырь.

— Нет, лучше ты садись. Пусть сперва тебя подымут, а то как бы там чего худого не замыслили против тебя.

Иван-богатырь не послушался.

— Не оставлю тебя здесь одну, а худого про мою дружину ты не думай. Вслед за тобой и меня подымут.

Подергал за ремень.

Дубыня, Горыня и Усыня вытащили Татьяну-царевну да так и обмерли:

— Этакой красоты век не видано!

Сразу все позабыли. Усыня кричит:

— Третью девицу я за себя возьму!

Горыня Марфу-царевну за руки ухватил:

— Эта девица моей женой будет!

— А я, братцы, на первой сестре женюсь! — Дубыня кричит.

— Погодите, добрые молодцы,— говорит Татьяна-царевна.— Забыли вы про Ивана-богатыря. Он трехглавого змея да Самого с ноготок, борода с локоток убил. Он нас из неволи выручил. Надо его сперва достать, а потом и поговорим.

Горыня с Усыней приумолкли. Опустили ремень в пропасть. А Дубыня закричал:

— Не слушайте! Бабьего ли ума это дело? Вытянем Иван-богатыря, кто-нибудь из нас невесты лишится.

Подскочил и перерезал ремень.

— Эх,— говорит Иван-богатырь,— не послушался я Татьяны-царевны: правду она говорила. Ну, да того не воротишь. Надо думать-гадать, как на белый свет попадать.

Пришел он в заповедный сад Самого с ноготок, борода с локоток, перекинул с руки на руку золотое яичко, и стал золотой дворец, как прежде стоял. Добрый молодец напился, наелся и лег спать:

— Утро вечера мудренее. Завтра делами займусь.

На другой день вышел в сад к золотой яблоне, взял кувшин с живой водой.

— Это мне пригодится.

А в ту пору зашумело все кругом, загремело. И как черная туча накатилась, прилетела на ковре-самолете Кощеева сестра, мать Самого с ноготок, борода с локоток, страшная: зубы железные, глаза оловянные, нос крючком, рот до ушей растянут, волосы распущены.

Пала она наземь, катается, плачет:

— Ох, да закатился млад-ясен месяц, не стало моего чадушки, сынка любимого.

Плакала, плакала, из сил выбилась и уснула.

Иван-богатырь перекинул с руки на руки золотое яичко, свернулся золотой дворец.

— Как обратно полетит Кощеева сестра, заставлю поднять меня на белый свет.

Ухватил Иван-богатырь Кощееву сестру за косы и втащил на ковер-самолет, а сам рядом сел.

— Поднимай на белый свет, а то смерти предам!

Кощеева сестра пробудилась, зубами заскрипела, позмеиному зашипела и взвилась вверх. Носилась, носилась по подземному царству, не могла сбросить с ковра-самолета доброго молодца. Вылетела из подземелья на белый свет и поднялась выше облаков.

— Сейчас в море упаду и тебя утоплю!

Иван-богатырь косы на руку намотал, а в другой руке палицу держит:

— Меня утопишь и сама утонешь: не выпущу тебя.

Билась, билась Кощеева сестра, никак не может спихнуть Ивана-богатыря с ковра-самолета. Поднялась еще выше: земля под ними с копейку. Камнем вниз полетела.

— Падем в лесную чащу, столько ты и жив бывал!

— Я разобьюсь, и тебе смерти не миновать,— отвечал Иван-богатырь.

На аршин до лесных верхушек не долетели, взмыл ковер-самолет кверху.

Накинулась Кощеева сестра на Ивана-богатыря.

Когтями рвет и зубами рвет, изо всех сил старается скинуть прочь с ковра-самолета. Бились, бились, не поддался добрый молодец. Сама выбилась из сил, спустилась на зеленый лужок. Только Иван-богатырь на траву вскочил, как обернулась она малой букашкой, и не стало ни Кащеевой сестры, ни ковра-самолета, будто сквозь землю провалились.

— Ну, ладно, выбрался теперь на белый свет.

Помазал царапины да ссадины живой водой, и сразу полегчало.

Поотдохнул, собрался с силами Иван-богатырь и стал из лесу выбираться.

Шел лесами дремучими, полями широкими, через реки, озера переправлялся и пришел в свое царство. Смотрит, что такое? Все царство окаменело. И пахари на полях с конями, и косцы на лугах с косами, и пастухи со стадами, и лесорубы с топорами, и рыбаки на реках с неводами — все, кто как был, так в камень и обратились.

Добрался до стольного города. Зашел во дворец, и там никого живого не нашел. И царь на троне, и царица в тереме, и сенные девушки, и стража — все недвижимы, все каменные. По дворцу походил, ни царевен, ни Дубыни с Горыней да с Усыней не нашел и нигде ни одной живой души не встретил.

Вышел из дворца и отправился добрый молодец куда глаза глядят. Шел, шел, смотрит: лежит побитое войско. Крикнул он:

— Есть ли кто живой? Отзовись!

Никто не откликается. Пошел кругом побоища, увидел Дубыню-богатыря, пополам перерубленного.

— Вот где Дубыня смерть нашел!

И вскоре встретилось другое побоище, больше первого. Иван-богатырь вскричал громким голосом:

— Откликнись хоть одна живая душа!

Постоял, постоял — никто ответа не подает. Оглянулся кругом и увидал: лежит под ракитовым кустом убитый Горыня-богатырь.

С версту прошел, увидал третью рать-силу, побитую больше первых двух. Остановился и крикнул:

— Коли есть кто жив человек, отзовись, скажи, кто побил ваше войско?

Тут приподнялся один воин и вымолвил:

— Один только я остался в живых.

И опять повалился на траву, закрыл глаза.

Иван-богатырь помазал ему раны живой водой, встал дружинник на ноги.

— Ах, как мне полегчало. Спасибо, добрый молодец!

Просит Иван-богатырь:

— Расскажи, отчего наше царство окаменело? Кто побил все три войска, и где Татьяна-царевна, Анна-ца-

ревна да Марфа-царевна? Я все царские покои обошел, не нашел царевен.

— Три года уже тому миновало,— говорит дружинник,— как похитили у нашего царя трех дочерей. Сколько по всему свету ни искали, найти не могли. А не так давно приехали три чужеземных богатыря: Дубыня, Горыня да Усыня, привезли царевен домой. Отбили богатыри царевен у подземного царя, родного племянника Кощея Бессмертного. Царь с царицей на радостях столы поставили, и пошло во дворце веселье, пиры да угощенье. Слышно было, хотел царь за тех богатырей отдать дочерей в замужество, а царевны супротивились, плакали, не хотели замуж идти. В ту пору и напал на наше царство Кощей Бессмертный с несметными полчищами. Послал царь ему навстречу наши три рати, а воеводами поставил трех богатырей: Дубыню, Горыню да Усыню. Все три наших войска Кощей повоевал: погубил да огнем спалил. Царство и весь народ в камень обратил, а царевен в полон взял и увез в свое Кощеево царство. И вот ты, добрый человек, меня вылечил, а идти мне некуда.

Иван-богатырь говорит:

— Пойдем с Кощеем Бессмертным воевать.

— Покуда Кощеевой смерти не сыщем, нам с Кощеем не справиться.

— Да хоть весь белый свет обойдем, а Кощееву смерть найдем,— отвечал Иван-богатырь.

На том они с дружинником согласились и отправились в путь-дорогу.

Много земель прошли, во многих царствах побывали, везде про Кощееву смерть выспрашивали, а никто сказать не может, где она есть.

Пристигла в пути добрых молодцев темная ночь. Попросились они у бабушки-задворенки переночевать. Она их пустила. Напоила, накормила, стала спрашивать:

— Чьи молодцы, из какой земли? Своей ли волей идете, или неволя-нужда гонит?

Отвечает Иван-богатырь:

— Мы вот из такой-то земли. Идем по своей воле Кощееву смерть добывать. Напал Кощей Бессмертный на наше царство с несметной силой. Войско наше порубил, пожег, а народ и все царство в камень обратил.

Надо нам Кощея Бессмертного победить, царство свое от злых чар освободить да трех царских дочерей из неволи выручить.

— Ох, вы, детушки, знаю я, где Кощеева смерть, да достать ее трудно.

— Мы трудов не боимся и жизни своей не пожалеем, а свое царство оживим,— отвечают добрые молодцы.— Скажи только, где искать Кощееву смерть?

— Есть за тридевять земель, в тридесятом царстве каменная гора выше облаков. В середине горы железный ларец замурован, а в том ларце яйцо, в яйце Кощеева смерть. Сколь путь ни тяжелый, при нужде пройти можно, а вот каменную гору раздробить, своротить никому не удавалось.

На другой день Иван-богатырь с дружинником встали со светом вдруг. С бабушкой-задворенкой распростились и отправились в дальнюю дорогу.

Шли, шли, смотрят: сидит на придорожном камне человек, спрашивает Ивана-богатыря да дружинника:

— Куда, молодцы, путь держите?

— Идем Кощееву смерть добывать.

— А где она?

— В тридесятом царстве, за тридевять земель, в каменной горе замурована.

— Возьмите меня с собой, я вам помогу ту гору раздробить: с малых лет по горному делу работаю.

— Пойдем.

Долго ли, коротко ли шли, пришли в тридесятое царство. Увидали высокую каменную гору. Вершина той горы выше туч подымается. Принялись гору дробить. Горный мастер камень бурит да рвет, Иван-богатырь палицей бьет да крупные глыбы отваливает, дружинник мелкие камни отгребает.

Много времени камень дробили, ломали, на аршин в неделю вперед подавались. И до того изнурились, еле на ногах держатся.

Говорит дружинник:

— И в год нам до железного ларца не добраться, пойдем прочь.

— Хоть век будем гору дробить, а не отступимся. Покуда Кощея Бессмертного не победим, назад не воротимся,— отвечает Иван-богатырь.

А горный мастер поддакивает:

— Большая работа лишь по началу страшит, а уменье да труд дело вершит.

И вот на седьмой месяц проломали гору до середины и увидали железный ларец, золотом окованный. Горный мастер говорит:

— Почуял теперь Кощей Бессмертный, что гибель близко. Скоро он сюда налетит. Надо торопиться смерть из ларца доставать, а то будет беда!

Стал Иван-богатырь палицей по железному ларцу бить. Бил, бил, расплющил ларец, а разбить не может.

Вдруг все кругом загремело, загрохотало, буря поднялась.

— Поспешай, Иван-богатырь,— торопит горный мастер,— не разобьешь ларца — все наши труды даром пропадут. Отберет Кощей ларец, век его не сыскать тогда, и людям не будет облегчения, покуда он жив.

А Кощей уже огнем палит.

В ту пору изловчился Иван-богатырь, ударил изо всех сил и вдребезги разбил ларец. Выкатилось яйцо из ларца. Ударил еще раз по яйцу, и такой пошел гром, что вся гора в прах рассыпалась. Упал Кощей Бессмертный на землю бездыханный. Сожгли его, и пепел по ветру развеяли, а сами пошли в Кощеево царство.

Увидали царевны Ивана-богатыря. Кинулась к нему меньшая сестра, заплакала:

— Ты ли это, голубь сизокрылый, Иванушка?

И все три царевны в один голос заговорили:

— Зачем, добрые молодцы, сюда пришли? Скоро Кощей прилетит и погубит нас всех.

— Не печалуйтесь, красные девицы, не станет больше Кощей людей обижать: нету его в живых.

Обрадовались сестры:

— Коли нет Кощея в живых, то и наше царство ожило. Теперь все Кощеевы чары рушились.

И стали домой собираться. Три мешка насыпали каменьев самоцветных да золота. Нашли в кладовой ковер-самолет и скоро попали в свое царство. Прилетели в стольный город, опустились на главной площади возле царского дворца. Царевны побежали к отцу с матерью. А Иван-богатырь перекинул с руки на руку золотое яичко,— стал золотой дворец, потом перекинул серебряное яичко,— поставил серебряный дворец, а под конец

перекинул с руки на руку медное яичко,— стал медный дворец.

Царь с царицей дочерей увидали — плачут и смеются от радости, на три дворца не налюбуются.

Ивана-богатыря, горного мастера да дружинника хвалят, угощают, и весь народ их славит. Иван-богатырь поехал к отцу с матерью, привез их в стольный город.

И в скором времени зачали во дворце свадьбы играть. Ивана-богатыря повенчали с Татьяной-царевной, за горного мастера отдали среднюю сестру Марфу-царевну, а дружинник женился на старшей сестре Анне-царевне.

Три недели тянулись веселые пиры, столованье, а потом Иван-богатырь с молодой женой да со своими родителями поселился в золотом дворце.

Горный мастер с Марфой-царевной — в серебряном дворце, а дружинник да Анна-царевна — в медном дворце.

И стали все жить-поживать да добра наживать. А как умер старый царь, стал тем царством править Иван-богатырь, крестьянский сын.

АЛЕША ПОПОВИЧ

На небесах зародился млад-светел месяц, на земле-то у старого соборного у Леонтья-попа зародился сын — могучий богатырь; а имя нарекли ему млад Алеша Попович — имечко хорошенькое. Стали Алешу кормить-поить: у кого недельный, он денной такой; у иных годовой, Алеша недельный такой. Стал Алеша по улочке похаживати, стал с малыми ребятками поигрывати: кого возьмет за ручку — ручка прочь, кого за ножку — ножка прочь; игра-то у него некорыстно пошла! Кого за середку возьмет — живота лишит. И стал Алеша на возрасте, начал у отца-матери просить благословеньица: ехать-гулять во чисто́ поле. Отец говорит: «Алеша Попович! Поезжаешь ты во чисто́ поле; есть у нас и посильней тебя; ты возьми себе в слуги верные Марышка Паранова сына». И садились добры мо́лодцы на добрых коней; как поехали они во чисто́ поле — пыль столбом закурилася: только добрых молодцев и видели!

Приезжали добры мо́лодцы ко князю ко Владимиру; тут Алеша Попович прямью̈ идет в белокаменные палаты ко князю ко Владимиру, крест кладет по-писаному, поклоняется по-ученому на все на четыре стороны, а князю Владимиру на особицу. И встречает добрых молодцев Владимир-князь и сажает их за дубовый стол: хорошо добрых молодцев попоить-покормить и вта́пор вестей поспросить; начали добры мо́лодцы есть пряники печатные, запивать винами крепкими. Тут спросил добрых молодцев Владимир-князь: «Кто вы, добры мо́лодцы? Сильные ли богатыри удалые или путники перехожие — сумки переметные? Не знаю я вам ни имени, ни отчины». Ответ держит Алеша Попович: «Я сын старого соборного Леонтья-попа Алеша Попович млад, а в товарищах слуга

Марышко Паранов сын». Как поел да попил Алеша Попович, начал пра́виться на кирпичну печь, лег полудновать, а Марышко за столом сидит.

В те́ поры да в то времечко наезжал Змеевич-богатырь и облатынил все царство князя Владимира. Идет Тугарин Змеевич в палаты белокаменны ко князю Владимиру; он левой ногой на порог ступил, а правой ногой за дубовый стол; он пьет и ест и с княгиней обнимается, а над князем Владимиром играется и ругается; он кладет ковригу за щеку, а другую за другую кладет; на язык кладет целого лебедя, пирогом попихнул — все вдруг проглотнул.

Лежит Алеша Попович на кирпичной печи и говорит такие речи Тугарину Змеевичу: «Было у нашего батюшки у старого у Леонтья-попа — было коровище, было обжорище, ходило по пивоварням и съедало целые кадцы пивоварные с гущею; дошло коровище, дошло обжорище до озера, всю воду из озера выпило — взяло его тут и ро́зорвало, а и тебя бы Тугарина так за столом-то всего при́рвало!» Рассердился Тугарин на Алешу Поповича, бросил в его булатным ножом; Алеша Попович увертлив был, увернулся от его за дубовый столб. Говорит Алеша таково слово: «Спасибо тебе, Змеевич Тугарин-богатырь, подал ты мне булатный нож; распорю я тебе груди белые, застелю я тебе очи ясные, засмотрю я твоего ретива́ сердца».

В те́ поры выскакал Марышко Паранов сын из-за стола из-за дубового на резвы ноги и хватил Тугарина за на́вороть, выхватил из засто́лья и бросил о палату белокаменну — и посыпались оконницы стекольчатые. Как возговорит Алеша Попович с кирпичной печи: «Ой ты, Марышко, Марышко Паранов сын, ты верная слуга неизменная!» Отвечает Марышко Паранов сын: «Подай-ка ты мне, Алеша Попович, булатный нож; распорю я Тугарину Змеевичу груди белые, застелю я ему очи ясные, засмотрю его ретива́ сердца». Ответ держит Алеша с кирпичной печи: «Ох ты, Марышко Паранов сын! Не ру́ди ты палат-то белокаменных, отпусти его во чисто́ поле; некуда́ он там девается; съедемся с ним заутро во чистом поле».

Поутру раным-ранешенько подымался вместях с солнышком Марышко Паранов сын, выводил он резвых коней пить воды на быстру реку. Летает Тугарин Змеевич

по поднебесью и просит Алешу Поповича во чисто́ поле. И приезжал Марышко Паранов сын к Алеше Поповичу: «Бог тебе судья, Алеша Попович! Не дал ты мне булатного ножа; распорол бы я поганцу груди белые, застлал бы я его очи ясные, высмотрел бы я его ретива́ сердца; теперя что возьмешь у него, у Тугарина? Летает он по поднебесью». Говорит Алеша таково слово: «Не замена моя, все измена!»

Выводил Алеша своего добра коня, обседлал во черкасское седло, подтянул двенадцатью подпругами шелковыми — не ради басы, ради крепости, поехал Алеша во чисто́ поле. Едет Алеша по чисту полю и видит Тугарина Змеевича: он летает по поднебесью. И взмолился Алеша Попович: «Пресвятая мати богородица! Накажи-ка ты тучу черную; дай бог из тучи черной части дождичка крупенистого, смочило бы у Тугарина крыльица бумажные». У Алеши была мольба доходная: накатилася туча черная; из той тучи грозной дал бог дождичка частого, частого да крупенистого, и смочило у Тугарина крыльица бумажные; пал он на сыру землю и поехал по чисту полю.

Не две горы вместе скатаются, то Тугарин с Алешей съезжалися, палицами ударились — палицы по чи́вьям поломалися, копьями соткнулися — копья чи́вьями извернулися, саблями махнулися — сабли исщербилися. Тут-то Алеша Попович валился с седла, как овсяный сноп; и тут Тугарин Змеевич начал бить Алешу Поповича, а тот ли Алеша увертлив был, увернулся Алеша под конное чрево, с другой стороны вывернулся из-под чрева, и ударил Тугарина булатным ножом под правую пазуху, и спихнул Тугарина со добра коня, и начал Алеша Попович кричать Тугарину: «Спасибо тебе, Тугарин Змеевич, за булатный нож; распорю я тебе груди белые, застелю я твои очи ясные, засмотрю я твоего ретива́ сердца».

Отрубил ему Алеша буйну голову, и повез он буйну голову ко князю ко Владимиру; едет да головушкой поигрывает, высоко головушку выметывает, на востро копье головушку подхватывает. Тут Владимир ополо́хнулся: «Везет-де Тугарин буйну голову Алеши Поповича! Поплените он теперь наше царство христианское!» Ответ держит Марышко Паранов сын: «Не тужи ты, Красно Солнышко Владимир стольный, киевский! Если едет по́ земли, а не летает по поднебесью поганый Тугарин, сло-

жит он свою буйну голову на мое копье булатное; не печалуйся, князь Владимир: какова пора — я с им побра́таюся!»

Посмотрел тут Марышко Паранов сын в трубочку подзорную, опознал он Алешу Поповича: «Вижу я ухватку богатырскую, поступку молодецкую: накруто Алеша коня поворачивает, головушкой поигрывает, высоко головушку выметывает, на востро копье головушку подхватывает. Едет это не Тугарин поганый, а Алеша Попович, сын Леонтья-попа старого соборного; везет он головушку поганого Тугарина Змеевича».

ПРО ДОБРЫНЮ НИКИТИЧА И ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА

Жила-была под Киевом вдова Мамелфа Тимофеевна. Был у нее любимый сын — богатырь Добрынюшка. По всему Киеву о Добрыне слава шла: он и статен, и высок, и грамоте обучен, и в бою смел, и на пиру весел. Он и песню сложит, и на гуслях сыграет, и умное слово скажет. Да и нрав Добрыни спокойный, ласковый, никогда он грубого слова не скажет, никого зря не обидит. Недаром прозвали его «тихий Добрынюшка».

Вот раз в жаркий летний день захотелось Добрыне в речке искупаться. Пошел он к матери Мамелфе Тимофеевне:

— Отпусти меня, матушка, съездить к Пучай-реке, в студеной воде искупаться,— истомила меня жара летняя.

Разохалась Мамелфа Тимофеевна, стала Добрыню отговаривать:

— Милый сын мой Добрынюшка, ты не езди к Пучай-реке. Пучай-река свирепая, сердитая. Из первой струйки огонь сечет, из второй струйки искры сыплются, из третьей — дым столбом валит.

— Хорошо, матушка, отпусти хоть по берегу поездить, свежим воздухом подышать.

Отпустила Добрыню Мамелфа Тимофеевна.

Надел Добрыня платье дорожное, покрылся высокой шляпой греческой, взял с собой копье да лук со стрелами, саблю острую да плеточку.

Сел на доброго коня, позвал с собой молодого слугу, да в путь и отправился. Едет Добрыня час-другой, жарко палит солнце летнее, припекает Добрыне голову. Забыл Добрыня, что ему матушка наказывала, повернул коня к Пучай-реке.

От Пучай-реки прохладой несет.

Соскочил Добрыня с коня, бросил поводья молодому слуге:

— Ты постой здесь, покарауль коня.

Снял он с головы шляпу греческую, снял одежду дорожную, все оружие на коня сложил и в реку бросился.

Плывет Добрыня по Пучай-реке, удивляется:

— Что мне матушка про Пучай-реку рассказывала? Пучай-река не свирепая, Пучай-река тихая, словно лужица дождевая.

Не успел Добрыня сказать — вдруг потемнело небо, а тучи на небе нет, и дождя-то нет, а гром гремит, и грозы-то нет, а огонь блестит...

Поднял голову Добрыня и видит, что летит к нему Змей Горыныч, страшный змей о трех головах, о семи хвостах, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит, медные когти на лапах блестят.

Увидал Змей Добрыню, громом загремел:

— Эх, старые люди пророчили, что убьет меня Добрыня Никитич, а Добрыня сам в мои лапы пришел. Захочу теперь — живым сожру, захочу — в свое логово унесу, в плен возьму. Немало у меня в плену русских людей, не хватало только Добрыни.

А Добрыня говорит тихим голосом:

— Ах ты, змея проклятая, ты сначала возьми Добрынюшку, а потом и хвастайся, а пока Добрыня не в твоих руках.

Хорошо Добрыня плавать умел; он нырнул на дно, поплыл под водой, вынырнул у крутого берега, выскочил на берег да к коню своему бросился. А коня и след простыл: испугался молодой слуга рыка змеиного, вскочил на коня да и был таков. И увез все оружье Добрынино.

Нечем Добрыне со Змеем Горынычем биться.

А змей опять к Добрыне летит, сыплет искрами горючими, жжет Добрыне тело белое.

Дрогнуло сердце богатырское.

Поглядел Добрыня на берег,— нечего ему в руки взять: ни дубинки нет, ни камешка, только желтый песок на крутом берегу да валяется его шляпа греческая.

Ухватил Добрыня шляпу греческую, насыпал в нее песку желтого не много, не мало — пять пудов, да как ударит шляпой Змея Горыныча — и отшиб ему голову.

Повалил он Змея с размаху на землю, придавил ему грудь коленками, хотел отбить еще две головы...

Как взмолился тут Змей Горыныч:

— Ох, Добрынюшка, ох, богатырь, не убивай меня, пусти по свету летать, буду я всегда тебя слушаться. Дам тебе я великий обет: не летать мне к вам на широкую Русь, не брать в плен русских людей. Только ты меня помилуй, Добрынюшка, и не трогай моих змеенышей.

Поддался Добрыня на лукавую речь, поверил Змею Горынычу, отпустил его, проклятого.

Только поднялся Змей под облака, сразу повернул к Киеву, полетел к саду князя Владимира. А в ту пору в саду гуляла молодая Забава Путятишна, князя Владимира племянница.

Увидал Змей княжну, обрадовался, кинулся на нее из-под облака, ухватил в свои медные когти и унес на горы Сорочинские.

В это время Добрыня слугу нашел, стал надевать платье дорожное,— вдруг потемнело небо, гром загремел. Поднял голову Добрыня и видит: летит Змей Горыныч из Киева, несет в когтях Забаву Путятишну!

Тут Добрыня запечалился — запечалился, закручинился, домой приехал нерадостен, на лавку сел, слова не сказал.

Стала его мать расспрашивать:

— Ты чего, Добрынюшка, невесел сидишь? Ты об чем, мой свет, печалишься?

— Ни об чем не кручинюсь, ни об чем я не печалюсь, а дома мне сидеть невесело. Поеду я в Киев к князю Владимиру, у него сегодня веселый пир.

— Не езжай, Добрынюшка, к князю, недоброе чует мое сердце. Мы и дома пир заведем.

Не послушался Добрыня матушки и поехал в Киев к князю Владимиру.

Приехал Добрыня в Киев, прошел в княжескую горницу. На пиру столы от кушаний ломятся, стоят бочки меда сладкого, а гости не едят, не пьют, опустив головы сидят.

Ходит князь по горнице, гостей не потчует. Княгиня фатой закрылась, на гостей не глядит.

Вот Владимир-князь и говорит:

— Эх, гости мои любимые, невеселый у нас пир идет!

И княгине горько, и мне нерадостно. Унес проклятый Змей Горыныч любимую нашу племянницу, молодую Забаву Путятишну. Кто из вас съездит на гору Сорочинскую, отыщет княжну, освободит ее?

Куда там! Прячутся гости друг за дружку, большие за средних, средние за меньших, а меньшие и рот закрыли.

Вдруг выходит из-за стола молодой богатырь Алеша Попович:

— Вот что, князь Красное Солнышко, был я вчера в чистом поле, видел у Пучай-реки Добрынюшку. Он со Змеем Горынычем побратáлся, назвал его братом меньшим. Ты пошли к Змею Добрынюшку. Он тебе любимую племянницу без бою у названого братца выпросит.

Рассердился Владимир-князь:

— Коли так, садись, Добрыня, на коня, поезжай на гору Сорочинскую, добывай мне любимую племянницу. А не добудешь Забавы Путятишны — прикажу тебе голову срубить!

Опустил Добрыня буйну голову, ни словечка не ответил, встал из-за стола, сел на коня и домой поехал.

Вышла ему навстречу матушка, видит — на Добрыне лица нет.

— Что с тобой, Добрынюшка, что с тобой, сынок, что на пиру случилось? Обидели тебя, или чарой обнесли, или на худое место посадили?

— Не обидели меня, и чарой не обнесли, и место мне было по чину, по званию.

— А чего же ты, Добрыня, голову повесил?

— Велел мне Владимир-князь сослужить службу великую: съездить на гору Сорочинскую, отыскать и добыть Забаву Путятишну. А Забаву Путятишну Змей Горыныч унес.

Ужаснулась Мамелфа Тимофеевна, да не стала плакать и печалиться, а стала над делом раздумывать.

— Ложись-ка, Добрынюшка, спать поскорей, набирайся силушки. Утро вечера мудренней, завтра будем совет держать.

Лег Добрыня спать. Спит-храпит, что поток шумит.

А Мамелфа Тимофеевна спать не ложится, на лавку садится и плетет всю ночь из семи шелков плеточку-семихвосточку.

Утром-светом разбудила мать Добрыню Никитича:

— Вставай, сынок, одевайся, обряжайся, иди в старую конюшню. В третьем стойле дверь не открывается, наполовину в навоз ушла. Понатужься, Добрынюшка, отвори дверь, там увидишь дедова коня Бурушку. Стоит Бурка в стойле пятнадцать лет, по колено ноги в навоз ушли. Ты его почисти, накорми, напои, к крыльцу приведи.

Пошел Добрыня в конюшню, сорвал дверь с петель, вывел Бурушку, привел ко крыльцу. Стал Бурушку заседлывать. Положил на него потничек, сверху потничка войлочек, потом седло черкасское, ценными шелками вышитое, золотом изукрашенное, подтянул двенадцать подпруг, зауздал золотой уздой. Вышла Мамелфа Тимофеевна, подала ему плетку-семихвостку:

— Как приедешь, Добрыня, на гору Сорочинскую, Змея Горыныча дома не случится. Ты конем налети на логово и начни топтать змеенышей. Будут змееныши Бурке ноги обвивать, а ты Бурку плеткой меж ушей хлещи. Станет Бурка подскакивать, с ног змеенышей отряхивать и всех притопчет до единого.

Отломилась веточка от яблони, откатилось яблоко от яблоньки, уезжает сын от родимой матушки на трудный, на кровавый бой.

День уходит за днем, будто дождь дождит, а неделя за неделей, как река, бежит. Едет Добрыня при красном солнышке, едет Добрыня при светлом месяце, выехал на гору Сорочинскую.

А на горе у змеиного логова кишмя кишат змееныши. Стали они Бурушке ноги обвивать, стали копыта подтачивать. Бурушка скакать не может, на колени падает.

Вспомнил тут Добрыня наказ матери, выхватил плетку семи шелков, стал Бурушку меж ушами бить, приговаривать:

— Скачи, Бурушка, подскакивай, прочь от ног змеенышей отряхивай.

От плетки у Бурушки силы прибыло, стал он высоко скакать, за версту камешки откидывать, стал прочь от ног змеенышей отряхивать. Он их копытом бьет, и зубами рвет, и притоптал всех до единого.

Сошел Добрыня с коня, взял в правую руку саблю острую, в левую — богатырскую па́лицу и пошел к змеиным пещерам.

Только шаг ступил,— потемнело небо, гром загремел; летит Змей Горыныч, в когтях мертвое тело держит. Из пасти огонь сечет, из ушей дым валит, медные когти, как жар, горят...

Увидал Змей Горыныч Добрынюшку, бросил мертвое тело наземь, зарычал громким голосом:

— Ты зачем, Добрыня, наш обет сломал, потоптал моих детенышей?

— Ах ты, змея проклятая! Разве я слово наше нарушил, обет сломал? Ты зачем летал, Змей, к Киеву, ты зачем унес Забаву Путятишну? Отдавай мне княжну без боя, так я тебя прощу.

— Не отдам я Забаву Путятишну, я ее сожру, и тебя сожру, и всех русских людей в полон возьму.

Рассердился Добрыня и на Змея бросился.

И пошел тут жестокий бой.

Горы Сорочинские посыпались, дубы с корнями вывернулись, трава на аршин в землю ушла...

Бьются они три дня и три ночи; стал Змей Добрыню одолевать, стал подкидывать, стал подбрасывать... Вспомнил тут Добрыня про плеточку, выхватил ее и давай Змея между ушей стегать. Змей Горыныч на колени упал, а Добрыня его левой рукой к земле прижал, а правой рукой плеткой охаживает. Бил, бил его плеткой шелковой, укротил, как скотину, и отрубил все головы.

Хлынула из Змея черная кровь, разлилась к востоку и к западу, залила Добрыню до пояса.

Трое суток стоит Добрыня в черной крови, стынут его ноги, холод до сердца добирается. Не хочет русская земля змеиную кровь принимать.

Видит Добрыня, что ему конец пришел, вынул плеточку семи шелков, стал землю хлестать, приговаривать:

— Расступись ты, мать сыра-земля, и пожри кровь змеиную.

Расступилась сырая земля и пожрала кровь змеиную.

Отдохнул Добрыня Никитич, вымылся, пообчистил доспехи богатырские и пошел к змеиным пещерам. Все пещеры медными дверями затворены, железными засовами заперты, золотыми замками увешаны.

Разбил Добрыня медные двери, сорвал замки и засовы, зашел в первую пещеру. А там видит людей несметное число с сорока земель, с сорока стран, в два дня не сосчитать.

Говорит им Добрынюшка:
— Эй же вы, люди иноземные, и воины чужестранные! Выходите на вольный свет, разъезжайтесь по своим местам да вспоминайте русского богатыря. Без него вам бы век сидеть в змеином плену.
Стали выходить они на волю, до земли Добрыне кланяться.
— Век мы тебя помнить будем, русский богатырь!
А Добрыня дальше идет, пещеру за пещерой открывает, пленных людей освобождает. Выходят на свет и старики и молодушки, детки малые и бабки старые, русские люди и из чужих стран, а Забавы Путятишны нет как нет.
Так прошел Добрыня одиннадцать пещер, а в двенадцатой нашел Забаву Путятишну: висит княжна на сырой стене, за руки золотыми цепями прикована. Оторвал цепи Добрынюшка, снял княжну со стены, взял на руки, на вольный свет из пещеры вынес.
А она на ногах стоит, шатается, от света глаза закрывает, на Добрыню не смотрит. Уложил ее Добрыня на зеленую траву, накормил-напоил, плащом прикрыл, сам отдохнуть прилег.
Вот скатилось солнце к вечеру, проснулся Добрыня, оседлал Бурушку и разбудил княжну. Сел Добрыня на коня, посадил Забаву впереди себя, и в путь тронулся. А кругом народу и счету нет, все Добрыне в пояс кланяются, за спасение благодарят, в свои земли спешат.
Выехал Добрыня в желтую степь, пришпорил коня и повез Забаву Путятишну к Киеву.

КАК ИЛЬЯ ИЗ МУРОМА БОГАТЫРЕМ СТАЛ

В старину стародавнюю жил под городом Муромом, в селе Карачарове, крестьянин Иван Тимофеевич со своей женой Евфросиньей Яковлевной. Был у них один сын Илья.

Любили его отец с матерью, да только плакали, на него поглядывая: тридцать лет Илья на печи лежит, ни рукой, ни ногой не шевелит. И ростом богатырь Илья, и умом светел, и глазом зорок, а ноги его не носят, словно бревна лежат, не шевелятся.

Слышит Илья, на печи лежучи, как мать плачет, отец вздыхает, русские люди жалуются: нападают на Русь враги, поля вытаптывают, людей губят, детей сиротят. По путям-дорогам разбойники рыщут, не дают они людям ни проходу, ни проезду. Налетает на Русь Змей Горыныч, в свое логово девушек утаскивает. Горько Илье, обо всем этом слыша, на судьбу жалуется:

— Эх вы, ноги мои нехожалые, эх вы, руки мои недержалые! Был бы я здоров, не давал бы родную Русь в обиду врагам да разбойникам!

Так и шли дни, катились месяцы...

Вот раз отец с матерью пошли в лес, пни корчевать, корни выдирать, готовить поле под пахоту. А Илья один на печи лежит, в окошко поглядывает.

Вдруг видит — подходят к его избе три нищих странника.

Постояли они у ворот, постучали железным кольцом и говорят:

— Встань, Илья, отвори калиточку.

— Злые шутки вы, странники, шутите: тридцать лет я на печи сиднем сижу, встать не могу.

— А ты приподнимись, Илюшенька.

Рванулся Илья — и спрыгнул с печи, стоит на полу и сам своему счастью не верит.

— Ну-ка, пройдись, Илья.

Шагнул Илья раз, шагнул другой — крепко его ноги держат, легко его ноги несут.

Обрадовался Илья, от радости слова сказать не может. А калики перехожие ему говорят:

— Принеси-ка, Илюша, студеной воды.

Принес Илья студеной воды ведро.

Налил странник воды в ковшичек.

— Попей, Илья. В этом ковше вода всех рек, всех озер Руси-матушки.

Выпил Илья и почуял в себе силу богатырскую. А калики его спрашивают:

— Много ли чуешь в себе силушки?

— Много, странники. Кабы мне лопату, всю бы землю вспахал.

— Выпей, Илья, остаточек. В этом остаточке всей земли роса, с зеленых лугов, с высоких лесов, с хлебородных полей. Пей.

Выпил Илья и остаточек.

— А теперь много в тебе силушки?

— Ох, калики перехожие, столько во мне силы, что кабы было в небесах кольцо, ухватился бы я за него и всю землю перевернул.

— Слишком много в тебе силушки, надо поубавить, а то земля носить тебя не станет. Принеси-ка еще воды.

Пошел Илья по воду, а его и впрямь земля не несет: нога в земле, что в болоте, вязнет, за дубок ухватился — дуб с корнем вон, цепь от кольца, словно ниточка, на куски разорвалась.

Уж Илья ступает тихохонько, а под ним половицы ломаются. Уж Илья говорит шепотом, а двери с петель срываются.

Принес Илья воды, налили странники еще ковшичек.

— Пей, Илья!

Выпил Илья воду колодезную.

— Сколько теперь в тебе силушки?

— Во мне силушки половинушка.

— Ну и будет с тебя, молодец. Будешь ты, Илья, велик богатырь, бейся-ратайся с врагами земли родной, с разбойниками да с чудищами. Защищай вдов, сирот, малых деточек. Никогда только, Илья, со Святогором не

спорь, через силу носит его земля. Ты не ссорься с Микулой Селяниновичем, его любит мать сыра-земля. Не ходи еще на Вольгу Васильевича, он не силой возьмет, так хитростью-мудростью. А теперь прощай, Илья.

Поклонился Илья каликам перехожим, и ушли они за околицу.

А Илья взял топор и пошел на пожню к отцу с матерью. Видит — малое местечко от пенья-коренья расчищено, а отец с матерью, от тяжелой работы умаявшись, спят крепким сном: люди старые, а работа тяжелая.

Стал Илья лес расчищать — только щепки полетели. Старые дубы с одного маха валит, молодые с корнем из земли рвет.

За три часа столько поля расчистил, сколько вся деревня за три дня не осилит. Развалил он поле великое, спустил он деревья в глубокую реку, воткнул топор в дубовый пень, ухватил лопату да грабли и вскопал и выровнял поле широкое — только знай зерном засевай!

Проснулись отец с матерью, удивились, обрадовались, добрым словом вспоминали стариков странников.

А Илья пошел себе коня искать.

Вышел он на околицу и видит — ведет мужичок жеребенка рыжего, косматого, шелудивого. Вся цена жеребенку грош, а мужик за него непомерных денег требует: пятьдесят рублей с полтиною.

Купил Илья жеребенка, привел домой, поставил в конюшню, белоярой пшеницей откармливал, ключевой водой отпаивал, чистил, холил, свежей соломы подкладывал.

Через три месяца стал Илья Бурушку на утренней заре на луга выводить. Повалялся жеребенок по зоревой росе, стал богатырским конем.

Проводил его Илья к высокому тыну. Стал конь поигрывать, поплясывать, головой повертывать, гривой потряхивать. Стал через тын взад-вперед перепрыгивать. Десять раз перепрыгнул и копытом не задел. Положил Илья на Бурушку руку богатырскую,— не пошатнулся конь, не шелохнулся.

— Добрый конь,— говорит Илья.— Будет он мне верным товарищем.

Стал Илья себе меч по руке искать. Как сожмет в кулаке рукоятку меча, сокрушится рукоять, рассыплется. Нет Илье меча по руке. Бросил Илья мечи бабам лучину

щепать. Сам пошел в кузницу, три стрелы себе выковал, каждая стрела весом в целый пуд. Изготовил себе тугой лук, взял копье долгомерное да еще палицу булатную.

Снарядился Илья и пошел к отцу с матерью.

— Отпустите меня, батюшка с матушкой, в стольный Киев-град к князю Владимиру. Буду служить Руси родной верой-правдой, беречь землю русскую от недругов-ворогов.

Говорит старый Иван Тимофеевич:

— Я на добрые дела благословляю тебя, а на худые дела моего благословения нет. Защищай нашу землю русскую не для золота, не из корысти, а для чести, для богатырской славушки. Зря не лей крови людской, не слези матерей, да не забывай, что ты роду черного, крестьянского.

Поклонился Илья отцу с матерью до сырой земли и пошел седлать Бурушку-Косматушку. Положил на коня потнички, и на потнички — войлочки, а потом седло черкасское с двенадцатью подпругами шелковыми, а с тринадцатой железной, не для красы, а для крепости.

Захотелось Илье свою силу попробовать.

Он подъехал к Оке-реке, уперся плечом в высокую гору, что на берегу была, и свалил ее в реку Оку. Завалила гора русло, потекла река по-новому.

Взял Илья хлебца ржаного корочку, опустил ее в реку Оку, сам Оке-реке приговаривал:

— А спасибо тебе, матушка Ока-река, что поила, что кормила Илью Муромца.

На прощанье взял с собой земли родной малую горсточку, сел на коня, взмахнул плеточкой...

Видели люди, как вскочил на коня Илья, да не видели, куда поскакал. Только пыль по полю столбом поднялась.

ПЕРВЫЙ БОЙ ИЛЬИ МУРОМЦА

Как хватил Илья коня плеточкой, взвился Бурушка-Косматушка, проскочил полторы версты. Где ударили копыта конские, там забил ключ живой воды. У ключа Илюша сырой дуб срубил, над ключом сруб поставил, написал на срубе такие слова: «Ехал здесь русский богатырь, крестьянский сын Илья Иванович».

До сих пор льется там родничок живой, до сих пор стоит дубовый сруб, а в ночи к ключу студеному ходит зверь-медведь воды испить и набраться силы богатырской.

И поехал Илья к Киеву.

Ехал он дорогой прямоезжей мимо города Чернигова. Как подъехал он к Чернигову, услыхал под стенами шум и гам: обложили город татар тысячи. От пыли, от пару лошадиного над землею мгла стоит, не видно на небе красного солнышка. Не проскочить меж татар серому заюшке, не пролететь над ратью ясному соколу. А в Чернигове плач да стон, звенят колокола похоронные. Заперлись черниговцы в каменный собор, плачут, молятся, смерти дожидаются: подступили к Чернигову три царевича, с каждым силы сорок тысячей. Разгорелось у Ильи сердце. Осадил он Бурушку, вырвал из земли зеленый дуб с каменьями да с кореньями, ухватил за вершину да на татар бросился. Стал он дубом помахивать, стал конем врагов потаптывать. Где махнет — там станет улица, отмахнется — переулочек. Доскакал Илья до трех царевичей, ухватил их за желтые кудри и говорит им такие слова:

— Эх вы, татары-царевичи! В плен мне вас, братцы, взять или буйные головы с вас снять? В плен вас взять — так мне девать вас некуда, я в дороге, не дома сижу,

у меня хлеб в тороках считанный, для себя, не для нахлебников. Головы с вас снять — чести мало богатырю Илье Муромцу. Разъезжайтесь-ка вы по своим местам, по своим ордам, да разнесите весть, что родная Русь не пуста стоит, есть на Руси могучие богатыри, пусть об этом враги подумают.

Тут поехал Илья в Чернигов-город. Заходил он в каменный собор, а там люди плачут, обнимаются, с белым светом прощаются.

— Здравствуйте, мужички черниговские, что вы, мужички, плачете, обнимаетесь, с белым светом прощаетесь?

— Как нам не плакать: обступили Чернигов три царевича, с каждым силы сорок тысячей, вот нам и смерть идет.

— Вы идите на стену крепостную, посмотрите в чистое поле, на вражью рать...

Шли черниговцы на стену крепостную, глянули в чистое поле, а там врагов побито-повалено, будто градом нива выбита, пересечена. Бьют челом Илье черниговцы, несут ему хлеб-соль, серебро, золото, дорогие ткани, каменьями шитые.

— Добрый молодец, русский богатырь, ты какого роду-племени? Какого отца, какой матушки? Как тебя по имени зовут? Ты иди к нам в Чернигов воеводой, будем все мы тебя слушаться, тебе честь отдавать, тебя кормить-поить, будешь ты в богатстве и почете жить.

Покачал головой Илья Муромец:

— Добрые мужички черниговские, я из-под города из Мурома, из села Карачарова, простой русский богатырь, крестьянский сын. Я спасал вас не из корысти, и мне не надо ни серебра, ни золота. Я спасал русских людей, красных девушек, малых деточек, старых матерей. Не пойду я к вам воеводой в богатстве жить. Мое богатство — сила богатырская, мое дело — Руси служить, от врагов оборонять.

Стали просить Илью черниговцы хоть денек у них перебыть, попировать на веселом пиру, а Илья и от этого отказывается:

— Некогда мне, люди добрые. На Руси от врагов стон стоит, надо мне скорее к князю добираться, за дело браться. Дайте вы мне на дорогу хлеба да ключевой воды и покажите дорогу прямую к Киеву.

Задумались черниговцы, запечалились:

— Эх, Илья Муромец, прямая дорога к Киеву травой заросла, тридцать лет по ней никто не езживал...

— Что такое?

— Засел там у речки Смородиной Соловей-разбойник, сын Рахманович. Он сидит на трех дубах, на девяти суках. Как засвищет он по-соловьиному, зарычит по-звериному,— все леса к земле клонятся, цветы осыпаются, травы сохнут, а люди да лошади мертвыми падают. Поезжай ты, Илья, дорогой окольной. Правда, прямо до Киева триста верст, а окольной дорогой — целая тысяча.

Помолчал Илья Муромец, а потом и головой тряхнул.

— Не честь, не хвала мне, молодцу, ехать дорогой окольной, позволять Соловью-разбойнику мешать людям к Киеву путь держать. Я поеду дорогой прямой, неезженой.

Вскочил Илья на коня, хлестнул Бурушку плеткой, да и был таков, только его черниговцы и видели!

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Скачет Илья Муромец во всю конскую прыть. Бурушка-Косматушка с горы на гору перескакивает, реки-озера перепрыгивает, холмы перелетает.

Доскакали они до Брынских лесов, дальше Бурушке скакать нельзя: разлеглись болота зыбучие, конь по брюхо в воде тонет.

Соскочил Илья с коня. Он левой рукой Бурушку поддерживает, а правой рукой дубы с корнем рвет, настилает через болото настилы дубовые. Тридцать верст Илья гати настелил — до сих пор по ней люди добрые ездят.

Так дошел Илья до речки Смородиной.

Течет река широкая, бурливая, с камня на камень перекатывается.

Заржал Бурушка, взвился выше темного леса и одним скачком перепрыгнул реку.

Сидит за рекой Соловей-разбойник на трех дубах, на девяти суках. Мимо тех дубов ни сокол не пролетит, ни зверь не пробежит, ни гад не проползет. Все боятся Соловья-разбойника, никому умирать не хочется... Услыхал Соловей конский скок, привстал на дубах, закричал страшным голосом:

— Что за невежа проезжает тут, мимо моих заповедных дубов? Спать не дает Соловью-разбойнику!

Да как засвищет он по-соловьиному, зарычит по-звериному, зашипит по-змеиному, так вся земля дрогнула, столетние дубы покачнулись, цветы осыпались, трава полегла. Бурушка-Косматушка на колени упал.

А Илья в седле сидит, не шевельнется, русые кудри на голове не дрогнут. Взял он плетку шелковую, ударил коня по крутым бокам.

— Травяной ты мешок, не богатырский конь! Не слыхал ты разве писку птичьего, шипу гадючьего? Вставай на ноги, подвези меня ближе к Соловьиному гнезду, не то волкам тебя брошу на съедение!

Тут вскочил Бурушка на ноги, подскакал к Соловьиному гнезду.

Удивился Соловей-разбойник, из гнезда высунулся.

А Илья, минуточки не мешкая, натянул тугой лук, спустил каленую стрелу, небольшую стрелу, весом в целый пуд.

Взвыла тетива, полетела стрела, угодила Соловью в правый глаз, вылетела через левое ухо. Покатился Соловей из гнезда, словно овсяный сноп. Подхватил его Илья на руки, связал крепко ремнями сыромятными, подвязал к левому стремени.

Глядит Соловей на Илью, слово вымолвить боится.

— Что глядишь на меня, разбойник, или русских богатырей не видывал?

— Ох, попал я в крепкие руки, видно не бывать мне больше на волюшке!

Поскакал Илья дальше по прямой дороге и наскакал на подворье Соловья-разбойника. У него двор на семи верстах, на семи столбах, у него вокруг железный тын, на каждой тычинке по маковке, на каждой маковке голова богатыря убитого. А на дворе стоят палаты белокаменные, как жар горят крылечки золоченые.

Увидала дочка Соловья богатырского коня, закричала на весь двор:

— Едет, едет наш батюшка Соловей Рахманович, везет у стремени мужичишку-деревенщину!

Выглянула в окно жена Соловья-разбойника, руками всплеснула:

— Что ты говоришь, неразумная! Это едет мужик-деревенщина и у стремени везет нашего батюшку — Соловья Рахмановича!

Выбежала старшая дочка Соловья — Пелька — во двор, ухватила доску железную весом в девяносто пуд и метнула ее в Илью Муромца. Но Илья ловок да увертлив был, отмахнул доску богатырской рукой, полетела доска обратно, попала в Пельку, убила ее до смерти.

Бросилась жена Соловья Илье в ноги:

— Ты возьми у нас, богатырь, серебра, золота, бесценного жемчуга, сколько может увезти твой богатыр-

ский конь, отпусти только нашего батюшку, Соловья-разбойника.

Говорит ей Илья в ответ:

— Мне подарков неправедных не надобно. Они добыты слезами детскими, они политы кровью русскою, нажиты нуждой крестьянскою. Как в руках разбойник — он всегда тебе друг, а отпустишь — снова с ним наплачешься. Я свезу Соловья в Киев-город, там на квас пропью, на калачи проем!

Повернул Илья коня и поскакал к Киеву. Приумолк Соловей, не шелохнется.

Едет Илья по Киеву, подъезжает к палатам княжеским. Привязал он коня к столбику точеному, оставил с конем Соловья-разбойника, а сам пошел в светлую горницу.

Там у князя Владимира пир идет, за столами сидят богатыри русские. Вошел Илья, поклонился, стал у порога:

— Здравствуй, князь Владимир с княгиней Апраксией, принимаешь ли к себе заезжего молодца?

Спрашивает его Владимир Красное Солнышко:

— Ты откуда, добрый молодец, как тебя зовут? Какого роду-племени?

— Зовут меня Ильей. Я из-под Мурома. Крестьянский сын из села Карачарова. Ехал я из Чернигова дорогой прямоезжей.

Тут как вскочит из-за стола Алеша Попович:

— Князь Владимир, ласковое наше солнышко, в глаза мужик над тобой насмехается, завирается. Нельзя ехать дорогой прямой из Чернигова. Там уж тридцать лет сидит Соловей-разбойник, не пропускает ни конного, ни пешего. Гони, князь, нахала-деревенщину из дворца долой!

Не взглянул Илья на Алешу Поповича, поклонился князю Владимиру:

— Я привез тебе, князь, Соловья-разбойника, он на твоем дворе у коня моего привязан. Ты не хочешь ли поглядеть на него?

Повскакали тут с мест князь с княгинею и все богатыри, поспешили за Ильей на княжеский двор. Подбежали к Бурушке-Косматушке.

А разбойник висит у стремени, травяным мешком висит, по рукам-ногам ремнями связан. Левым глазом он глядит на Киев и на князя Владимира.

Говорит ему князь Владимир:

— Ну-ка засвищи по-соловьиному, зарычи по-звериному!

Не глядит на него Соловей-разбойник, не слушает:

— Не ты меня с бою брал, не тебе мне приказывать.

Просит тогда Владимир-князь Илью Муромца:

— Прикажи ты ему, Илья Иванович.

— Хорошо, только ты на меня, князь, не гневайся, а закрою я тебя с княгинею полами моего кафтана крестьянского, а то как бы беды не было! А ты, Соловей Рахманович, делай, что тебе приказано!

— Не могу я свистать, у меня во рту запеклось.

— Дайте Соловью чару сладкого вина в полтора ведра, да другую пива горького, да третью меду хмельного, закусить дайте калачом крупичатым, тогда он засвищет, потешит нас...

Напоили Соловья, накормили, приготовился Соловей свистать.

— Ты смотри, Соловей,— говорит Илья,— ты не смей свистать во весь голос, а свистни ты полусвистом, зарычи полурыком, а то будет худо тебе.

Не послушал Соловей наказа Ильи Муромца, захотел он разорить Киев-город, захотел убить князя с княгинею, всех русских богатырей. Засвистал он во весь соловьиный свист, заревел во всю мочь, зашипел во весь змеиный шип.

Что тут сделалось!

Маковки на теремах покривились, крылечки от стен отвалились, стекла в горницах полопались, разбежались кони из конюшен, все богатыри на землю упали, на четвереньках по двору расползлись. Сам князь Владимир еле живой стоит, шатается, у Ильи под кафтаном прячется.

Рассердился Илья на разбойника:

— Я велел тебе князя с княгиней потешить, а ты сколько бед натворил. Ну, теперь я с тобой за все рассчитаюсь! Полно тебе слезить отцов-матерей, полно вдовить молодушек, сиротить детей, полно разбойничать!

Взял Илья саблю острую, отрубил Соловью голову. Тут и конец Соловью настал.

— Спасибо тебе, Илья Муромец,— говорит Владимир-князь.— Оставайся в моей дружине, будешь старшим богатырем, над другими богатырями начальником. И живи ты у нас в Киеве, век живи, отныне и до смерти.

И пошли они пир пировать.

Князь Владимир посадил Илью около себя, около себя против княгинюшки. Алеше Поповичу обидно стало; схватил Алеша со стола булатный нож и метнул его в Илью Муромца. На лету поймал Илья острый нож и воткнул его в дубовый стол. На Алешу он и глазом не взглянул.

Подошел к Илье вежливый Добрынюшка:

— Славный богатырь Илья Иванович, будешь ты у нас в дружине старшим. Ты возьми меня и Алешу Поповича в товарищи. Будешь ты у нас за старшего, а я и Алеша за младшеньких.

Тут Алеша расплакался, на ноги вскочил:

— Ты в уме ли, Добрынюшка? Сам ты роду боярского, я из старого роду поповского, а его никто не знает, не ведает, принесло его невесть откудова, а чудит у нас в Киеве, хвастает.

Был тут славный богатырь Самсон Самойлович. Подошел он к Илье и говорит ему:

— Ты, Илья Иванович, на Алешу не гневайся, роду он поповского хвастливого, лучше всех бранится, лучше хвастается.

Тут Алеша криком закричал:

— Да что же это делается? Кого русские богатыри старшим выбрали? Деревенщину лесную неумытую!

Тут Самсон Самойлович слово вымолвил:

— Много ты шумишь, Алешенька, и неумные речи говоришь,— деревенским людом Русь кормится. Да и не по роду-племени слава идет, а по богатырским делам да подвигам. За дела и слава Илюшеньке!

А Алеша как щенок на тура гавкает:

— Много ли он славы добудет, на веселых пирах меды попиваючи!

Не стерпел Илья, вскочил на ноги:

— Верное слово молвил поповский сын — не годится богатырю на пиру сидеть, живот растить. Отпусти меня, князь, в широкие степи поглядеть, не рыщет ли враг по родной Руси, не залегли ли где разбойники.

И вышел Илья из гридни вон.

КАК ИЛЬЯ ПОССОРИЛСЯ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

Ездил Илья в чистом поле много времени, постарел, бородой зарос. Цветное платье на нем поистаскалось, золотой казны у него не осталось, захотел Илья отдохнуть, в Киеве пожить.

— Побывал я во всех Литвах, побывал я во всех Ордах, не бывал давно в одном Киеве. Поеду-ка я в Киев да проведаю, как живут люди в стольном городе.

Прискакал Илья в Киев, заехал на княжеский двор.

У князя Владимира идет веселый пир. За столом сидят бояре, гости богатые, русские могучие богатыри.

Зашел Илья в гридню княжескую, стал у двери, поклонился по-ученому, князю Солнышку с княгиней — особенно.

— Здравствуй, Владимир стольно-киевский! Поишь ли, кормишь ли заезжих богатырей?

Не узнал его Владимир Солнышко и спрашивает:

— Ты откуда, старик, каким тебя зовут именем?

— Я Никита Заолешанин.

— Ну, садись, Никита, с нами хлеба кушать. Есть еще местечко на дальнем конце стола, ты садись там на край скамеечки. Все другие места заняты. У меня сегодня гости именитые, не тебе, мужику, чета — князья, бояре, богатыри русские.

Усадили слуги Илью на худом конце стола. Загремел тут Илья на всю горницу:

— Не родом богатырь славен, а подвигом. Не по делам мне место, не по силе честь! Сам ты, князь, сидишь с во́ронами, а меня садишь с неумными воронятами.

Захотел Илья поудобней сесть, поломал скамьи дубовые, погнул сваи железные, прижал всех гостей в большой угол.

Это князю Владимиру не понравилось. Потемнел князь, как осенняя ночь, закричал, заревел, как лютый зверь:

— Что же ты, Никита Заолешанин, перемешал мне все места почетные, погнул сваи железные? У меня между богатырских мест проложены не зря были сваи крепкие. Чтобы богатыри на пиру не толкались, ссор не заводили. А ты что тут за порядки навел? Эй вы, русские богатыри, вы чего терпите, что лесной мужик назвал вас вóронами? Вы берите его под руки, выкиньте из гридни на улицу!

Выскочили тут три богатыря, стали Илью подталкивать, подергивать, а он стоит, не шатается, на голове колпак не сдвинется.

— Коли хочешь, Владимир-князь, позабавиться, подавай мне еще трех богатырей.

Вышли еще три богатыря, ухватились вшестером за Илью, а он с места не сдвинулся.

— Мало, князь, даешь, дай еще троих!

Да и девять богатырей ничего с Ильей не сделали: стоит старый, как столетний дуб, с места не сдвинется.

Распалился богатырь:

— Ну, теперь, князь, пришел мой черед потешиться!

Стал он богатырей поталкивать, попинывать, с ног валить. Расползлись богатыри по горнице, ни один на ноги не может встать. Сам князь забился в запечек, закрылся шубкой куньей и дрожмя дрожит...

А Илья вышел из гридни, хлопнул дверьми — двери вылетели, воротами хлопнул — ворота рассыпались...

Вышел он на широкий двор, вынул тугой лук и стрелы острые, стал стрелам приговаривать:

— Вы летите, стрелы, к высоким кровлям, сшибайте с теремов золотые маковки!

Тут посыпались золотые маковки с княжеского терема.

Закричал Илья во весь богатырский крик:

— Собирайтесь, люди нищие, голые, подбирайте золотые маковки, несите в кабак, пейте вино, ешьте калачей досыта!

Набежали голи нищие, подобрали маковки, стали с Ильей пировать, гулять.

А Илья их угощает, приговаривает:

— Пей-ешь, братия нищая, князя Владимира не

бойся; может, завтра я сам буду княжить в Киеве, а вас сделаю помощниками!

Донесли обо всем Владимиру:

— Сбил Никита твои, князь, маковки, поит-кормит нищую братию, похваляется сесть князем в Киеве.

Испугался князь, задумался.

Встал тут Добрыня Никитич:

— Князь ты наш, Владимир Красное Солнышко! Это ведь не Никита Заолешанин, это ведь сам Илья Муромец; надо его назад вернуть, перед ним покаяться, а то как бы худо не было.

Стали думать, кого за Ильей послать.

Послать Алешу Поповича — тот не сумеет позвать Илью. Послать Чурилу Пленковича — тот только наряжаться умен. Порешили послать Добрыню Никитича, его Илья Муромец братом зовет.

Улицей идет Добрыня и думает:

«Грозен в гневе Илья Муромец. Не за смертью ли своей идешь, Добрынюшка?»

Пришел Добрыня, поглядел, как Илья пьет-гуляет, стал раздумывать:

«Спереди зайти, так сразу убьет, а потом опомнится. Лучше я к нему сзади подойду».

Подошел Добрыня сзади к Илье, обнял его за могучие плечи:

— Ай ты, братец мой, Илья Иванович. Ты сдержи свои руки могучие, ты скрепи свое гневное сердце, ведь послов не бьют, не вешают. Послал меня Владимир-князь перед тобою покаяться. Не узнал он тебя, Илья Иванович, потому и посадил на место непочетное. А теперь он просит тебя назад прийти. Примет тебя с честью, со славою.

Обернулся Илья:

— Ну и счастлив ты, Добрынюшка, что сзади зашел! Если бы ты зашел спереди, только косточки от тебя остались бы. А теперь я тебя не трону, братец мой. Коли просишь ты, я пойду обратно, к князю Владимиру, да не один пойду, а всех моих гостей захвачу, пусть уж князь Владимир не прогневается!

И созвал Илья всех своих собутыльников, всю нищую братию голую и пошел с ними на княжеский двор.

Встретил его князь Владимир, за руки брал, целовал в уста сахарные.

— Гой еси, ты, старый Илья Муромец, ты садись повыше всех, на место почетное.

Не сел Илья на место почетное, сел на место среднее и посадил рядом с собой всех нищих гостей.

— Кабы не Добрынюшка, убил бы я тебя сегодня, Владимир-князь. Ну, уж на этот раз твою вину прощу.

Понесли слуги гостям угощение, да не щедро, а по чарочке, по сухому калачику.

Снова Илья в гнев вошел:

— Так-то, князь, ты моих гостей потчуешь? Чарочками маленькими!

Владимиру-князю это не понравилось.

— Есть у меня в погребе сладкое вино, найдется на каждого по бочке-сороковочке. Если это, что на столе, не понравилось, пусть сами из погребов принесут, не великие бояре.

— Эй, Владимир-князь, так ты гостей потчуешь, так их чествуешь, чтобы сами бегали за питьем да за кушаньем? Видно, мне самому придется быть за хозяина!

Вскочил Илья на ноги, побежал в погреба, взял одну бочку под одну руку, другую под другую руку, третью бочку ногой покатил. Выкатил на княжеский двор.

— Берите, гости, вино, я еще принесу.

И опять спустился Илья в погреба глубокие.

Разгневался Владимир, закричал громким голосом:

— Гой вы, слуги мои, слуги верные! Вы бегите поскорей, закройте двери погреба, задерните чугунной решеткой, засыпьте желтым песком, завалите столетними дубами. Пусть умрет там Илья смертью голодной.

Набежали слуги и прислужники, заперли Илью, завалили двери погреба, засыпали песком, задернули решеткой, погубили верного, старого, могучего Илью Муромца!..

А голей нищих плетками со двора согнали.

Этакое дело русским богатырям не понравилось.

Они встали из-за стола не докушавши, вышли вон из княжеского терема, сели на добрых коней и уехали.

— А не будем же мы больше жить в Киеве! А не будем же служить князю Владимиру!

Так-то в ту пору у князя Владимира не осталось в Киеве богатырей.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Ранним утром, ранним солнышком собрался Вольга брать дани-подати с городов торговых Гурчевца да Ореховца.

Села дружина на добрых коней, на каурых жеребчиков и в путь отправилась. Выехали молодцы в чистое поле, в широкое раздолье и услышали в поле пахаря. Пашет пахарь в поле, посвистывает, лемехи по камешкам почиркивают. Будто пахарь где-то рядышком соху ведет.

Едут молодцы к пахарю, едут день до вечера, а не могут до него доскакать. Слышно, как пахарь посвистывает, слышно, как сошка поскрипывает, как лемешки почиркивают, а самого пахаря и глазом не видать.

Едут молодцы другой день до вечера, так же все пахарь посвистывает, сошенька поскрипывает, лемешки почиркивают, а пахаря нет как нет.

Третий день идет к вечеру, тут только молодцы до пахаря доехали. Пашет пахарь, понукивает, на кобылку свою погукивает. Борозды кладет, как рвы глубокие, из земли дубы вывертывает, камни-валуны в сторону отбрасывает. Только кудри у пахаря качаются, шелком по плечам рассыпаются.

А кобылка у пахаря немудрая, а соха у него кленовая, гужи шелковые. Подивился на него Вольга, поклонился пахарю:

— Здравствуй, добрый человек, в поле трудничек!

— Здоров будь, Вольга Всеславьевич! Куда путь держишь?

— Еду в город Гурчевец да Ореховец собирать с торговых людей дани-подати.

— Эх, Вольга Всеславьевич, в тех городах живут все разбойники, дерут шкуру с бедного пахаря, собирают за

проезд по дорогам пошлины. Я поехал туда соли купить, закупил соли три мешка, каждый мешок сто пудов, положил на кобылку серую и домой к себе направился. Окружили меня люди торговые, стали брать с меня подорожные денежки. Чем я больше даю, тем им больше хочется. Рассердился я, разгневался, заплатил им шелковою плеткою. Ну, который стоял, тот сидит, а который сидел, тот лежит.

Удивился Вольга, поклонился пахарю:

— Ай же ты, славный пахарь, могучий богатырь, поезжай ты со мной за товарища.

— Что ж, поеду, Вольга Всеславьевич, надо им наказ дать — других мужиков не обижать.

Снял пахарь с сохи гужи шелковые, распряг кобылку серую, сел на нее верхом и в путь отправился.

Проскакали молодцы полпути. Говорит пахарь Вольге Всеславьевичу:

— Ох, неладное дело мы сделали, в борозде соху оставили. Ты пошли молодцев-дружинников, чтобы сошку из борозды выдернули, землю бы с нее вытряхнули, положили бы соху под ракитовый куст.

Послал Вольга трех дружинников.

Вертят сошку они и так и сяк, а не могут сошку от земли поднять.

Послал Вольга десять витязей. Вертят сошку они в двадцать рук, а не могут с места содрать.

Тут поехал Вольга со всей дружиной. Тридцать человек без единого облепили сошку со всех сторон, понатужились, по колена в землю ушли, а сошку и на волос не сдвинули.

Слез с кобылки тут пахарь сам, взялся за сошку одной рукой, из земли ее выдернул, из лемешков землю вытряхнул, подхватил, да и махнул за ракитовый куст. Полетела соха до облака, упала соха за ракитовый куст, в сырую землю по рукоятки ушла.

Дело сделали, и поехали богатыри дальше путем-дорогою.

Вот подъехали они под Гурчевец да Ореховец. А там люди торговые хитрые: как увидели пахаря, подсекли бревна дубовые на мосту через речку Ореховец.

Чуть взошла дружина на мост, подломились бревна дубовые, стали молодцы в реке тонуть, стала гибнуть дружина храбрая, стали кони, люди на дно идти.

Рассердились Вольга с Микулой, разгневались, хлестнули своих добрых коней, в один скок реку перепрыгнули. Соскочили на тот бережок, да и начали злодеев чествовать.

Пахарь плетью бьет, приговаривает:

— Эх вы, жадные люди торговые! Мужики города хлебом кормят, медом поят, а вы соли им жалеете!

Вольга па́лицей жалует за дружинников, за богатырских коней.

Стали люди гурчевецкие каяться:

— Вы простите нас за злодейство, за хитрости. Берите с нас дани-по́дати, и пускай едут пахари за солью, никто с них гроша не потребует.

Взял Вольга с них дани-подати за двенадцать лет, и поехали богатыри домой.

Спрашивает пахаря Вольга Всеславьевич:

— Ты скажи мне, русский богатырь, как зовут тебя, величают по отчеству?

— Поезжай ко мне, Вольга Всеславьевич, на мой крестьянский двор, так узнаешь, как меня люди чествуют.

Подъехали богатыри к полю. Вытащил пахарь сошеньку, распахал широкое полюшко, засеял золотым зерном...

Еще заря горит, а у пахаря поле колосом шумит.

Темная ночь идет — пахарь хлеб жнет. Утром вымолотил, к полудню провеял, к обеду муки намолол, пироги завел. К вечеру созвал народ на почестен пир. Стали люди пироги есть, брагу пить да пахаря похваливать:

— Ай спасибо тебе, Микула Селянинович!

ПРО ПРЕКРАСНУЮ ВАСИЛИСУ МИКУЛИШНУ

Шел раз у князя Владимира большой пир, и все на том пиру были веселы, все на том пиру хвалились, а один гость невесел сидел, меду не пил, жареной лебедушки не ел,— это Ставер Годинович, торговый гость из города Чернигова.

Подошел к нему князь:

— Ты чего, Ставер Годинович, не ешь, не пьешь, невеселый сидишь и ничем не хвалишься? Правда, ты и родом не именит, и ратным делом не славен — чем тебе и похвастаться?

— Право слово твое, великий князь: нечем мне хвастать. Отца с матерью у меня давно нету, а то их бы похвалил... Хвастать золотой казной мне не хочется; я и сам не знаю, сколько ее у меня, пересчитать до смерти не успею.

Хвастать платьем не стоит: все вы в моих платьях на этом пиру ходите. У меня тридцать портных на меня одного день и ночь работают. Я с утра до ночи кафтан поношу, а потом и вам продам.

Сапогами тоже не стоит хвастаться: каждый час надеваю сапоги новые, а обносочки вам продаю.

Кони все у меня златошерстные, овцы все с золотым руном, да и тех я вам продаю.

Разве мне похвастать молодой женой Василисой Микулишной, старшей дочерью Микулы Селяниновича. Вот такой другой на свете нет!

У нее под косой светлый месяц блестит, у нее брови черней соболя, очи у нее ясного сокола!

А умней ее на Руси человека нет! Она всех вас кругом пальца обовьет, тебя, князь, и то с ума сведет.

Услыхав такие дерзкие слова, все на пиру испугались, приумолкли...

Княгиня Апраксия обиделась, заплакала. А князь Владимир разгневался:

— Ну-ка, слуги мои верные, хватайте Ставра, волоките его в холодный подвал, за его речи обидные прикуйте его цепями к стене. Поите его ключевой водой, кормите овсяными лепешками. Пусть сидит там, пока не образумится. Поглядим, как его жена нас всех с ума сведет и Ставра из неволи выручит!

Ну так все и сделали: посадили Ставра в глубокие погреба. Но князю Владимиру мало этого: приказал он в Чернигов стражу послать, опечатать богатства Ставра Годиновича, а его жену в цепях в Киев привезти.

— Посмотрим, что это за умница!

Пока послы собирались да коней седлали, долетела обо всем весть в Чернигов к Василисе Микулишне.

Горько Василиса задумалась:

«Как мне милого мужа выручить? Деньгами его не выкупишь, силой не возьмешь. Ну не возьму силой, возьму хитростью!»

Вышла Василиса в сени, крикнула:

— Эй вы, верные мои служаночки, седлайте мне лучшего коня, несите мне платье мужское татарское да рубите мне косы русые! Поеду я милого мужа выручать!

Горько плакали девушки, пока резали Василисе косы русые. Косы длинные весь пол усыпали, упал на косы и светлый месяц.

Надела Василиса мужское платье татарское, взяла лук со стрелами и поскакала к Киеву. Никто и не поверит, что это женщина,— скачет по полю молодой богатырь.

На полдороге встретились ей послы из Киева.

— Эй, богатырь, куда ты путь держишь?

— Еду я к князю Владимиру, послом из грозной Золотой Орды, получать дань за двенадцать лет. А вы, молодцы, куда направились?

— А мы едем к Василисе Микулишне, ее в Киев брать, богатство ее на князя перевести.

— Опоздали вы, братцы. Василису Микулишну я в Орду отослал, и богатства ее мои дружинники вывезли.

— Ну, коли так, нам в Чернигове делать нечего. Мы поскачем обратно в Киев.

Поскакали киевские гонцы к князю, рассказали ему, что едет в Киев посол от грозной Золотой Орды.

Запечалился князь: не собрать ему дани за двенадцать лет, надо посла умилостивить.

Стали столы накрывать, на двор ельничек бросать, поставили на дороге дозорных людей — ждут гонца из Золотой Орды.

А посол, не доехав до Киева, разбил шатер в чистом поле, оставил там своих воинов, а сам один поехал к князю Владимиру.

Красив посол, и статен, и могуч, и не грозен лицом, и учтив.

Соскочил с коня, привязал его к золотому кольцу, пошел в горницу. Поклонился на все четыре стороны, князю и княгине отдельно. Ниже всех поклонился Забаве Путятишне.

Говорит князь послу:

— Здравствуй, грозный посол из Золотой Орды, садись за стол, отдохни, поешь-попей с дороги.

— Некогда мне рассиживаться; нас, послов, хан за это не жалует. Подавай-ка мне побыстрее дани за двенадцать лет, да отдай за меня замуж Забаву Путятишну, и я в Орду поскачу!

— Позволь, посол, мне с племянницей посоветоваться.

Вывел князь Забаву из горницы и спрашивает:

— Ты пойдешь ли, племянница, за ордынского посла?

И Забава ему говорит тихохонько:

— Что ты, дядюшка! Что ты задумал, князь? Не делай смеху по всей Руси — это ведь не богатырь, а женщина.

Рассердился князь:

— Волос у тебя долог, да ум короток: это грозный посол из Золотой Орды, молодой богатырь Василий.

— Не богатырь это, а женщина. Он по горнице идет, словно уточка плывет, каблуками не пристукивает; он на лавочке сидит, колена вместе жмет. Голос у него серебряный, руки-ноги маленькие, пальцы тонкие, а на пальцах следы от колец.

Задумался князь: «Надо мне посла испытать».

Позвал он лучших киевских молодцов-борцов: пять братьев Притченков да двух Хапиловых, вышел к послу и спрашивает:

— Не хочешь ли ты, гость, с борцами потешиться, на широком дворе побороться, размять с дороги косточки?

— Отчего же кости не размять, я с детства бороться люблю.

Вышли все на широкий двор, вошел молодой посол в круг, захватил одной рукой трех борцов, другой — трех молодцов, седьмого бросил в середину да как ударит их лоб об лоб, так все семь на земле лежат и встать не могут.

Плюнул князь Владимир и прочь пошел.

— Ну и глупая Забава, неразумная! Женщиной такого богатыря назвала. Таких послов мы еще не видели.

А Забава все на своем стоит:

— Женщина это, а не богатырь.

Уговорила она князя Владимира, захотел он еще раз посла испытать.

Вывел он двенадцать стрельцов.

— Не охота ли тебе, посол, из лука со стрельцами потешиться?

— Отчего же? Я с детства из лука постреливал.

Вышли двенадцать стрельцов, спустили стрелы в высокий дуб. Зашатался дуб, будто по лесу вихрь прошел.

Взял посол Василий лук, натянул тетиву,— спела шелковая тетива, взвыла, и пошла стрела каленая, упали наземь могучие богатыри, князь Владимир на ногах не устоял.

Хлестнула стрела по дубу, разлетелся дуб на мелкие щепы.

— Эх, жаль мне могучий дуб,— говорит посол,— да больше жаль стрелку каленую, теперь ее во всей Руси не найти.

Пошел Владимир к племяннице, а она все свое твердит: женщина да женщина.

«Ну,— думает князь,— сам я с ним переведаюсь,— не играют женщины на Руси в шахматы заморские».

Приказал принести золотые шахматы и говорит послу:

— Не угодно ли тебе со мной потешиться, поиграть в шахматы заморские.

— Что ж, я с малых лет всех ребят в шашки-шахматы обыгрывал! А на что мы, князь, играть начнем?

— Ты поставь дань за двенадцать лет, а я весь Киев-город поставлю.

— Хорошо, давай играть!

Стали шахматами по доске стучать. Князь Владимир хорошо играл, а посол раз пошел, другой пошел, а десятый пошел,— князю шах и мат, да и шахматы прочь!

Запечалился князь:

— Отобрал ты у меня Киев-град — бери, посол, и голову.

— Мне не надо твоей головы, князь, и не надо Киева, отдай мне только твою племянницу Забаву Путятишну.

Обрадовался князь и на радостях не пошел больше Забаву спрашивать, а велел готовить свадебный пир.

Вот пируют они день, другой и третий, веселятся гости, а жених с невестой невеселы. Ниже плеч посол голову повесил.

Спрашивает его Владимир:

— Что же ты, Васильюшка, невесел? Иль не нравится тебе наш богатый пир?

— Что-то, князь, мне тоскливо, нерадостно: может, дома у меня случилась беда, может, ждет меня беда впереди. Прикажи позвать гусляров, пусть повеселят меня, пропоют про старые года либо про нонешние.

Позвали гусляров. Они поют, струнами звенят, а послу не нравится.

— Это, князь, не гусляры, не песельники... Говорил мне батюшка, что есть у тебя гость черниговский Ставер Годинович, вот тот умеет играть, умеет и песню спеть, а эти словно волки в поле воют. Вот бы мне Ставра послушать.

Что тут делать князю Владимиру? Выпустить Ставра — так не видать Ставра, а не выпустить Ставра — разгневить посла.

Не посмел Владимир разгневить посла, ведь у него дани не собраны, и велел привести Ставра.

Привели Ставра, а он еле на ногах стоит, ослабел, голодом заморен...

Как выскочит тут посол из-за стола, подхватил Ставра под руки, посадил рядом с собой, стал поить-кормить, попросил сыграть.

Наладил Ставер гусли, стал играть песни черниговские. Все за столом заслушались, а посол сидит, слушает, глаз со Ставра не сводит.

Кончил Ставер.

Говорит посол князю Владимиру:

— Слушай, князь Владимир киевский, ты отдай мне Ставра, а я прощу тебе дань за двенадцать лет и вернусь к Золотой Орде.

Неохота князю Владимиру Ставра отдавать, да делать нечего.

— Бери,— говорит,— Ставра, молодой посол.

Тут жених и конца пира не дождался, вскочил на коня, посадил сзади Ставра и поскакал в поле к своему шатру.

У шатра он его спрашивает:

— Али не узнал меня, Ставер Годинович? Мы с тобой вместе грамоте учились.

— Не видал я тебя никогда, татарский посол.

Зашел посол в белый шатер, Ставра у порога оставил. Быстрой рукой сбросила Василиса татарское платье, надела женские одежды, приукрасилась и вышла из шатра.

— Здравствуй, Ставер Годинович! А теперь ты тоже не узнаешь меня?

Поклонился ей Ставер:

— Здравствуй, моя любимая жена, молодая умница Василиса Микулишна. Спасибо, что ты меня из неволи спасла. Только где твои косы русые?

— Косами русыми, мой любимый муж, я тебя из погреба вытащила.

— Сядем, жена, на быстрых коней и поедем к Чернигову.

— Нет, не честь нам, Ставер, тайком убежать, пойдем мы к князю Владимиру пир кончать.

Воротились они в Киев, вошли к князю в горницу. Удивился князь Владимир, как вошел Ставер с молодой женой. А Василиса Микулишна князя спрашивает:

— Ай, Солнышко Владимир-князь, я — грозный посол, Ставрова жена, воротилась свадебку доигрывать. Отдашь ли замуж за меня племянницу?

Вскочила Забава-княжна:

— Говорила я тебе, дядюшка! Чуть бы смеху не наделал по всей Руси, чуть не отдал девицы за женщину.

Со стыда князь и голову повесил, а богатыри, бояре смехом давятся.

Встряхнул князь кудрями и сам смеяться стал:

— Ну уж и верно ты, Ставер Годинович, молодой женой расхвастался. И умна, и смела, и собой хороша. Она всех вокруг пальца обвела, и меня, князя, с ума свела. За нее и за обиду напрасную отдарю я тебя подарками драгоценными.

Вот и стал отъезжать домой Ставер Годинович с прекрасной Василисой Микулишной. Выходили провожать их князь с княгинею, и богатыри, и слуги княжеские.

Стали они дома жить-поживать, добра наживать.

А про Василису прекрасную и песни поют и сказки сказывают.

МУДРАЯ ЖЕНА

Поехал царский сын на охоту. Гонялся за красным зверем, да и не заметил, как заехал в незнакомое место. Коня остановил и не знает, куда тронуться, как выбраться на дорогу.

Поехал направо — лес стеной стоит, налево повернул — лес: нет нигде ни пути, ни дороги.

Так кружил он от вечерней зари до утренней. Конь под ним притомился, и сам из сил выбился, а лесу и конца краю нет.

Поутру, как стало светать, приметил: стежка вьется. Обрадовался, направил коня по следу, и вывела его стежка-дорожка из лесу на широкое поле, на чистое раздолье.

Окинул взглядом местность, деревню увидал. Добрался царский сын до деревни и повернул к избе, где дым из трубы столбом валил.

«Коли печь топится, думает, хозяева не спят».

Спешился, коня привязал, сам на крыльцо поднялся, вошел в сени и только дверь в избу размахнул, как видит: выскочила из-за кросен девица, метнулась за печь и оттуда говорит:

— Худо, коли двор без ушей, а изба без очей. Не обессудь, добрый молодец, постой у порога.

Царевич думает:

«Что это она говорит, уж в своем ли разуме?»

Потом спрашивает:

— Ты что, одна живешь или родные есть?

— Зачем одна,— девица из-за печи отвечает,— есть у меня отец с матерью да брат, только сегодня никого дома не случилось.

— Где они? — спрашивает гость.

— Родители пошли взаймы плакать, а брат угнал сто рублей на пятак менять.

И опять царский сын ничего не понял.

В ту пору девица вышла из-за печи.

Вскинул на девицу глаза царский сын, да так и обомлел: стоит как пень, слова не вымолвит и шагу ступить не может. До чего хороша девица — весь белый свет обойти, эдакой не сыскать. Коса русая ниже пояса, голубые глаза ярче звезд горят, щеки — маковый цвет, и сама вся, будто утренняя заря.

Приветливо на гостя взглянула, промолвила:

— Проходи, садись да сказывай, как тебя звать-величать и за каким делом к нам пожаловал?

Опомнился царский сын, прошел, сел на лавку и рассказал, как по лесу блуждал, как в деревню попал, а сам от девицы глаз отвести не может.

— Что это ты говорила про двор без ушей да про избу без очей, мне невдомек.

Улыбнулась девица.

— А чего тут мудреного. Была бы у нас собака на дворе, она бы залаяла на тебя, а я и услышала бы, что кто-то не свой идет. Вот тебе и двор без ушей. А про избу без очей вот к чему сказала: были бы в семье дети, они бы в окно увидели незнакомого человека и мне бы сказали,— вот и не застал бы ты меня врасплох, неприбранную.

— Ну, а про родителей да про брата что рассказывала? — гость спросил.

«Ой, какой бестолковый, недогадливый, будто неживой, а с виду ладный, пригожий»,— подумала девица и ответила:

— Родители пошли на погост, на похороны — покойника оплакивать, а как придет черед, сами умрут, тогда добрые люди придут их хоронить да оплакивать. А брат на сторублевом коне поехал зайцев гонять. Зайца заполюет — прибыли на пятак, а коня загонит — убытку на сто рублей.

Покуда так говорила, стол накрыла.

— Садись, позавтракай: чем богаты, тем и рады.

Накормила, напоила и дорогу указала:

— Вот так поезжай, не собьешься и к вечеру домой попадешь.

Уехал царский сын и с того дня затосковал: не ест, не пьет, красная девица из ума нейдет.

Роднтелн сокрушаются — жаль сына. Пиры и всякие потехи заводят, ничем не могут развеселить царевича.

— Надо его женить,— старый царь говорит,— обзаведется своей семьей — и всю печаль как рукой снимет.

Велел царевича позвать.

— Вот что, сын любезный, пришла пора тебе своей семьей обзаводиться: и годами ты вышел, и нам с царицей охота на внучат порадоваться. За невестой дело не станет. Любая царевна, любая королевна с радостью за тебя пойдет.

— Есть и в нашем царстве девица неописанной красоты,— царевич отвечает.

— Добро,— молвил царь-отец,— скажи, куда сватов засылать, в чьем боярском дворе зазноба завелась?

Рассказал царский сын, как он на охоте попал в незнакомую местность н как в дальней деревне увидал девицу красавицу.

— Не царевна она, не боярышня: черносошного крестьянина дочь мне по сердцу пришлась, и никакой иной невесты не надобно.

Царь ладонями всплеснул, ногой топнул:

— Век тому не быть, чтобы я с холопами породнился!

— Воля твоя, а мне лучше век не жениться, чем немилую взять,— поклонился сын отцу и ушел в свою горницу.

Задумался царь:

«Теперь-то он из моей воли не выйдет, а как станет на царство после моей смерти, все равно женится на холопке».

Пошел к царице, рассказал все, как есть. Та — в слезы:

— Ой, пришла беда! Что станем делать?

— Я придумал,— царь говорит.— Эй, слуги, позовите царевича!

— Думали мы, гадали, с матерью-царицей совет держали, и вот тебе наша родительская воля,— сказал царь сыну.— Коли исполнит девица три задачи,— будь по-твоему, женись на ней, а не исполнит — пусть пеняет на себя: не топтать ей больше зеленой травы.

И подал одни льняной стебелек:

— Перво-наперво пусть из этого льна пряжи напрядет, из пряжи той полотна наткет да мне рубашку со-

шьет,— погляжу, какова мастерица, в рукоделье искусница.

Повез царский сын отцовский наказ.

Увидала его девица в окно, выбежала на улицу. У ворот гостя встретила, ласково взглянула:

— По доброй воле заехал или неволя привела?

Забилось сердце у царевича. Стоит он, с ноги на ногу переминается, молчит. Потом осмелился и проговорил:

— Полюбилась ты мне, девица-душа. Приехал я тебя замуж звать.

Зарделась девица и стала еще краше. Потом чуть слышно промолвила:

— Коли так привелось, видно, так тому и быть, люб и ты мне. Мои родители перечить не станут, и тебе своих отца с матерью надо спросить.

Царевич без утайки рассказал все, что дома было, и подал льняной стебель.

Выслушала девица царский наказ, улыбнулась. Потом выломала из веника березовый прут.

— Пусть из этого прута сделают прялку и челнок, пусть веретен наточат да бердо приготовят что ни есть для самого тонкого полотна, тогда и я царский приказ исполню.

Воротился царский сын домой, подал царю березовый прут и сказал, о чем девица просила.

Удивился царь, досадует про себя:

«Ну ты хитра, а я похитрее тебя!»

Приказал принести сотню вареных яиц:

— Отвези невесте, пусть из этих яиц цыплят выведет и к свадебному столу откормит.

Выслушал царевич новый приказ, опечалился, а перечить не посмел, поехал к невесте.

Девица яйца приняла, принесла горшок с пшенной кашей и говорит:

— Отдай это пшено царю, пусть его посеют да просо вырастят, другого те цыплята не станут клевать.

Воротился царевич, отдал отцу кашу.

Выслушал царь девицыны слова и велел царевичу прийти через три дня.

Думал старый царь и день и другой, на третье утро встал веселый, посмеивается:

— Ну, теперь будет холопка знать, как с царем тягаться!

Сына позвал:

— Поезжай, зови суженую в гости, надо нам перед свадьбой посмотреть будущую невестку. Пусть она будет не в платье, не без платья; не с подарком, не без подарка; не пешая, не конная, а верхом.

Приехал царевич к невесте, пересказал царский приказ.

Отец с матерью и брат запечалились:

— Ох, неспроста царь задал эдакую задачу!

И царевич загрустил.

А девица-краса веселехонько отвечает:

— Передай родителям, пусть завтра после полудня ожидают.

Распростился жених, уехал.

Говорит девица:

— Поймай мне, братец, к утру живого зайца да живую перепелку.

Брат тотчас отправился в лес. Девица родителей утешает:

— Ни о чем не тужите, не печальтесь — все дело уладится.

На другой день после полудня царь сидит в верхнем тереме, глядит в окно. Заметил девицу и дал слуге приказанье: как только ворота перед ней откроют — спустить с цепи самых лютых кобелей.

А сам засмеялся:

— Только ты и жила на свете — в клочья разорвут.

Глядит в окно. Ближе и ближе девица, и видит: вместо платья на ней многорядная частая сеть накинута — не в платье, не без платья. Поводьями девица правит, прутом зайца взнузданного погоняет — ни пешая, ни на коне, а верхом.

И только девица ворота отворила, как бросились на нее страшенные цепные псы.

Царь кинулся вон из терема, скорым-скоро спустился вниз, выбежал на крыльцо и видит: далеко-далеко за воротами скачет заяц, а за ним две собаки гонятся, растилаются. Скрипнула ступень, глянул царь — поднимается по лестнице девушка, многорядно в частую сеть закутанная и столь красивая, что ни вздумать, ни сказать, ни пером описать.

Поклонилась девица и с улыбкой говорит:

— Много чести мне, коли сам царь на крыльцо встречать вышел.

Руку протянула:

— Вот мой подарок.

Царь хотел подарок взять, а девица пальцы разжала, и в ту же минуту — порск: перепелка взвилась, мимо самого царского носа кверху поднялась.

Царь бороду задрал, в небо глядит.

— И не с подарком, и не без подарка,— говорит девица, улыбается,— как наказано, так и есть.

Царь на перепелку загляделся, оступился и кулем повалился под лестницу, только ступени трещат.

Кинулась девица на помощь, слуги сбежались, помогли царю подняться. Стоит, ойкает, бока почесывает.

Царевич услышал шум, выбежал на крыльцо, увидел невесту, обрадовался.

В ту пору и царь опомнился, приосанился.

— Ну, любезная гостья, уважила, все как есть помоему сделала. Пойдем в покои, там тебя царица ждет.— А сам думает: «Делать нечего, царское слово негоже нарушать. Ну, а вперед видно будет».

Ухоронилась девица за смородинный куст, сбросила сеть и оказалась в нарядном платье.

Все глядят на нее — не наглядятся, переговариваются между собой:

— Эдакой красоты век не видано!

И царица слезы осушила, повеселела сразу, как только увидала девицу — ненаглядную красоту.

Царь говорит:

— Все три задачи невеста исполнила, теперь можно веселым пирком да за свадебку приниматься.

Скоро свадьбу сыграли, и живут молодые душа в душу, не нарадуются.

Много ли, мало ли прошло времени, старый царь с царицей задумали поехать в иное царство, к царицыной сестре в гости.

Перед отъездом царь сыну с невесткой говорит:

— Покуда не вернусь, ты, сын любезный, царством правь — суды суди и ряды ряди, во всем твоя воля, а ты, невестушка, за кладовыми да за поварней гляди, добро береги и, смотри, в царские дела не встревай — то дело не бабьего ума. Не послушаешь — на себя пеняй.

Уехали царь с царицей. А царевич как-то раз ездил на охоту. На обратном пути у городских ворот остановил его бедный мужик.

— Добрый человек, скажи, как мне царя повидать.

— Зачем тебе надо царя повидать? — спрашивает царский сын.

— А затем,— мужик отвечает,— чтобы узнать, совсем ли правда на свете перевелась?

— Почему ты думаешь, что правда на свете перевелась? — царевич спрашивает.

— Потому, что бедный человек всегда и во всем кругом виноват, а богатый всегда и во всем прав,— отвечает мужик.

— Как так? — дивится царевич.

— А вот как,— мужик говорит,— довелось мне вчера судиться с богатым соседом, и я на себе испытал, что богатый всегда прав и что в суде правды нет.

Расспросил царевич, с кем мужик судился и какой судья судил, потом говорит:

— Завтра в полдень приходи в царский дворец.

Воротился царевич домой и приказал позвать того судью и богатого крестьянина во дворец.

На другой день собрались на царском дворе судья, богатый крестьянин и бедный мужик.

В полдень вышел царевич на крыльцо, спрашивает бедного мужика:

— Говори, что надобно от царя.

— Чтобы по правде нас рассудил,— ответил бедный мужик и стал рассказывать.— Собрались мы с соседом на базар. В его телегу запрягли мою кобылу. В пути-дороге пристигла нас ночь, остановились в поле. Утром глядим — жеребенок под телегой лежит, моя кобыла ожеребилась.

— Нет, врешь! — богатый мужик закричал.— Это моя телега ожеребилась!

Спрашивает царевич судью:

— Ты, судья, что скажешь? Кому жеребенка присудил?

— Я судил по правде: чей жеребенок, тому и присудил,— и на богатого крестьянина указывает: — Его жеребенок.

— Как о том узнал? — царевич спрашивает.

Судья отвечает:

— Так ведь жеребенок-то под телегой лежал, стало быть, и ожеребилась телега, а не кобыла.

Задумался царевич:

«В самом деле, ведь если бы кобыла ожеребилась, зачем бы жеребенку под телегой лежать? Судья, кажется, правильно рассудил».

В ту пору выбежала на крыльцо молодая жена царевича.

— Чей жеребенок, легко узнать, что тут долго думать.

— Как так легко узнать? — спрашивает царевич.

— А вот так,— жена отвечает: — жеребенок за матерью побежит. Ты со своей телегой поди налево,— говорит она богатому мужику,— а ты свою кобылу в другую сторону веди,— приказывает бедняку.

Так и сделали, и жеребенок побежал за кобылой.

— Видишь,— говорит она царевичу,— не по правде судья суд судил.

И присудил царевич: отдать жеребенка бедному мужику, а неправедного судью от должности отрешил.

Старый царь с царицей домой воротились. Стали ему бояре наговаривать.

— Без тебя, царь-государь, мужичья дочь, лапотница, все дела вершила, много верных слуг твоих от должности отрешила, а царевича совсем околдовала. Во всем он ей потакает, нас, бояр, и приказных людей ни во что не ставит.

Позвал старый царь невестку.

— Ты меня не послушалась, и за то тебе наказанье: уходи куда знаешь.

Спрашивает она:

— Куда я пойду, как жить стану, когда мое самое дорогое здесь?

Старый царь думает: «Жемчугов да нарядов дорогих жалеет», и говорит:

— Бери все, что хочешь, только уходи с глаз долой, чтобы к утру тебя тут не было.

И приказал коней запрягать.

На другое утро спрашивает царь:

— Уехала ли лапотница?

— Уехала и царевича увезла,— отвечает дворецкий.

— Как так царевича увезла? — царь закричал.

— Сказывала,— отвечает дворецкий,— что ты ей позволил взять самое дорогое, а дороже мужа-де нет ничего.

Забушевал царь:

— Так ведь я про наряды думал. Сейчас же погоню послать, воротить назад!

Царевича с женой воротили.

А как умер старый царь, заступил сын на царство и во всех делах советовался с мудрой женой.

ГОРЕ

В одной деревушке жили два мужика, два родные брата: один был бедный, другой богатый. Богач переехал на житье в город, выстроил себе большой дом и записался в купцы; а у бедного иной раз нет ни куска хлеба, а ребятишки — мал мала меньше — плачут да есть просят. С утра до вечера бьется мужик как рыба об лед, а все ничего нет. Говорит он однова́ своей жене: «Дай-ка пойду в город, попрошу у брата: не поможет ли чем?» Пришел к богатому: «Ах, братец родимый! Помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дети без хлеба сидят, по целым дням голодают».— «Проработай у меня эту неделю, тогда и помогу!» Что делать? Принялся бедный за работу: и двор чистит, и лошадей холит, и воду возит, и дрова рубит. Через неделю дает ему богатый одну ковригу хлеба: «Вот тебе за труды!» — «И за то спасибо!» — сказал бедный, поклонился и хотел было домой идти. «Постой! Приходи-ка завтра ко мне в гости и жену приводи: ведь завтра — мои именины».— «Эх, братец, куда мне? Сам знаешь: к тебе придут купцы в сапогах да в шубах, а я в лаптях хожу да в худеньком сером кафтанишке».— «Ничего, приходи! И тебе будет место».— «Хорошо, братец, приду».

Воротился бедный домой, отдал жене ковригу и говорит: «Слушай, жена! Назавтрее нас с тобой в гости звали».— «Как в гости? Кто звал?» — «Брат; он завтра именинник».— «Ну́ что ж, пойдем». Наутро встали и пошли в город, пришли к богатому, поздравили его и уселись на лавку. За столом уж много именитых гостей сидело; всех их угощает хозяин на славу, а про бедного брата и его жену и думать забыл — ничего им не дает; они сидят да только посматривают, как другие пьют да

едят. Кончился обед; стали гости из-за стола вылазить да хозяина с хозяюшкой благодарить, а бедный тож — поднялся с лавки и кланяется брату в пояс. Гости поехали домой пьяные, веселые, шумят, песни поют.

А бедный идет назад с пустым брюхом. «Давай-ка,— говорит жене,— и мы запоем песню!» — «Эх ты, дурак! Люди поют от того, что сладко поели да много выпили; а ты с чего петь вздумал?» — «Ну, все-таки у брата на именинах был; без песен мне стыдно идти. Как я запою, так всякий подумает, что и меня угостили...» — «Ну, пой, коли хочешь, а я не стану!» Мужик запел песню, и послышалось ему два голоса; он перестал и спрашивает жену: «Это ты мне подсобляла петь тоненьким голоском?» — «Что с тобой? Я вовсе и не думала».— «Так кто же?» — «Не знаю! — сказала баба.— А ну, запой, я послушаю». Он опять запел; поет-то один, а слышно два голоса; остановился и спрашивает: «Это ты, Горе, мне петь пособляешь?» Горе отозвалось: «Да, хозяин! Это я пособляю».— «Ну, Горе, пойдем с нами вместе».— «Пойдем, хозяин! Я теперь от тебя не отстану».

Пришел мужик домой, а Горе зовет его в кабак. Тот говорит: «У меня денег нет!» — «Ох ты, мужичок! Да на что тебе деньги? Вишь, на тебе полушубок надет, а на что он? Скоро лето будет, все равно носить не станешь! Пойдем в кабак, да полушубок по боку...» Мужик и Горе пошли в кабак и пропили полушубок. На другой день Горе заохало, с похмелья голова болит, и опять зовет хозяина винца испить. «Денег нет»,— говорит мужик. «Да на что нам деньги? Возьми сани да телегу — с нас и довольно!» Нечего делать, не отбиться мужику от Горя: взял он сани и телегу, потащил в кабак и пропил вместе с Горем. Наутро Горе еще больше заохало, зовет хозяина опохмелиться; мужик пропил и борону и соху. Месяца не прошло, как он все спустил; даже избу свою соседу заложил, а деньги в кабак снес. Горе опять пристает к нему: «Пойдем да пойдем в кабак!» — «Нет, Горе! Воля твоя, а больше тащить нечего».— «Как нечего? У твоей жены два сарафана: один оставь, а другой пропить надобно». Мужик взял сарафан, пропил и думает: «Вот когда чист! Ни кола, ни двора, ни на себе, ни на жене!»

Поутру проснулось Горе, видит, что у мужика нечего больше взять, и говорит: «Хозяин!» — «Что, Горе?» — «А вот что: ступай к соседу, попроси у него пару волов

с телегою». Пошел мужик к соседу: «Дай, просит, на времечко пару волов с телегою; я на тебя хоть неделю за то проработаю».— «На что тебе?» — «В лес за дровами съездить».— «Ну, возьми; только не велик воз накладывай».— «И, что ты, кормилец!» Привел пару волов, сел вместе с Горем на телегу и поехал в чистое поле. «Хозяин! — спрашивает Горе.— Знаешь ли ты на этом поле большой камень?» — «Как не знать!» — «А когда знаешь, поезжай прямо к нему». Приехали они на то место, остановились и вылезли из телеги. Горе велит мужику поднимать камень; мужик поднимает, Горе пособляет; вот подняли, а под камнем яма — полна золотом насыпана. «Ну, что глядишь? — сказывает Горе мужику.— Таскай скорей в телегу».

Мужик принялся за работу и насыпал телегу золотом, все из ямы повыбрал до последнего червонца; видит, что уж больше ничего не осталось, и говорит: «Посмотри-ка, Горе, никак там еще деньги остались?» Горе наклонилось: «Где? Я что-то не вижу!» — «Да вон в углу светятся!» — «Нет, не вижу».— «Полезай в яму, так и увидишь». Горе полезло в яму; только что опустилось туда, а мужик и накрыл его камнем. «Вот этак-то лучше будет! — сказал мужик.— Не то коли взять тебя с собою, так ты, Горе горемычное, хоть не скоро, а все же пропьешь и эти деньги!» Приехал мужик домой, свалил деньги в подвал, волов отвел к соседу и стал думать, как бы себя устроить; купил лесу, выстроил большие хоромы и зажил вдвое богаче своего брата.

Долго ли, коротко ли — поехал он в город просить своего брата с женой к себе на именины. «Вот что выдумал! — сказал ему богатый брат.— У самого есть нечего, а ты еще именины справляешь!» — «Ну, когда-то было нечего есть, а теперь, слава богу, имею не меньше твоего; приезжай — увидишь».— «Ладно, приеду!» На другой день богатый брат собрался с женою, и поехали на именины; смотрят, а у бедного-то голыша хоромы новые, высокие, не у всякого купца такие есть! Мужик угостил их, употчевал всякими наедками, напоил всякими медами и винами. Спрашивает богатый у брата: «Скажи, пожалуй, какими судьбами разбогател ты?» Мужик рассказал ему по чистой совести, как привязалось к нему Горе горемычное, как пропил он с Горем в кабаке все свое добро до последней нитки: только и осталось, что

душа в теле; как Горе указало ему клад в чистом поле, как он забрал этот клад да от Горя избавился.

Завистно стало богатому: «Дай, думает, поеду в чистое поле, подниму камень да выпущу Горе — пусть оно дотла разорит брата, чтоб не смел передо мной своим богатством чваниться». Отпустил свою жену домой, а сам в поле погнал; подъехал к большому камню, своротил его в сторону и наклоняется посмотреть, что́ там под камнем? Не успел порядком головы нагнуть — а уж Горе выскочило и уселось ему на шею. «А, кричит, ты хотел меня здесь уморить! Нет, теперь я от тебя ни за что не отстану».— «Послушай, Горе! — сказал купец.— Вовсе не я засадил тебя под камень...» — «А кто же, как не ты?» — «Это мой брат тебя засадил, а я нарочно пришел, чтоб тебя выпустить».— «Нет, врешь! Один раз обманул, в другой не обманешь!» Крепко насело Горе богатому купцу на шею; привез он его домой, и пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе уж с утра за свое принимается; каждый день зовет купца опохмелиться; много добра в кабак ушло. «Этак несходно жить! — думает про себя купец.— Кажись, довольно потешил я Горе; пора б и расстаться с ним, да как?»

Думал, думал и выдумал: пошел на широкий двор, обтесал два дубовых клина, взял новое колесо и накрепко вбил клин с одного конца в втулку. Приходит к Горю: «Что ты, Горе, все на боку лежишь?» — «А что ж мне больше делать?» — «Что делать! Пойдем на двор в гулючки играть». А Горе и радо; вышли на двор. Сперва купец спрятался — Горе сейчас его нашло, после того черед Горю прятаться. «Ну, говорит, меня не скоро найдешь! Я хоть в какую щель забьюсь!» — «Куда тебе! — отвечает купец.— Ты в это колесо не влезешь, а то — в щель!» — «В колесо не влезу? Смотри-ка, еще как спрячусь!» Влезло Горе в колесо; купец взял да и с другого конца забил в втулку дубовый клин, поднял колесо и забросил его вместе с Горем в реку. Горе потонуло, а купец стал жить по-старому, по-прежнему.

РАЗБОЙНИК ТРИШКА СИБИРЯК

Узнал Тришка Сибиряк: в Смоленской губернии живет барин; у этого барина его мужикам житья не было; всех в разор разорил! Прослышал про того барина Тришка Сибиряк.

«Надо, думает, проучить хорошего барина; без науки тому барину жить — век дураком слыть; стало, надо его на ум навести, чтобы ему на тот народ не стыдно свои очи выставить!..»

Посылает ему Тришка письмо, а в письме было написано:

«Ты, барин, может, и имеешь душу, да анафемскую; а я, Тришка, пришел к тебе повернуть тебе душу на путь, на истину. Ты своих мужиков в разор разорил, а я думаю теперь, как тех мужиков поправить. Думал я, думал, и вот что я выдумал: ты виноват, ты и в ответе будь. Ты обижал мужиков, ты их и вознагради; потому прошу тебя честью: выдай мужикам на каждый двор по пятидесяти рублев; честию прошу, не введи ты меня, барин, во грех,— рассчитайся по-божьи».

Получил барин это письмо,— не то что спокоиться, а выше в гору пошел; больше озлился, стал мужиков перебирать, стал допрашивать, кто подметное письмо принес. А мужики про то дело и не ведали... Так тому письму барин не внял, веры письму не дал. Проходит сколько там времени, барин прочитал еще письмо от Тришки:

«Ты моим словам не поверил; я не люблю этого; только вот что я скажу тебе: не в моем обычае за первую вину казнить; а, по-моему, за первую вину только научить надо. Вот тебе какая наука: не хотел ты дать мужикам по пятидесяти рублев, дай по сту; это тебе

наука. Только мужиков трогать не моги — с живого кожу сниму, мужики в том не виноваты. Жду три дня».

Прошло три дня — барин никому ни слова: денег жаль и за мужиков приниматься боится, со шкурой своей барской расстаться не хочет; хоть и не дорого своя шкура обошлась, только эту снимут, другой не скоро и наживешь. Стало, беречь пока эту...

Пока барин раздумывал, Тришка написал еще письмо:

«Просил я тебя, барин, честью мужикам помочь тысячью — ты не помог; просил тебя помочь двумя — ты мои слова ни во что поставил. Теперь жди меня, Тришку, к себе в гости. А как тебе, барину, надо приготовиться, как бы лучше гостя принять, даю тебе сроку две недели — приготовься. Только пирогов, что в Туле печены, по-нашему, ружьями зовут,— не надо, не готовь,— я до них не охотник».

Получил барин это письмо, стал снаряжаться, как бы гостя непрошеного принять так, чтобы самому не остаться ни при чем. Всех своих мужиков, всю дворню собрал, роздал всем ружья; послал и в город сказать: гостя, мол, жду.

К приему гостя было сготовлено все как следует; с самого раннего утра все были на ногах: на барском дворе толкотня страшная, все с ружьями, просто ко двору приступу нет!.. Перед ранним обедом пришли солдаты с офицером.

— Зачем пожаловали? — спрашивает барин у офицера.

— Так и так,— говорит офицер,— слышали мы, что к вам нынче обещался приехать вор Тришка Сибиряк, так из города меня с моей командой и прислали к вам на подмогу.

— Очень благодарен,— говорит барин,— хоть я и не боюсь Тришки, а все-таки народу больше — лучше. Милости просим с дорожки закусить, чем бог послал; пойдемте ко мне в дом, а солдатушки ваши пусть здесь останутся, я им велю сюда вынести водки, закусить...

Пошел барин с офицером в дом, приказал подать сейчас закуску. Закусили, стали толковать о том о сем, барин и повеселел. Выпили еще. Офицер еще приободрился: так и сыплет про войну, где он воевал, когда, как... да на речах-то вышел такой легкий...

— Уж как я вам благодарен,— говорит барин,— как

вам благодарен, и сказать нельзя! С вами я не только Тришки, а просто никого не боюся. Что мне Тришки бояться, скажите мне?

— Разумеется,— говорит офицер,— чего бояться Тришки!

Сказал это офицер, посмотрел кругом, видит — в комнате только они вдвоем с барином сидят, а больше никого нет.

— Коли вы, барин,— говорит офицер,— не боитесь Тришки, мне и подавно его бояться нечего!..

— Отчего ж так? — спросил барин.

— Оттого так, барин, что я тот самый и есть Тришка Сибиряк; так мне самому себя бояться не приходится.

Барин так и обомлел от великой робости.

— Слушай,— сказал Тришка, а сам из кармана пистолет вынул,— слушай, просил я у тебя, барин, тысячу, не для себя просил, а просил для твоих же рабов — ты не дал; наказал тебя; просил две тысячи — ты и тут не восчувствовал! Теперь ты давай двадцать тысяч: две тысячи я отдам твоим мужикам, а остальное, что там останется, на свою братию возьму; надо что-нибудь и нам с вашей милости на водку получить. За такую науку как не взять!

Барин стоит, только глазами хлопает: никак того дела в толк не возьмет...

— Полно, барин, глазами-то хлопать, рассчитаемся честно, да и бог с тобою и со всем; мне некогда, пора домой.

— У меня деньги,— говорит барин, когда опомнился,— в другой комнате; ты здесь погоди, я тебе все сполна принесу.

— Ох, барин, молодец барин: подрастешь — плут будешь!

— Да я, право... да я, ей-богу...— забормотал барин.

— Ничего, барин, сочтемся! Ты ступай спереди, а я хоть и сзади; только знай: пальцем кивнешь — в затылок пулю пущу. Ты делай свое дело, а я свое сделаю.

Барин пошел передом, а позади барина Тришка Сибиряк. Вышли в двери, а в другой комнате народу-то, народу!.. Да все с ружьями!

Перешли еще в другую комнату — там никого нет.

Отсчитал барин денежки; ровно двадцать тысяч, от-

считал, отдал Тришке, остальные завернул и опять под замок.

— Видишь, я не в тебя, я слово держу: обещал быть у тебя в гостях — был; дал слово взять двадцать тысяч — взял двадцать тысяч, больше не беру; а хоть, видишь сам, и все бы отнял,— нечего делать, все своими руками бы отдал. Теперь проводи ты меня хоть за версту от деревни, а там и простимся.

Барин проводил сам самолично Тришку с товарищами за ворота, а там еще версты полторы, да и расклаиялся...

— Смотри ж,— на прощанье наказывает Тришка барину,— смотри ж, мужиков не обижать! Обидишь мужиков, бог тебя обидит, а то, может, и я, грешный, к тебе тогда в гости побываю!

С тех пор барин шелковый сделался! Что значит хорошая наука... Много значит!

И много он учил их братию! Едет раз мужичонко с возом; а на возу было накладено, что и на хорошей лошади не свезти; а у мужичка была лошаденка плохонькая, а еще и поклажа-то барская,— с которой стороны ни поверни, все тяжело... Едет мужик с возом, горе мыкает, а навстречу ему шестериком катит сам барин. Поравнялся барин с мужиком.

— Стой,— кричит барин,— стой, что ты тихо едешь? Отчего у тебя лошадь не везет?

Не успел барин раскричаться как надо, как из-за куста вырос какой-то мужик, снял шапку, низехонько поклонился барину, да и говорит:

— Пожалуйста, барин, ваше благородие, окажи такую милость: подари ты этому мужику левую пристяжную...

— Как ты смеешь, мужик, мне это говорить... Дурак! — закричал барин.

— Уж сделай милость,— пристает мужик,— подари мужику левую пристяжную!..

— Как ты смеешь мне это говорить! Да знаешь, что я с тобой сделаю!.. Да кто ты такой?..

— А осмелюсь вашей милости доложить: я человек небольшой, а прозываюсь Тришка Сибиряк.

Как услыхал барин, что перед ним стоит Тришка Сибиряк, куда и прыть вся девалась...

— А,— говорит,— здравствуй, Тришка! Возьми лошадь, какую хочешь; пусть мужичок доедет до дому, я и

пятериком доеду, лошади ничего не сделается; после только пусть приведет.

— Нет уж, барин хороший, подари, пожалуйста, мужичку совсем лошадку; а ты прикупишь еще лошадку, а то и пятериком проездишь, и пятериком тебе, чай, можно... На своих лошадях ты ездишь недалеко, а подальше, чай, на сотских!

— Изволь, Триша, изволь! Я для тебя, Триша, и совсем могу это сделать, могу и подарить!

— Только уж не изволь, барин хороший, лошадки отнимать у мужика. Не для себя прошу, прошу для твоего же здоровья: ты знаешь, может, мой обычай; не введи, для Христа, меня во грех.

— Изволь, изволь!

Припрег мужик к возу левую пристяжную, да с крестом да молитвой благополучно и до дому доехал, да еще и после на той лошади сколько ездил...

Никого Тришка Сибиряк не обижал крепко, разве какого барина, лихого до крестьян, что раз поучит; не послушает — другой раз поучит; в толк не возьмет — так такому лихому под коленками жилки подрежет, «чтоб не очень, говорит, прытко бегал!» Вот только и всего!..

БАРИН И ПЛОТНИК

Ехал плотник из лесу, толстое бревно вез. Навстречу ему барин на тройке катит.

— Эй, мужик, вороти с дороги.

— Нет, барин, ты вороти. Я с возом, а ты порожняком — тебе и воротить.

Не стал барин много разговаривать, крикнул кучеру да слуге:

— Свалите, ребята, воз с дороги да всыпьте ему хорошенько, чтобы знал, как барину перечить.

Слуга с кучером не посмели барина ослушаться, с козел соскочили, воз опрокинули в канаву, а плотника побили. Потом сели и поехали, только пыль столбом завилась.

Бился, бился плотник, вызволил кой-как воз из канавы, а сам думает:

«Ладно, барин, даром тебе это не пройдет, будешь помнить, как мастерового человека обижать».

Добрался до дому, свалил бревно, захватил пилу да топор и отправился в помещичью усадьбу. Идет мимо барского дома и кричит:

— Кому теплые сени сработать, кому баню срубить?

А барин строиться любил. Услыхал и зовет плотника:

— Да сумеешь ли ты хорошо сени построить?

— Отчего не сумею? Вот неподалеку отсюда такой лес растет, что коли из того леса сени построить, так и зимой их топить не надо, всегда будет тепло.

И зовет барина:

— Пойдем со мной строевой лес выбирать.

Пришли в лес. Ходит плотник от дерева к дереву да обухом поколачивает. Ударит, потом ухом приложится, послушает.

— Это нам не годится. А вот это — в самый раз подойдет.

Спрашивает барин:

— Как это ты можешь знать, какое дерево годится? Научи и меня.

Подвел его плотник к толстому дереву.

— Обними вот это дерево и ухом крепче приложись. Я буду постукивать, а ты слушай, только крепче прижмись.

— Да у меня руки не хватают обнять дерево.

— Ничего, давай тебя привяжу.

Привязал барина за руки к дереву, выломал березовый прут и давай его тем прутом потчевать. Бьет да приговаривает:

— Я тебе и еще взбучку дам, будешь знать, как мужика напрасно обижать.

Бил, бил и оставил барина к дереву привязанным. Сам ушел.

Только на другой день нашли барина, отвязали его и привезли домой.

Слег барин с тех побоев в постель, хворает.

А плотник прикинулся знахарем, переоделся так, что узнать нельзя, и пришел в усадьбу.

— Не надо ли кого полечить, поправить?

Барин услыхал и зовет:

— Полечи, братец, меня. Кони понесли, да вот упал и с тех пор ни сесть, ни встать не могу.

— Отчего не полечить? Прикажи истопить баню — да скажи, чтобы никто к нам входить не смел, а то сглазят и все лечение пропадет, еще хуже тебе будет.

Баню вытопили, привел плотник барина, двери запер и говорит:

— Раздевайся и ложись на скамью, буду тебя едучей мазью мазать да парить; придется тебе потерпеть.

— Лучше ты меня привяжи к скамье, а то как бы не упасть.

Плотнику того и надо. Привязал барина к скамье крепко-накрепко и давай ремнем стегать.

Бьет да приговаривает:

— Не обижай напрасно мастерового человека, не обижай мужика.

Напотчевал барина сколько надо и ушел домой.

На другой день приехал барин в город, увидал на базаре плотника и спрашивает:

— Скажи, мужичок, ты ведь вчерашний?

А плотник смекнул, в чем дело, и отвечает:

— Никак нет, мне сорок шесть лет, какой же я вчерашний!

И пошел барин прочь не солоно хлебавши и заклялся с той поры мастеровых обижать.

БАТРАК

Жил-был мужик; у него было три сына. Пошел старший сын в батраки наниматься; пришел в город и нанялся к купцу, а тот купец куда был скуп и суров! Только одну речь и держал: как запоет петух, так и вставай, батрак, да принимайся за работу. Трудно, тяжело показалось парню; прожил он с неделю и воротился домой. Пошел средний сын, прожил у купца с неделю, не выдержал и взял расчет. «Батюшка,— говорит меньшой сын,— позволь, я пойду в батраки к купцу».— «Куда тебе, дураку! Знал бы сидел на печи! Получше тебя ходили, да ни с чем ворочались».— «Ну как хочешь, а я пойду!» Сказал и пошел к купцу. «Здравствуй, купец!» — «Здравствуй, молодец! Что хорошего скажешь?» — «Найми меня в батраки».— «Изволь; только у меня, брат, как петух запоет — так и ступай на работу на весь день».— «Знамое дело: нанялся, что продался!» — «А что возьмешь?» — «Да что с тебя взять? Год проживу — тебе щелчок да купчихе щипок; больше ничего не надо».— «Ладно, молодец! — отвечает хозяин, а сам думает: — Экая благодать! Вот когда дешево нанял, так дешево!»

Ввечеру батрак изловчился, поймал петуха, завернул ему голову под крыло и завалился спать. Уж полночь давно прошла, дело к утру идет — пора бы батрака будить, да петух не поет! Поднялось солнышко на небо — батрак и сам проснулся. «Ну, хозяин, давай завтракать, время рабо́тать идти». Позавтракал и проработал день до вечера; в сумерки опять изловил петуха, завернул ему голову за крыло и завалился спать до утра. На третью ночь опять то же. Дался диву купец, что за притча такая с петухом: совсем перестал горло драть! «Пойду-ка я,

думает, на деревню, поищу иного петуха». Пошел купец петуха искать и батрака с собою взял.

Вот идут они дорогою, а навстречу им четверо мужиков быка ведут, да и бык же — большой да злющий! Елеле на веревках удержат! «Куда, братцы?» — спрашивает батрак. «Да быка на бойню ведем».— «Эх, вы! Четверо быка ведете, а тут и одному делать нечего!» Подошел к быку, дал ему в лоб щелчок и убил до смерти; опосля́ ухватил щипком за шкуру — вся шкура долой! Купец как увидел, каковы у батрака щелчки да щипки, больно пригорюнился; совсем забыл о петухе, вернулся домой и стал с купчихой совет держать, как им беду-горе отбывать? «А вот что,— говорит купчиха,— пошлем-ка мы батрака поздно вечером в лес, скажем, что корова со стада не пришла; пускай его лютые звери съедят!» — «Ладно!» Дождались вечера, поужинали; вышла купчиха на двор, постояла у крылечка, входит в избу и говорит батраку: «Что ж ты коров в сарай не загнал? Ведь одной-то, комолой, нету!» — «Да, кажись, они все были...» — «То-то все! Ступай скорей в лес да поищи хорошенько».

Батрак оделся, взял дубинку и побрел в дремучий лес; сколько ни ходил по лесу — не видать ни одной коровы; стал присматриваться да приглядываться — лежит медведь в берлоге, а батрак думает — то корова. «Эхма, куда затесалась, проклятая! А я тебя всю ночь ищу». И давай осаживать медведя дубинкою; зверь бросился наутек, а батрак ухватил его за шею, приволок домой и кричит: «Отворяй ворота́, принимай живота!» Пустил медведя в сарай и запер вместе с коровами. Медведь сейчас принялся коров душить да ломать; за ночь всех до одной так и порешил. Наутро говорит батрак купцу с купчихою: «Ведь корову-то я нашел».— «Пойдем, жена, посмотрим, какую корову нашел он в лесу?» Пошли в сарай, отворили двери, глядь — коровы задушены, а в углу медведь сидит. «Что ты, дурак, наделал? Зачем медведя в сарай притащил? Он всех коров у нас порешил!» — «Постой же,— говорит батрак,— не миновать ему за то смерти!» Кинулся в сарай, дал медведю щелчок — из него и дух вон! «Плохо дело,— думает купец,— лютые звери ему нипочем. Разве один черт с ним сладит! Поезжай,— говорит батраку,— на чертову мельницу да сослужи мне службу великую: собери с нечистых

деньги; в долг у меня забрали, а отдавать не отдают!» — «Изволь,— отвечает батрак,— для чего не сослужить такой безделицы?»

Запряг лошадь в телегу и поехал на чертову мельницу; приехал, сел на плотине и стал веревку вить. Вдруг выпрыгнул из воды бес. «Батрак! Что ты делаешь?» — «Чай, сам видишь: веревку вью».— «На что тебе веревка?» — «Хочу вас, чертей, таскать да на солнышке сушить; а то вы, окаянные, совсем перемокли!» — «Что ты, что ты, батрак! Мы тебе ничего худого не сделали».— «А зачем моему хозяину долгов не платите? Занимать небось умели!» — «Постой немножко, я пойду спрошу старшо́го»,— сказал черт и нырнул в воду. Батрак сейчас за лопату, вырыл глубокую яму, прикрыл ее сверху хворостом, посередке свой шлык уставил, а в шлыке-то загодя дыру прорезал.

Черт выскочил и говорит батраку: «Старшо́й спрашивает: как же будешь ты чертей таскать? Ведь наши омуты бездонные».— «Великая важность! У меня на то есть веревка такая: сколько хочешь меряй, все конца не доберешься».— «Ну-ка покажи!» Батрак связал оба конца своей веревки и подал черту; уж тот мерил-мерил, мерил-мерил, все конца нету. «А много ль долгов платить?» — «Да вот насыпь этот шлык серебром, как раз будет». Черт нырнул в воду, рассказал про все старшо́му; жаль стало старому с деньгами расставаться, а делать нечего, пришлось раскошеливаться. Насыпал батрак полон воз серебра и привез к купцу. «Вот она беда-то! И черт его не берет!»

Стал купец с купчихой уговариваться бежать из дому; купчиха напекла пирогов да хлебов, наклала два мешка и легла отдохнуть, чтоб к ночи с силами собраться да от батрака уйти. А батрак вывалил из мешка пироги и хлебы да заместо того в один положил жернова, а в другой сам залез; сидит — не ворохнется, и дух притаил! Ночью разбудил купец купчиху, взвалили себе по мешку на плеча и побежали со двора. А батрак из мешка подает голос: «Эй, хозяин с хозяйкою! Погодите, меня с собой возьмите».— «Узнал, проклятый! Гонит за нами!» — говорят купец с купчихою и побежали еще шибче; во как уморились! Увидал купец озеро, остановился, сбросил мешок с плеч. «Отдохнем, говорит, хоть немножко!» А батрак отзывается: «Тише бросай, хозяин!

11*

Все бока переломаешь».— «Ах, батрак, да ты здесь!» — «Здесь!»

Ну, хорошо; решились заночевать на берегу и легли все рядышком. «Смотри, жена,— говорит купец,— как только заснет батрак, мы его бросим в воду». Батрак не спит, ворочается, с боку на бок переваливается. Купец да купчиха ждали, ждали и уснули; батрак тотчас снял с себя тулуп да шапку, надел на купчиху, а сам нарядился в ее шубейку и будит хозяина: «Вставай, бросим батрака в озеро!» Купец встал; подхватили они вдвоем сонную купчиху и кинули в воду. «Что ты, хозяин, сделал? — закричал батрак.— За что утопил купчиху?» Делать нечего купцу, воротился домой с батраком; а батрак прослужил у него целый год да дал ему щелчок в лоб — только и жил купец! Батрак взял себе его имение и стал себе жить-поживать, добра припасать, лиха избывать.

УМНЫЙ МУЖИК

В одной деревне жили-были два мужика: один богатый, а другой бедный.

У богатого мужика всего вдоволь, а у бедного — детей много, а всего добра один гусь.

И дошло дело до того, что нечем стало бедняку детей кормить. Что тут станешь делать?

Думал, думал, как быть, чем детей накормить, и надумал:

— Жарь, хозяйка, гуся!

Зажарила хозяйка гуся, поставила на стол, а хлеба нет ни крошки.

Говорит мужик:

— Ну как станем без хлеба есть, надолго ли нам гуся хватит. Лучше отнесу его барину, хлеба у него попрошу.

— Ступай, муженек, ступай,— говорит жена,— может, хоть полмешка муки даст.

Пришел мужик к барину:

— Принес тебе гуська, не побрезгуй принять, а мне хоть немного муки дай — нечем детей кормить.

— Ну, ладно,— барин говорит.— Умел ты гуся подарить, сумей его разделить промеж нас без обиды. Разделишь без обиды — дам муки, а не сумеешь — выпороть прикажу.

А семья у того барина: сам с женой, два сына да две дочери — всего шестеро.

Попросил мужик нож и стал гуся делить. Сперва отрезал голову, подает барину:

— Ты всему дому голова — так вот тебе гусиная голова.

Отрезал гузку, барыне подает:

— Тебе дома сидеть, за домом глядеть — вот тебе гузка.

Отрезал лапки, подает сыновьям:

— Вот вам по ножке — топтать отцовские дорожки.

А дочерям по крылышку дал:

— Вам с отцом, с матерью не век жить — вырастете, полетите прочь, свое гнездо вить.

Остальное себе взял:

— А мужик сер да глуп — мне глодать хлуп [1].

Засмеялся барин:

— Хорошо, мужик, гуся разделил и сам в обиде не остался.

Поднес стаканчик винца и велел дать два мешка муки бедному мужику.

Услыхал про то богатый мужик, позавидовал бедняку.

Зажарил пять жирных гусей, принес барину, сам кланяется:

— Не побрезгуй, ваша милость, принять за поклон от меня пять кормленых гусей.

— Спасибо, братец, спасибо. Сумел ты гусей подарить, сумей свой подарок промеж нас без обиды разделить. Коли разделишь без обиды — награжу, а не сумеешь разделить — велю на конюшне выпороть.

Стоит богатый мужик, прикидывает и так и сяк, никак ему пять гусей между шестью человеками не разделить.

Позвал барин бедняка:

— Можешь ли пять гусей промеж нас без обиды разделить?

— А чего не разделить? — отвечает бедный мужик.

Подает одного гуся барину с барыней:

— Вас двое — и вот вам гусь. Теперь вас стало трое.

Другого гуся двум сыновьям подал:

— И вас теперь трое стало.

Третьего подает двум дочерям:

— И вас стало трое.

Двух остальных гусей себе взял:

— И нас стало трое. Никому не обидно.

Барин рассмеялся:

— Ну, молодец, мужик, знал, как надо разделить, и себя не забыл.

Поднес ему стаканчик винца, велел дать воз муки, а богатого мужика на конюшню послал, велел выпороть.

---

[1] Хлуп — птичье туловище. *(Прим. А. Нечаева.)*

СКРЯГА

Жил-был богатый купец Марко — скупей его не было! Раз как-то пошел он гулять; идучи дорогою, увидал нищего: сидит старец и просит милостыни: «Подайте, православные, Христа ради!» Марко Богатый прошел мимо. Следом за ним шел на ту пору бедный мужик, возжалел нищего и подал ему копеечку. Стыдно показалось богатому, остановился он и говорит мужику: «Послушай, земляк, дай мне взаймы копеечку; хочется убогому подать, да мелких нету!» Мужик дал ему и спрашивает: «А когда за долгом приходить?» — «Завтра приходи!» На другой день бедный идет к богатому за своей копейкою. Пришел на его широкий двор. «Что, Марко Богатый дома?» — «Дома! Тебе что надо?» — спрашивает Марко. «За копеечкой пришел».— «Ах, брат, приди после; ну, право, мелких нет». Бедный поклонился и назад. «Я, говорит, приду завтра». Наутро приходит — опять то же: «Мелких денег вовсе нет, коли хошь, давай с сотенной сдачи... а не то приходи через две недели». Через две недели снова идет бедный к богатому, а Марко Богатый увидал его в окно и говорит жене: «Слушай, жена! Я разденусь догола и лягу под святые; а ты покрой меня полотном, сиди и плачь словно над мертвым. Когда придет мужик за долгом, скажи ему, что я сегодня помер».

Вот ладно, как муж приказал, так жена и сделала: сидит да горючими слезами заливается. Приходит мужик в горницу, она его и спрашивает: «Тебе что?» — «За должком к Марку Богатому»,— отвечает бедный. «Ну, мужичок, Марко Богатый приказал долго жить; сейчас только помер».— «Царство ему небесное! Позволь, хозяйка, за мою копеечку послужу ему — хоть грешное тело

обмою». С этим словом ухватил чугун с горячей водою и давай Марка Богатого кипятком ошпаривать. Марко еле терпит, морщится да ногами дрыгает. «Дрыгай не дрыгай, а копейку подай!» — говорит бедный. Обмыл, снарядил как надо. «Ну, хозяйка, покупай гроб да вели в церковь выносить; я стану над ним псалтырь читать». Положили Марка Богатого в гроб и вынесли в церковь; а мужик стал над ним псалтырь читать.

Наступила темная ночь. Вдруг открывается окно и лезут в церковь воры-разбойники; мужик за алтарь спрятался. Воры влезли и начали меж собой добычу делить; все поделили, остается золотая сабля — всякий к себе тащит, никто не уступает. Бедный как выскочит, как закричит: «Что вы спорите? Кто мертвецу голову отрубит, того и сабля будет!» Марко Богатый вскочил сам не свой. Воры испугались, побросали свою казну и кинулись бежать. «Ну, мужичок,— говорит Марко,— давай деньги делить». Разделили поровну; много досталось и тому и другому. «Что ж копеечку?» — спрашивает бедный. «Эх, брат, сам видишь — мелких нет!» Так-таки и не отдал Марко Богатый копеечки.

ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ

Жил кузнец припеваючи, никакого Лиха не знал. «Что это,— говорит кузнец,— никакого я Лиха на веку своем в глаза не видал? Хоть посмотреть бы, какое там такое Лихо на свете». Вот и пошел кузнец Лиха искать. Шел, шел, зашел в дремучий лес; ночь близко, а ночевать негде и есть хочется. Смотрит по сторонам и видит — неподалеку стоит большущая изба. Постучал — никто не отзывается; отворил дверь, вошел — пусто, не хорошо! Забрался кузнец на печь и лег спать не ужинавши.

Стал было уже засыпать кузнец, как дверь отворилась, и вошло в избу целое стадо баранов, а за ними Лихо — баба огромная, страшная, об одном глазе. Понюхало Лихо по сторонам и говорит: «Э, да у меня никак гости; будет мне, Лиху, что позавтракать, давненько я человеческого мяса не едало». Вздуло Лихо лучину и стащило кузнеца с печи, словно ребенка малого. «Добро пожаловать, нежданный гость; спасибо, что забрел; чай, ты проголодался и отощал»,— и щупает Лихо кузнеца, жирен ли; а у того от страха все животики подвело. «Ну, нечего делать, давай сперва поужинаем»,— говорит Лихо; принесло большое беремя дров, затопило печь, зарезало барана, убрало и изжарило.

Сели ужинать. Лихо по четверти барана зараз в рот кладет, а кузнецу кусок в горло не идет, даром что целый день ничего не ел. Спрашивает Лихо у кузнеца: «Кто ты таков, добрый человек?» — «Кузнец».— «А что умеешь ковать?» — «Да все умею».— «Скуй мне глаз».— «Изволь,— говорит кузнец,— да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебе вковал глаз». Лихо принесло две веревки: одну толстую, а другую потоньше. Кузнец взял веревку потоньше, связал Лихо, да

и говорит: «А ну-ка, бабушка, повернись!» Повернулось Лихо и разорвало веревку. Вот кузнец взял уже толстую веревку, скрутил бабушку хорошенько. «А ну-ка теперь повернись!» Повернулось Лихо и не разорвало веревок. Тогда кузнец нашел в избе железный шкворень, разжег его в печи добела, поставил Лиху на самый глаз, на здоровый, да как ударит по шкворню молотом — так глаз только зашипел. Повернулось Лихо, разорвало все веревки, вскочило, как бешеное, село на порог и крикнуло: «Хорошо же, злодей! Теперь ты не уйдешь от меня!»

Пуще прежнего испугался кузнец, сидит в углу ни жив ни мертв; так всю ночку и просидел, даром что спать хотелось. Поутру стало Лихо выпускать баранов на пашню, да все по одному: пощупает, точно ли баран, схватит за спину, да и выкинет за двери. Кузнец вывернул свой тулуп шерстью вверх, надел в рукава и пошел на четвереньках. Лихо ощупало: чует — баран; схватило кузнеца за спину да и выкинуло из избы... Вскочил кузнец, перекрестился и давай бог ноги. Прибежал домой; знакомые его спрашивают: «Отчего ты так поседел?» — «У Лиха переночевал,— говорит кузнец.— Знаю я теперь, что такое Лихо, и есть хочется, да не ешь, и спать хочется, да не спишь».

ПОХОРОНЫ КОЗЛА

Жили старик со старухою; не было у них ни одного детища, только и было, что козел: тут все и животы! Старик никакого мастерства не знал, плел одни лапти — только тем и питался. Привык козел к старику: бывало, куда старик ни пойдет из дому, козел бежит за ним из дому. Вот однажды случилось идти старику в лес за лыками, и козел за ним побежал. Пришли в лес; старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям и травку щиплет. Щипал, щипал да вдруг передними ногами провалился в рыхлую землю, зачал рыться и вырыл котелок с золотом. Видит старик, что козел гребет землю, подошел к нему и увидал золото; несказанно возрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги — и домой. Рассказал обо всем старухе.

— Ну, старик! — говорит старуха.— Это нам бог дал такой клад на старости за то, что столько лет с тобой потрудились в бедности. А теперь поживем в свое удовольствие.

— Нет, старуха! — отвечает ей старик.— Эти деньги нашлись не нашим счастьем, а козловым; теперича нам жалеть и беречь козла пуще себя!

С тех пор зачали они беречь козла пуще себя, зачали за ним ухаживать, да и сами-то поправились — лучше быть нельзя. Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе поживают, никакого горя не знают. Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советоваться со старухою, что делать?

— Коли выбросить козла собакам, так нам за это будет перед богом и перед людьми грешно, потому что все счастье наше мы через козла получили. А лучше пойду я к попу и попрошу похоронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят.

Собрался старик, пришел к попу и кланяется:

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет! Что скажешь?

— А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою, у меня на дому случилось большое несчастье: козел помер. Пришел звать тебя на похороны.

Как услышал поп такие речи, крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе.

— Ах ты, окаянный! Что выдумал! Вонючего козла хоронить.

— Так ведь этот козел, батюшка, был совсем-таки православный: он отказал тебе двести рублей.

— Послушай, старый хрен! — сказал поп.— Я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сю пору не дал мне знать о его кончине: может, он у тебя давно уж помер.

Взял поп с мужика двести рублей и говорит:

— Ну, ступай же скорее к отцу дьякону, скажи, чтобы приготовлялся; сейчас пойдем козла хоронить.

Приходит старик к дьякону и просит:

— Потрудись, отец дьякон, приходи ко мне в дом на вынос.

— А кто у тебя помер?

— Да вы знавали моего козла, он-то и помер!

Как зачал дьякон хлестать его с уха на ухо!

— Не бей меня, отец дьякон! — говорит старик.— Ведь козел-то был, почитай, совсем православный; как умирал, тебе сто рублей отказал за погребение.

— Эка ты стар и глуп! — сказал дьякон.— Что ж ты давно не известил меня о его православной кончине? Ступай скорей к дьячку: пущай позвонит по козловой душе!

Прибегает старик к дьячку и просит:

— Ступай, позвони по козловой душе!

И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать.

Старик кричит:

— Отпусти, пожалуй, ведь козел-то был православный; он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал.

— Что ж ты до сих пор копаешься! Надобно было пораньше сказать мне: следовало бы давно уж прозвонить!

Тотчас бросился дьячок на колокольню и начал валять во все колокола. Пришли к старику поп и дьякон и на-

чали похороны отправлять; положили козла в гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу.

Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея, что-де поп козла похоронил по-христиански. Потребовал архиерей к себе на расправу старика с попом:

— Как вы смели похоронить козла? Ах вы, безбожники!

— Да ведь этот козел,— говорит старик,— совсем был не такой, как другие козлы; он перед смертью отказал вашему преосвященству тысячу рублей.

— Эка ты глупый старик! Я не за то сужу тебя, что козла похоронил, а зачем ты его заживо маслом не соборовал!..

Взял тысячу и отпустил старика и попа по домам.

ШЕМЯКИН СУД

Жили два брата. Один-то был бедный, а другой богатый. Не стало у бедного брата дров. Нечем вытопить печь. Холодно в избе.

Пошел он в лес, дров нарубил, а лошади нет. Как дрова привезти?

— Пойду к брату, попрошу коня.

Неласково принял его богатый брат.

— Взять коня возьми, да смотри большого возу не накладывай, а вперед на меня не надейся: сегодня дай да завтра дай, а потом и сам по миру ступай.

Привел бедняк коня домой и вспомнил:

— Ох, хомута-то у меня нет! Сразу не спросил, а теперь и ходить нечего — не даст брат.

Кое-как привязал покрепче дровни к хвосту братнина коня и поехал.

На обратном пути зацепились дровни за пень, а бедняк не заметил, подхлестнул коня.

Конь был горячий, рванулся и оторвал хвост.

Как увидал богатый брат, что у коня хвоста нет, заругался, закричал:

— Сгубил коня! Я этого дела так не оставлю!

И подал на бедняка в суд.

Много ли, мало ли времени прошло, вызывают братьев в город на суд.

Идут они, идут. Бедняк думает:

«Сам в суде не бывал, а пословицу слыхал: слабый с сильным не борись, а бедняк с богатым не судись. Засудят меня».

Шли они как раз по мосту. Перил не было. Поскользнулся бедняк и упал с моста. А на ту пору внизу по льду ехал купец, вез старика отца к лекарю.

Бедняк упал да прямо в сани попал и ушиб старика насмерть, а сам остался жив и невредим.

Купец ухватил бедняка:

— Пойдем к судье!

И пошли в город трое: бедняк да богатый брат и купец.

Совсем бедняк пригорюнился:

«Теперь-то уж засудят».

Тут он увидал на дороге увесистый камень. Схватил камень, завернул в тряпку и сунул за пазуху:

«Семь бед — один ответ: коли не по мне станет судья судить да засудит, убью и судью».

Пришли к судье. К прежнему делу новое прибавилось. Стал судья судить, допрашивать.

А бедный брат поглядит на судью, вынет из-за пазухи камень в тряпке, да и шепчет судье:

— Суди, судья, да поглядывай сюда.

Так раз, и другой, и третий. Судья увидал и думает: «Уж не золото ли мужик показывает?»

Еще раз взглянул — посул большой.

«Коли и серебро, денег много».

И присудил бесхвостого коня держать бедному брату до тех пор, покуда у коня хвост не отрастет.

А купцу сказал:

— За то, что этот человек убил твоего отца, пусть он сам станет на льду под тем же мостом, а ты скачи на него с моста и задави его самого насмерть, как он твоего отца задавил.

На том суд и кончился.

Богатый брат говорит:

— Ну, ладно, так и быть, возьму у тебя бесхвостого коня.

— Что ты, братец,— бедняк отвечает.— Уж пусть будет, как судья присудил: подержу твоего коня до тех пор, покуда хвост не вырастет.

Стал богатый брат уговаривать:

— Дам тебе тридцать рублей, только отдай коня.

— Ну, ладно, давай деньги.

Отсчитал богатый брат тридцать рублей, и на том они поладили.

Тут и купец стал просить:

— Слушай, мужичок, я тебе твою вину прощаю, все равно родителя не воротишь.

— Нет, уж пойдем, коли суд присудил, скачи на меня с моста.

— Не хочу твоей смерти, помирись со мной, а я тебе сто рублей дам,— просит купец.

Получил бедняк с купца сто рублей. И только собрался уходить, подзывает его судья:

— Ну, давай посуленное.

Вынул бедняк из-за пазухи узелок, развернул тряпицу и показал судье камень.

— Вот чего тебе показывал да приговаривал: «Суди, судья, да поглядывай сюда». Кабы ты меня засудил, так я б тебя убил.

«Вот и хорошо,— думает судья,— что судил я по этому мужику, а то бы и живу не быть».

А бедняк веселый, с песенками, домой пришел.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий — дурачок Емеля.

Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

— Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

— Неохота...

— Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

— Ну, ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял ведра да топор и пошел на речку.

Прорубил лед, зачерпнул ведра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку:

— Вот уха будет сладка́!

Вдруг щука говорит ему человечьим голосом:

— Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеется:

— На что ты мне пригодишься?.. Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка́.

Щука взмолилась опять:

— Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю все, что ни пожелаешь.

— Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

— Емеля, Емеля, скажи, чего ты сейчас хочешь?

— Хочу, чтобы ведра сами пошли домой и вода бы не расплескалась...

Щука ему говорит:

— Запомни мои слова: когда что тебе захочется — скажи только:

«По щучьему веленью,
По моему хотенью».

Емеля и говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ступайте, ведра, сами домой...

Только сказал — ведра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошел за ведрами.

Идут ведра по деревне, народ дивится, а Емеля идет сзади, посмеивается... Зашли ведра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени — невестки говорят ему:

— Емеля, что ты лежишь? Пошел бы дров нарубил.

— Неохота...

— Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

поди, топор, наколи дров, а дрова — сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскочил из-под лавки — и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло — невестки опять говорят:

— Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

— Да вы-то на что?

— Как мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

— Мне неохота...

— Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял веревку и топор, вышел на двор и сел в сани.

— Бабы, отворяйте ворота.

Невестки ему говорят:

— Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

— Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ступайте, сани, в лес...

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро — на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он, знай, сани погоняет. Приехал в лес.

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие дрова, а дровишки сами в сани валятся и веревкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку — такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:

— По щучьему веленью
По моему хотенью —

поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют.

Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли — услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера — его найти, привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живет, и спрашивает:

— Ты — дурак Емеля?

А он с печки:

— А тебе на что?

— Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

— А мне неохота...
Рассердился офицер и ударил его по щеке.
А Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

дубинка, обломай ему бока...
Дубинка выскочила — и давай колотить офицера, насилу он ноги унес.
Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и своего самого набольшего вельможу послал:
— Привези ко мне во дворец Емелю дурака, а то голову с плеч сниму.
Накупил набольший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошел в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.
— Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят,— тогда он все сделает, что ни попросишь.
Набольший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:
— Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.
— Мне и тут тепло.
— Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить — пожалуйста, поедем.
— А мне неохота...
— Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.
Емеля подумал-подумал:
— Ну, ладно, ступай ты вперед, а я за тобой вслед буду.
Уехал вельможа, а Емеля полежал еще и говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

ну-ка, печь, поезжай к царю...
Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю.
Царь глядит в окно, дивится:
— Это что за чудо?
Набольший вельможа ему отвечает:
— А это Емеля на печи к тебе едет.
Вышел царь на крыльцо.

— Что-то, Емеля, на тебя много жалоб. Ты много народу подавил.

— А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь — Марья-царевна. Емеля увидал ее в окошко и говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —
пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал еще:

— Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, вошла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полеживает.

А у царя во дворце крик да слезы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он ее за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять набольшему вельможе:

— Ступай приведи ко мне Емелю живого или мертвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа вин сладких да разных закусок; поехал в ту деревню, вошел в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, захмелел и лег спать. А вельможа положил его в повозку и повез к царю.

Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В нее посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли — проснулся Емеля, видит — темно, тесно.

— Где же это я?

А ему отвечают:

— Скушно и тошно, Емелюшка. Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

— А ты кто?

— Я — Марья-царевна.

Емеля говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —
ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на желтый песок...

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на желтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из нее.

— Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

— А мне неохота...

Тут она стала его еще пуще просить, он и говорит:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

выстройся каменный дворец с золотой крышей...

Только он сказал — появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом — зеленый сад: цветы цветут и птицы поют. Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

— Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля недолго думал:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —

стать мне добрым молодцем, писаным красавцем...

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит — стоит дворец, где раньше ничего не было.

— Это что за невежа без моего дозволенья на моей земле дворец построил?

И послал узнать-спросить: кто такие?

Послы побежали, стали под окошком, спрашивают.

Емеля им отвечает:

— Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведет во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьет и не надивится:

— Кто же ты такой, добрый молодец?

— А помнишь дурачка Емелю — как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить. Я — тот самый Емеля. Захочу — все твое царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощенья просить:

— Женись на моей дочери, Емелюшка, бери мое царство, только не губи меня.

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец.

СКАТЕРТЬ, БАРАНЧИК И СУМА

Жили-были старик да старуха. Пошел раз старик на реку рыбу ловить. Смотрит — попался в сети журавль, бьется, рвется, выбраться не может. Пожалел старик журавля.

«Зачем, думает, такой доброй птице пропадать?»

Подошел к журавлю и помог ему из сетей высвободиться. Говорит ему тут журавль человеческим голосом:

— Спасибо тебе, старичок! Никогда твоей услуги не забуду. Пойдем ко мне домой — дам тебе хороший подарок.

Вот они и пошли, старик да журавль.

Шли, шли и пришли на болотце, к журавлевой избе. Вынес журавль полотняную скатерть и говорит:

— Ну, старичок, вот тебе подарок. Как захочешь есть-пить, разверни эту скатёрочку и скажи: «Напои-накорми, скатёрочка!» — все у тебя будет.

Поблагодарил старик журавля и пошел домой.

Захотелось ему по дороге есть. Сел он под кусток, развернул скатерть и говорит:

— Напои-накорми, скатёрочка!

Только сказал — и сразу на скатерти все появилось: и жареное и пареное, ешь — не хочу!

Наелся, напился старик, свернул скатёрочку и пошел дальше.

Долго ли, коротко ли шел — застигла его на пути темная ночь. Зашел он в избу к богатому мужику и просится:

— Пустите ночевать прохожего человека!

— Ночевать пустим,— говорит хозяин,— а угощенья не проси.

— Да мне и не надо угощенья,— отвечает старик.— У меня такая скатёрочка есть, что всегда и накормит и напоит вдоволь.

— А ну-ка покажи!

Старик развернул скатерть и говорит:

— Напои-накорми, скатёрочка!

Не успел сказать — на скатерти все появилось, что душе угодно.

Удивился хозяин и задумал украсть эту скатерть.

Как только старик заснул, он вытащил у него чудесную скатерть, а на место ее свою подложил — простую.

Утром старик отправился домой и не заметил, что скатерть у него не та. Пришел и говорит своей старухе:

— Ну, старуха, теперь не надо тебе хлебы месить да щи варить!

— Как так?

— Да вот так: нас эта скатёрочка потчевать будет.

Развернул на столе скатерть и говорит:

— Напои-накорми, скатёрочка!

А скатерть лежит, как ее положили.

— Обманул, видно, меня журавль! — говорит старик.— Пойду его корить: зачем обманывает!

Собрался и пошел к журавлю.

Встретил его журавль и спрашивает:

— Зачем пожаловал, старичок?

— Так и так,— отвечает старик,— плохую ты мне скатёрочку дал.

— Не тужи,— говорит журавль.— Дам я тебе теперь баранчика. Этот баранчик не простой. Как скажешь ему: «Баранчик, встряхнись!» — посыплется из него золото.

Взял старик баранчика и повел его домой.

Под вечер пришел он к тому же богатому мужику:

— Пустите переночевать.

— Иди.

— Да я не один, со мной баранчик.

— А ты баранчика на дворе оставь.

— Не могу: этот баранчик не простой — он золото дает.

— Не может этого быть! — говорит богатый мужик.

— А вот может!

Расстелил старик рогожу посреди комнаты, поставил на нее баранчика и говорит:

— Баранчик, встряхнись!

Баранчик встряхнулся, и посыпалось из него золото.
Задумал богатый мужик и баранчика себе взять.
Уложил он старика спать и спрятал баранчика. А на его место своего такого же поставил: поди узнай!
Утром старик распрощался с хозяином и пошел домой.
Пришел и говорит:
— Ну, старуха, будем теперь богато жить!
— Откуда же это мы богатство возьмем?
— Вот этот баранчик даст!
Смотрит старуха на старика, дивится — ничего понять не может.
А старик говорит ей:
— Ну-ка, расстели на полу рогожу!
Старуха расстелила. Старик поставил на рогожу баранчика и говорит:
— Баранчик, встряхнись!
А баранчик стоит, как его поставили.
Старик опять:
— Баранчик, встряхнись!
А баранчик стоит да только мемекает.
— Эх, опять обманул меня журавль! — говорит старик.— Пойду к нему, хоть за обман попеняю.
Собрался и пошел.
Пришел на болотце, к журавлевой избушке, стал журавля звать. Вышел к нему журавль и говорит:
— Зачем опять пришел, старичок?
— Да вот все твои подарки плохие, никакого проку в них нет.
Выслушал его журавль и спрашивает:
— А не заходил ли ты к кому по дороге?
— Заходил к богатому мужику.
— А не хвастал ли моими подарками?
— Хвастал.
— Ну, ладно,— говорит журавль,— дам я тебе последний подарок; он тебе и ума придаст и прежние мои подарки вернет.
Пошел в избушку и вынес старику суму:
— Возьми да скажи: «Сорок, из сумы!»
Старик взял суму и говорит:
— А ну, сорок, из сумы!
Не успел сказать, выскочили из сумы сорок молодцев с дубинками — да на старика...
Догадался старик, закричал:

— Сорок, в суму! Сорок, в суму!

Молодцы с дубинками в ту же минуту опять в суму спрятались.

Взял старик суму, поблагодарил журавля и пошел.

Как стемнело, пришел он к богатому мужику на ночлег. А тот его ждет не дождется. Встретил как дорогого гостя. Вошел старик в избу и говорит:

— Куда бы мне эту суму положить?

— Да ты ее у порога брось.

— Не могу: не простая это сума. Только скажешь: «Сорок, из сумы!» — так наградит, что лучше и не надо!

Хозяин говорит:

— Ну, тогда повесь ее на гвоздик.

Старик повесил суму на гвоздик, а сам на печку влез и смотрит, что будет.

Хозяин подождал-подождал, думал — старик уснул, и говорит:

— Сорок, из сумы!

Выскочили тут сорок молодцев с дубинками и давай его бить. Бьют, бьют, убежать не дают. Не своим голосом закричал хозяин:

— Ой, дедушка, дедушка! Проснись скорее, помоги!

А старик с печки спрашивает:

— Кто мою скатёрочку подменил?

— Не знаю!

— А, не знаешь, так и помощи у меня не проси!

— Я подменил! Я подменил! Отдам ее тебе, только спаси!

Старик спрашивает:

— А баранчика моего подменил?

— И баранчика отдам, только в живых меня оставь!

— Никогда впредь обманывать людей не будешь?

— Ой, никогда!

Тут старик говорит:

— Сорок, в суму!

Спрятались сорок молодцев в суму, будто их и не бывало.

Принес хозяин скатерть, привел баранчика, сам кряхтит, охает.

Старик взял свою скатерть да баранчика и пошел домой. Пришел и стал со своей старухой жить-поживать, всех кормить-угощать. И я у него был, мед-пиво пил, по губам текло, а в рот не попало!

ЛИСА-ПОВИТУХА

Жили-были кум с кумой — волк с лисой. Была у них кадочка медку. А лисица любит сладенькое; лежит кума с кумом в избушке да украдкою постукивает хвостиком. «Кума, кума,— говорит волк,— кто-то стучит».— «А, знать, меня на повой зовут!» — бормочет лиса. «Так поди сходи»,—говорит волк. Вот кума из избы да прямехонько к меду, нализалась и вернулась назад. «Что бог дал?» — спрашивает волк. «Початочек»,— отвечает лисица.

В другой раз опять лежит кума да постукивает хвостиком. «Кума! Кто-то стучится»,— говорит волк. «На повой, знать, зовут!» — «Так сходи». Пошла лисица, да опять к меду, нализалась досыта: медку только на донышке осталось. Приходит к волку. «Что бог дал?» — спрашивает ее волк. «Серёдышек».

В третий раз опять так же обманула лисица волка и долизала уж весь медок. «Что бог дал?» — спрашивает ее волк. «Поскрёбышек».

Долго ли, коротко ли — прикинулась лисица хворою, просит кума медку принести. Пошел кум, а меду ни крошки. «Кума, кума,— кричит волк,— ведь мед съеден».— «Как съеден? Кто же съел? Кому, окроме тебя!» — погоняет лисица. Волк и кстится и божится. «Ну, хорошо! — говорит лисица.— Давай ляжем на солнышке, у кого вытопится мед, тот и виноват».

Пошли, легли. Лисице не спится, а серый волк храпит во всю пасть. Глядь-поглядь, у кумы-то и показался медок; она ну-тко скорее перемазывать его на волка. «Кум, кум,— толкает волка,— это что? Вот кто съел!» И волк, нечего делать, повинился.

Вот вам сказка, а мне кринка масла.

ЛИСА И ДРОЗД

Дрозд на дереве гнездышко свил, яички снес и вывел детенышей. Узнала про это лисица. Прибежала и — тук-тук хвостом по дереву.

Выглянул дрозд из гнезда, а лиса ему:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд испугался и стал просить, стал лису молить:

— Лисанька-матушка, дерева не руби, детушек моих не губи! Я тебя пирогами да медом накормлю.

— Ну, накормишь пирогами да медом — не буду дерева рубить!

— Вот пойдем со мной на большую дорогу.

И отправились лиса и дрозд на большую дорогу: дрозд летит, лиса вслед бежит.

Увидел дрозд, что идет старуха со внучкой, несут корзину пирогов и кувшин меду.

Лисица спряталась, а дрозд сел на дорогу и побежал, будто лететь не может: взлетит от земли, да и сядет, взлетит, да и сядет.

Внучка говорит бабушке:

— Давай поймаем эту птичку!

— Да где нам с тобой поймать!

— Как-нибудь поймаем. У ней, видать, крыло подбито. Уж больно красивая птичка!

Старуха со внучкой поставили корзину да кувшин на землю и побежали за дроздом.

Отвел их дрозд от пирогов да от меду. А лисица не зевала: вволю пирогов да меду наелась и в запас припрятала.

Взвился дрозд и улетел в свое гнездо.

А лиса тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей воих съем!

Дрозд высунулся из гнезда и ну лисицу просить, ну лисицу молить:

— Лисанька-матушка, дерево не руби, детушек моих не губи! Я тебя пивом напою.

— Ну, пойдем скорей! Я жирного да сладкого наелась, мне пить хочется!

Полетел опять дрозд на дорогу, а лисица вслед бежит.

Дрозд видит: едет мужик, везет бочку пива. Дрозд к
ему: то на лошадь сядет, то на бочку пива. До того рас-
тот захотел убить его. Сел дрозд на
как ударит топором — и вышиб из
бежал догонять дрозда.
дорогу льется. Лиса напилась,
запела.
Лисица опять тут как

— Теперь напугай меня.

Рассердился дрозд и говорит:

— Закрой глаза, беги за мной!

Полетел дрозд, летит — покрикивает, а лисица бежи за ним — глаз не открывает.

Привел дрозд лису прямо на охотников:

— Ну, теперь, лиса, пугайся!

Лиса открыла глаза, увидела собак и — наутек. А собаки — за ней. Едва добралась до своей норы.

Залезла в нору, отдышалась маленько и начала спр шивать:

— Глазки, глазки, что вы делали?

— Мы смотрели, чтобы собаки ли

— Ушки, ушки, что вы делали

— Мы слушали, чтобы со

— Ножки, ножки, что

— Мы бежали,

— А ты, хвос

— Я, хвост

лял да тебе

Рас

СОДЕРЖАНИЕ

МАССОВАЯ СЕРИЯ

Русские народные сказки

Редактор ***А. Романов***
Художеств. редактор ***И. Жихарев***
Технич. редактор ***Л. Коркина***
Корректор ***В. Знаменская***

**Сдано в набор 26/III 1958 г.
Подписано к печати 27/V 1958 г.
Бум. 84 × 108¹/₃₂ — 5,75 печ. л. = 9,43 усл.
печ. л. 8,91 уч.-изд. л. Тираж 500 000 экз.
(1—200 000). Зак. 3463. Цена 1 р. 80 к.**

**Гослитиздат.
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.**

**Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.**

1 р. 80 к.